

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

16

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка“. Второе дополненное и исправленное издание. Составилъ <i>С. О. Грушевскій</i>	164
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Дружескіе совѣты родителямъ о воспитаніи ихъ дѣтей“. Изданіе восьмое. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Влнсмера.	—
Официальныя извѣщенія	—

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Судьба астрономіи въ Китаѣ. <i>К. Скачкова</i>	1
Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. <i>А. И. Артемьева</i>	32
Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. <i>Ө. Керенскаю</i>	99
Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. <i>М. Владимірскаю-Буданова</i>	136
Политическое устройство германской имперіи. <i>А. Градовскаю</i>	158 и 264
Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи. <i>Ө. Леонтовича</i>	201
Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руса. <i>Н. Ламбина</i>	225
Новости иностранной ученой литературы	300

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. <i>А. М. Гезена</i>	1
Италянскіе университеты. <i>А. Кистляковскаю</i>	65

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ 1873 году	1 и 103
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) низшія училища и б) высшія учебныя заведенія. 55 и 83	
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Д—ра</i>	70 и 133
Латинскій языкъ въ Саксонскихъ учительскимъ семинаріяхъ. 128	

ЗАДРУЖНО-ОБЩИННЫЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО БЫТА ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ огромной массѣ изслѣдованій по русской исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто труды, посвященныя разъясненію одного изъ наиболѣе капитальныхъ вопросовъ науки — вопроса о политическомъ бытѣ древней Россіи. Въ настоящее время существуетъ въ нашей литературѣ нѣсколько политическихъ теорій, изъ которыхъ каждая отличается, въ большей или меньшей степени, научными достоинствами. Тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что ни одна изъ господствующихъ теорій не даетъ достаточно полнаго и удовлетворительнаго объясненія всей пестроты историческихъ явленій. Не будетъ большою ошибкой, если скажемъ, что большинство изслѣдованій, касающихся вопроса о политическомъ строѣ древне-русской жизни, имѣетъ подѣ собою теоретическую подкладку, нерѣдко отличающуюся крайней сбивчивостію и неточностію основныхъ научныхъ понятій (напримѣръ, хотя понятій о родѣ, общинѣ, государствѣ и пр.), вмѣстѣ съ фактической односторонностію, неполнотой и недостаточностію самаго метода изслѣдованій. Нельзя указать ни на одну теорію, которая окончательно установилась бы и господствовала въ наукѣ; напротивъ, по всѣмъ основнымъ ея вопросамъ встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій съ самыми противоположными и разнохарактерными направленіями, — воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода. Старые споры между сторонниками родового и общиннаго быта древней Россіи далеко не прекратились въ нашей исторической литературѣ, — обѣ теоріи доселѣ, какъ и на первыхъ порахъ, имѣютъ каждая на своей сторонѣ равносильныхъ и авторитетныхъ поборниковъ. Рядомъ съ ними стоятъ сторонники теоріи, впервые появившейся въ извѣстномъ ученіи гг. Капе-

лина и Чичерина о частно-правномъ типѣ политическаго строя древней Россіи и въ новѣйшее время получившей дальнѣйшее развитіе въ личной или договорной теоріи г. Сергѣевича. Этого мало: нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ послѣдняго времени (въ особенности г. Самоквасовъ) нашли полную возможность реставрировать старую государственную теорію, которой держались еще историка Карамзинской эпохи. Всѣ эти теоріи стоятъ рядомъ, вооруженныя, по видимому, равносильными фактическими и теоретическими данными, основными выводами и положеніями. Притомъ, разладъ въ воззрѣніяхъ историковъ не только существуетъ по главнымъ научнымъ вопросамъ, но и еще усиливается чуть ли не до безконечности по другимъ, болѣе частнымъ вопросамъ. Словомъ, наука русской исторіи, въ современномъ ея состояніи, не можетъ представить ни одного сколько-нибудь важнаго вопроса, по которому историки пришли бы къ совершенно безспорному, единогласно принятому рѣшенію.

Такое положеніе дѣла, очевидно, нисколько не мирится съ основнымъ характеромъ и направленіемъ науки, всегда предполагающей органическое единство и цѣлостность, а не коренной разладъ во всѣхъ ея построеніяхъ и выводахъ. Если это такъ, то конечно, теперь въ особенности весьма желательны и своевременны попытки, ставшія недавно появляться у насъ (напримѣръ, въ трудахъ гг. Градовскаго и Бестужева-Рюмина), съ цѣлью возможно полнаго и всесторонняго разъясненія научныхъ вопросовъ, безъ односторонняго увлеченія тою или другою изъ господствующихъ въ наукѣ теорій. Дѣйствительно, нельзя не признать насущной потребности науки—заново пересмотрѣть существующіе въ ней выводы и положенія, тщательно повѣрить ихъ съ источниками, находящимися теперь въ распоряженіи науки. Только этимъ путемъ она можетъ выйти на прямую дорогу изъ того заколдованнаго круга, въ какомъ она доселѣ удерживается, благодаря долгому господству односторонне понятыхъ воззрѣній и теорій, взаимно борющихся, противорѣчащихъ одна другой.

Настоящій очеркъ имѣетъ задачей—попытку пересмотра теоретическихъ и фактическихъ основаній вопроса о политическомъ бытѣ древней Россіи, главнымъ образомъ въ до-монгольскій періодъ. Мы далеко не претендуемъ на исполнѣнн удовлетворительное рѣшеніе предложенной задачи. Мы желаемъ только указать на неполноту и односторонность существующихъ теорій и на необходимость значительныхъ поправокъ въ главныхъ ихъ положеніяхъ. Анализъ *научныхъ теорій* составитъ предметъ изложенія первой половины нашего очерка;

въ слѣдующей части будутъ наложены фактическія основанія — на первый разъ по вопросу объ *организации и существѣ княжеской власти въ Россіи до-монгольской эпохи*. Пересмотръ этого вопроса прежде другихъ мы считаемъ необходимымъ, не только потому, что онъ, по своему существу, стоитъ на первомъ планѣ въ ученіи о политическомъ бытѣ древней Россіи, но и потому, что онъ наименѣе разработанъ въ наукѣ, хотя и былъ предметомъ тщательнаго изученія большинства нашихъ историковъ.

I.

До 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія изслѣдователи наши держались почти одинаковыхъ воззрѣній и идеаловъ по вопросу о началахъ, опредѣлявшихъ сущность политическаго быта древней Россіи. Развитая первыми нашими историками *государственная теорія* господствовала въ наукѣ до появленія знаменитаго ученія г. Соловьева о родовомъ бытѣ, начавшаго собою новую эпоху въ развитіи науки русской исторіи; но какъ увидимъ, старая теорія доселѣ еще не потеряла кредита въ нашей литературѣ.

Татищевъ, Шлецеръ и другіе историки прежняго времени видѣли въ древней Руси *государство*, основанное иноплемениками — Варяжскими князьями съ дружиной. Впрочемъ, въ трудахъ этихъ историковъ мы еще не находимъ цѣльныхъ представленій объ общихъ законахъ, лежавшихъ въ основѣ всей общественной жизни Русскаго народа. Мнѣнія, высказывавшіяся этими учеными по отдѣльнымъ вопросамъ, не имѣютъ характера строго научныхъ теорій.

Первая попытка въ этомъ родѣ встрѣчается въ знаменитомъ трудѣ *Н. М. Карамзина* (Исторія государства Россійскаго, Спб. 1816). Онъ первый старался формулировать законченную теорію, уяснить если не общія начала, то по крайней мѣрѣ главныя явленія древне-русскаго политическаго быта. По мнѣнію нашего историографа, Русская земля при первыхъ же князьяхъ является государствомъ, даже больше — монархіей. Славяне, побуждаемые внутренними распрями, добровольно уничтожаютъ свое народное правленіе и требуютъ государей отъ Варяговъ; основываютъ государство, вводятъ у себя монархическую власть. Въ этой монархіи съ Рюрика же утверждается система феодальная, помѣстная или удѣльная, образовавшаяся въ силу обычая, общаго Германскимъ народамъ и занесеннаго къ намъ Варягами ¹⁾.

¹⁾ Мысль о феодализмѣ на Руси впервые высказана *А. Л. Шлецеромъ* (въ его *Несторѣ*, II, 7). Изъ позднѣйшихъ ученыхъ допускали феодализмъ — *Н. С.*

Народъ покорялся монархической власти князей, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ сходился на общій совѣтъ (вѣче), бывшій древнимъ обычаемъ и доказывавшій участие гражданъ въ управленіи. Правленіе основывалось на двухъ уставахъ — самовластія и вольности. Князья единоподержавные (первой эпохи — феодальной монархіи, существовавшей до Ярослава) повелѣвали народомъ, — народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Съ раздѣленіемъ государства (при Ярославі, преобразовавшемъ его въ удѣльную монархію) народъ, видя слабость князей, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти, или противился ея дѣйствию. Но старый порядокъ (самовластія) не отмѣнялся окончательно: князья налагали дань, судили, наказывали и пр., хотя и народъ, пользуясь свободою вѣча, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія князей, а иногда, какъ высшій законодатель, рѣшалъ судьбу государей.

Дальнѣйшее развитіе мыслей Карамзина находимъ у *Н. А. Полевой* (Исторія Русскаго народа. Москва, 1829—1833). Онъ утверждалъ, что Рюрикъ ввелъ феодальную монархію, варяжскій феодализмъ или военно-феодальную систему правленія, основанную на скандинавскихъ обычаяхъ. Эта система господствовала до времени Ольги, когда военный феодализмъ начинаетъ переходить въ феодализмъ семейный или систему удѣловъ (составляющую переходъ отъ феодализма военного къ чистой монархіи), введенную Ольгой подъ вліяніемъ учрежденій греческихъ. Съ Боголюбскаго развивается политическая независимость отдѣльных княжествъ, существовавшихъ до основанія единовластной Московской монархіи. Система феодальныхъ союзовъ княжескихъ семействъ господствовала въ южныхъ княжествахъ (Кіевскихъ), основанныхъ на неограниченномъ полномочіи князей, съ рабскимъ подчиненіемъ подданныхъ. Полевой, въ отличіе отъ Карамзина, допускаетъ вольность только на сѣверѣ, гдѣ развилась другая политическая система: Новгородъ, „республика сѣверныхъ Руссовъ“, уже съ

Арицбашевъ (Повѣств. о Росс.), *Н. А. Полевой* (Истор. русск. нар.), *Л. Г. Эверсъ* (Др. русск. право), *К. Д. Кавелинъ* (Взглядъ на юр. бытъ), *А. С. Клевановъ* (О феод. на Руси), *И. Е. Андреевскій* (О намѣстн.) и *Н. И. Срезневскій* (Изв. Ак. Наукъ III, 264). *Н. И. Костомаровъ*, въ послѣднемъ своемъ изслѣдованіи (О началѣ единовластія въ древней Руси, см. *Вѣстн. Евр.* 1870 г., 11 и 12), допускаетъ у насъ феодализмъ въ общихъ его признакахъ, какъ одинъ изъ результатовъ татарскаго завоеванія.

Олега и особенно съ Ярослава жилъ по республиканской формѣ правленія.

Воззрѣнія Карамзина и Полеваго находимъ затѣмъ у всѣхъ современныхъ историковъ. Всѣ имѣли предъ глазами монархію Рюрика, верховную неограниченную власть князей, разграниченіе двухъ политическихъ системъ—южнорусскихъ монархическихъ княжествъ и Новгородской республики и пр. Съ другой стороны, являются историки, которые, не оставляя окончательно мысли о феодализмѣ варяжскомъ, думаютъ въ то же время, что формы политическаго быта могли зародиться и на почвѣ чисто народной. Такой смыслъ нужно давать основной идеѣ, впервые высказанной Эверсомъ (*Das älteste Recht d. Russen*. Dopr. u. Hamb. 1826; въ русск. перев. *Платонова*—Спб. 1835. Сравни также Эверса — *Geschichte d. Russen*. Rig. 1816) и затѣмъ развитой Рейцомъ (*Versuch üb. d. geschicht. Ausbildung d. Russ. Staats—u. Rechtsverfassung* Mit. 1829; въ русск. пер. *Морошкина*—М. 1836), о томъ, что Русское государство основалось на древнихъ народныхъ обычаяхъ, на прежнемъ общественномъ правленіи славянскихъ племенъ. Эверсъ развилъ воззрѣніе о господствѣ родового быта у русскихъ Славянъ и сдѣлалъ первую попытку объясненія юридической ихъ жизни съ точки зрѣнія родовой теоріи; попытку эту затѣмъ развилъ и дополнилъ Рейцъ. Тѣмъ не менѣе политическая теорія обоихъ ученыхъ осталась почти внѣ всякаго вліянія со стороны ученія о родовомъ бытѣ. Эверсъ и особенно Рейцъ видятъ вліяніе родового начала только въ обычаяхъ наследованія княжескихъ столовъ по родовому старшинству князей и въ первоначальномъ устройствѣ вѣщъ. Эверсъ вообще не вполне выяснилъ свою мысль. Онъ говоритъ, что „новое государство (основанное Рюрикомъ) есть соединеніе многихъ великихъ родовъ, и новый властитель—верховный патриархъ, правящій какъ домоначальникъ своимъ семействомъ“. Но вслѣдъ затѣмъ Эверсъ повторяетъ воззрѣнія Карамзина и Полеваго, называетъ Рюрика и его преемниковъ верховными, неограниченными монархами, говоритъ о ихъ единодержавіи, о подданствѣ народа и пр. Онъ признаетъ верховными государями, не только Рюриковичей, но и князей народныхъ (напримѣръ Древлянскаго Мала), считаетъ и ихъ самовластными государями. Рейцъ точно также настаиваетъ на томъ, что Рюрикъ основалъ государство, даже больше—неограниченную монархію; онъ отыскиваетъ правительственныя дѣйствія Рюрика, называетъ его и послѣдующихъ князей государями, единовластителями, съ верховными правами и властію, — различаетъ, подобно Полевому,

двѣ древнерусскія системы или формы правленія — Киевскую неограниченную монархію, союзное государство (Bundesstaat), и вольные города и провинціи — Новгородъ и Псковъ съ колоніей Вяткой, — республики, демократіи, основанныя на народоправленіи, республиканскомъ правленіи и пр.

Такимъ образомъ, теоріи, господствовавшія въ наукѣ до 40-хъ годовъ, исповѣдывали одинъ политическій культъ — монархіи Киевской и республики Новгородской. Исходная точка теорій одинакова: государство основывается сразу, безъ переходныхъ ступеней между старой и новой общественностію. Русское государство — дѣло князей; они вводятъ монархію по иноземнымъ формамъ, со всѣми политическими ея атрибутами. Болѣе самобытнымъ характеромъ отличаются политическія формы Новгорода; но и они устроены по тѣмъ же иноземнымъ, республиканскимъ, демократическимъ образцамъ вольныхъ городовъ Запада. Нельзя сказать, чтобы государственная теорія Карамзинской эпохи потеряла полный кредитъ позже, когда возникли и установились въ наукѣ новыя воззрѣнія, основанныя на иныхъ началахъ; напротивъ, и доселѣ еще высказываются въ нашей исторической литературѣ ученія и даже цѣлыя теоріи рѣшительно въ духѣ воззрѣній Карамзинской эпохи. Такимъ образомъ, *И. Д. Бѣляевъ* и другіе послѣдополатели общинной теоріи приурочивали основаніе государства къ эпохѣ призванія князей, видѣли, напримѣръ, уже въ Олегѣ и Игорѣ верховныхъ государей (см. *Временникъ* XV, 38, 41; *Изв. Ак. Наукъ*, I, 320). Еще въ недавнее время воззрѣнія Карамзинской эпохи почти цѣликомъ реставрированы г. *Самоковасовымъ* (Замѣтки по исторіи русск. госуд. устройства и управленія, помѣщ. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869, ч. 146), въ его теоріи *чистой монархіи* Киевской и *чистой демократіи* Новгородской. Теорія г. Самоковасова есть не болѣе, какъ только нѣсколько подновленная, или, лучше, переведенная на современный литературный языкъ, теорія Полеваго и особенно Рейца; отъ перваго онъ отличается почти лишь тѣмъ, что трактуетъ о Киевской чистой монархіи, тогда какъ, по ученію Полеваго, Киевское государство было феодальнымъ. Теорія нашего автора укладывается въ слѣдующую формулу. Развитіе государственнаго быта въ сѣверныхъ и южныхъ волостяхъ Россіи пошло съ IX вѣка противоположными путями. Киевское княжество уже въ X вѣкѣ представляло чистую (или неограниченную) монархію, гдѣ народъ является въ политической сферѣ только въ чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаяхъ, тогда какъ Новгородское народоправство было чистою де-

мократіей, гдѣ участіе народа въ государственной сферѣ есть общее правило. Въ Кіевской системѣ князь есть представитель государственной власти. Уже въ первые вѣка русской исторіи, въ эпоху наибольшаго господства вѣчь, мы видимъ страшную политическую силу князей-влыстелиновъ (Олега, Владиміра, Ярослава и др.), самовластіе и неограниченную власть князей, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ народа, какъ полные политическіе самовластцы относительно своего земства. На совершенно противоположныхъ началахъ построится система новгородская, принявшая форму чистой демократіи, народоправства. Новгородъ развилъ народную свободу и государственную самостоятельность до степени свободнаго въ политическомъ отношеніи, независимаго народоправства. Въ то время, какъ вѣче южной Россіи было безформенною сродкой безъ всякихъ юридическихъ основъ, въ Новгородскомъ вѣчѣ сосредоточивались всѣ функціи верховной государственной власти; оно составляло единую, верховную государственную власть; князь являлся только подчиненнымъ вѣчу, высшимъ его органомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣнню новѣйшихъ теорій, считаемъ не лишнимъ сказать объ историческихъ розысканіяхъ *М. П. Погодина* (Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русск. ист. М. 1846—1859. т. 7). Этотъ ученый стоитъ особнякомъ, не примыкаетъ ни къ одной изъ господствующихъ въ наукѣ теорій. Г. Погодинъ собственно не имѣлъ дѣла съ теоріей; для него главное значеніе имѣлъ методъ, фактическая разработка предмета. Формулы и афоризмы г. Погодина имѣютъ характеръ системы математическаго констатированія фактовъ, подбора ихъ и сведенія къ одному знаменателю, безъ всякаго строгаго научнаго обобщенія и вывода общихъ законовъ. Если г. Погодину и можно приписывать „начала“, то скорѣе количественныя, чѣмъ качественные: для него фактъ все значить, дальше факта онъ не идетъ.

Новыя воззрѣнія и идеи, сложившіяся въ цѣлую научную теорію, вносятся въ науку *С. М. Соловьевымъ* (Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ,—въ *Чтен. Общ. Ист. и Древ.* 1845, II. и отд.—М. 1845; О родовыхъ отношеніяхъ Моск. княз. древн. Руси,—въ *Москов. Литер. Сбор.* 1846; Исторія отношеній М. русскими князьями Рюрик. дома. М. 1847; Исторія Россіи, I—II). Въ его историческихъ трудахъ впервые опредѣлилось органическое направленіе науки русской исторіи,—по его словамъ, „надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи“. Начало, дающее историческимъ явленіямъ

органическую цѣлость и единство, авторъ находитъ въ *родѣ и родо-
выхъ отношеніяхъ*, бывшихъ опредѣляющимъ порядкомъ первоначальной, племенной жизни Русскихъ Славянъ и позже легшихъ въ основу зарождавшагося политическаго ихъ быта. Теорія г. Соловьева создала вскорѣ цѣлую школу послѣдователей, доселѣ господствуетъ въ наукѣ, сдѣлалась, можно сказать, ходячимъ мнѣніемъ, вошла въ учебники и служить доселѣ исходною точкой для большинства специальныхъ изслѣдованій о внутреннемъ бытѣ древней Россіи. По словамъ одного изъ современныхъ ученыхъ, „г. Соловьеву принадлежитъ честь безспорно величайшаго открытія въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя, является основателемъ новаго возрѣнія, богатаго выводами и послѣдствіями“ (см. Соч. Кавелина, II, 474). Общая формула родовой теоріи г. Соловьева, развитой и выясненной его послѣдователями, въ особенности *К. Д. Кавелинымъ* (Сочиненія, I—III)¹⁾, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ. Славяне издавна жили подѣ исключительноными формами родоваго быта. Родъ означалъ совокупность родичей—лицъ, соединенныхъ близкими и дальними степенями кровнаго родства. Основаніе родоваго быта—единство кровнаго происхожденія; единство рода, связь племенъ и семействъ, поддерживались единымъ родоначальникомъ, отцомъ семейства. Глава рода и семьи полновластно господствовалъ надъ семьей и родомъ: въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ—ихъ верховный жрецъ, примиритель споровъ, каратель преступныхъ, словомъ—онъ ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Со стороны младшихъ—только обязанности и никакихъ правъ;

¹⁾ Изъ сочиненій Кавелина для насъ особенно важны: „Взглядъ на юридич. бытъ древн. Россіи“ (*Соврем.* 1847, № 7, и Сочин. I) и рецензіи на сочиненія Соловьева (*Отеч. Зап.* т. 43 и 47; *Соврем.* 1847, №№ 4, 6 и 9, и Соч. II—III). Сюда принадлежатъ также слѣд. сочиненія: *А. Ф. Тюркина* Общественная жизнь и земскія отношенія въ древн. Россіи (*Вибл. для чтен.* 1849, № 11; 1850, №№ 1 и 2, и отд.—Спб. 1850). *Никольскаго* О началахъ наследованія по др. русск. праву. М. 1859. *С. М. Штиглевскаго* Союзъ родственной защиты у др. Герман. и Славянъ. (*Уч. Зап. Казан. Унив.* 1864; отд.—Каз. 1866) и Семейныя власти у др. Слав. и Герман. К. 1869. *Ор. Миллера* Опытъ историч. обзор. русск. словесей. 1866. *Никитскаго* Теорія родоваго быта въ древн. Русн (*Вѣст. Евр.* 1870, авг.). *І. Пергольфа* Славянская цивилизація въ древнихъ временахъ до XVIII ст. (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1873, №№ 11 12). Ср. также *Маттесонскаго* *Historia pravod. Slov.* 1856—1866 (2-е изд.). *Губе* *Erbfolgrechte d. Slaven* (русск. переводъ въ *Сборн. историч. и статистич. соед.*, изд. *Валуева*, 1845). *Иречка* *Slov. právo v. Čechach a na Moravě* Pr. 1863—1864 (нѣм. перов.—Pr. 1865—1866) и др.

со стороны старших—неограниченное главенство, простиравшееся до возможности продажи, даже убійства лицъ подвластныхъ. Таковы главныя основанія древняго родового быта русскихъ Славянъ. Нѣкоторые изъ повдвѣйшихъ послѣдователей родовой теоріи значительно отклоняются отъ изложенныхъ выше основаній этой теоріи, полагая, что родовой бытъ, въ полномъ его развитіи, проходитъ двѣ ступени: естественную—по началу кровнаго родства, и искусственную—по началу родства фиктивнаго (фиктивнаго признанія происхожденія отъ одного лица, какъ родоначальника). Теорію искусственнаго родового быта Славянъ въ историческое время сформулировалъ въ особенности г. *Шикитскій*, допускавшій фикцію общаго родоначальника, выборное происхожденіе родовой власти, равноправіе членовъ рода и пр. (см. теорія родов. быта,—въ *Вѣстникъ Европы* 1870, авг.). По мнѣнію г. Соловьева и его послѣдователей, родовой бытъ, начавшійся въ доисторическія времена, долго господствовалъ у Славянъ; у Русскихъ онъ исчезаетъ въ пародной жизни позже призванія князей (по мнѣнію г. Соловья при Ярославѣ I, по мнѣнію г. Кавелина,—только подъ конецъ древней исторіи). Призваніе рода Варяжскихъ князей было органическимъ явленіемъ родового быта: князья были призваны изъ чужаго рода, въ значеніи посреднической власти, ради возстановленія нарушеннаго родовыми усобицами прежняго единства и внутренняго порядка родовъ. Въ силу родовыхъ обычаевъ сложилось понятіе о родовомъ старѣйшинствѣ князей, смотря по степени близости ихъ къ одному общему родоначальнику, — начало, которымъ опредѣлялись отношенія между князьями и права cadaго изъ нихъ на участіе въ общемъ владѣніи Русской землей, составлявшей родовую собственность князей Рюриковичей. Изъ родового же быта развилось народовластіе, проявлявшееся въ сходкахъ (вѣчахъ) представителей отдѣльныхъ родовъ; съ Ярослава, когда родовой бытъ ослабѣлъ, сходки старцевъ смѣняются общенароднымъ вѣчемъ, являвшимся вообще съ неопредѣленнымъ характеромъ и формами. Политическій бытъ Русскаго народа окончательно перестаетъ опредѣляться родовыми пачалами со времени Боголюбскаго, когда на смѣну родовыхъ началъ являются пачала территориальныя (по г. Кавелину—вотчинныя), а затѣмъ государственныя.

Первыми по времени противниками родовой теоріи явились *славянофилы*, въ особенности *К. С. Аксаковъ* (О древн. бытѣ у Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности,—въ *Моск. Сборн.* 1852, № 1, и Сочин. I), *И. Д. Блывевъ* (Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика

въ Новгородѣ,—въ *Временникъ* 1850, кн. 8) и *В. Н. Лешковъ* (Общинный бытъ древн. Россіи,—въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1856, № 9, отд.—Спб. 1856; статья эта вошла въ составъ сочиненія—*Русск. народъ и государство*. М. 1858) ¹⁾. Они первые стали высказывать мысль о господствѣ *общиннаго быта* у Русскихъ Славянъ. Не отвергая вовсе родового быта, они только утверждали, что его не было у Славянъ Русскихъ. По смыслу общинной теоріи, Славяне искони имѣли общинное устройство, съ его системой автономическаго народнаго управленія и общественныхъ отношеній. Община была главною и единственною формою быта Русскихъ Славянъ и основывалась на началѣ территориальномъ (не физиологическомъ, родовомъ), на началѣ общаго сожителства на однихъ мѣстахъ поселенія. Общинный бытъ основанъ на внутренней крѣпости общины, на господствѣ круговой поруки внутри союзовъ и розни, отрицанія идеи права въ отношеніяхъ междосоюзныхъ. Власть и самобытность общины проявлялась въ присущемъ ей самоуправленіи: на первомъ планѣ стоялъ народъ; старшина былъ только главой, представителемъ общиннаго паряда, безъ полномасштабнаго родоначальника. Равноправіе членовъ общины составляло существенное отличіе ея отъ рода. Первичною формою территориальной общины была вервь, позднѣйшій погостъ,—союзъ мелкихъ территориальныхъ поселковъ—дымовъ, дворовъ, починковъ, селъ, посадовъ, городовъ. Нѣсколько вервей, связанныхъ пространственно, составляли землю или область,—вторую форму общиннаго быта Славянъ, образовавшуюся у насъ предъ призваніемъ князей. Политическій, „самоуправный“ характеръ община удерживала у насъ до первыхъ князей—Рюриковичей: община оказалась несостоятельною въ поддержаніи наряда съ тѣхъ поръ, какъ возникла неурядица между землями, и усилились враждебныя столкновенія ихъ съ другими племенами. При князьяхъ община уступила мѣсто государству, ограничилась одною административною и хозяйственною дѣятельностію. Съ полнымъ развитіемъ государственнаго порядка (въ XVI и XVII вв.), хозяйственно-

¹⁾ Аксаковъ не формулировалъ законченной теоріи; цѣлью его была, главнымъ образомъ, критика родовой теоріи. Вълелевъ сдѣлалъ очень тщательный обзоръ внутренняго быта Русскаго народа до прихода Рюрика; вездѣ приводилъ доказательства въ подтвержденіе мысли о господствѣ общиннаго быта у Русскихъ Славянъ. Г. Лешкову, наконецъ, принадлежитъ первый опытъ систематическаго изложенія исторіи и устройства древне-русской общины до и послѣ призванія князей. Мысли этихъ ученыхъ раздѣлялъ также *А. С. Хомяковъ* (Сочиненія М. 1861, I) и другіе ученые славянофильской школы.

административная община превратилась въ географическую. Такимъ образомъ, по ученію первыхъ основателей общинной теоріи, община удерживала у Русскихъ Славянъ политическую роль только въ первоначальную эпоху, предшествовавшую призванію князей,—въ лицѣ послѣднихъ организуется верховная власть, вмѣстѣ съ сплоченіемъ общинъ въ одно политическое цѣлое — государство. Въ послѣднемъ пунктѣ, очевидно, общинная теорія сближается съ государственною теоріей Карамзинской эпохи, съ тѣмъ различіемъ, что старіе историки смотрѣли на государство Рюрика, какъ на иноземный продуктъ, сразу устроенный по иностраннымъ формамъ феодально-монархическимъ или республиканскимъ, тогда какъ основатели общинной теоріи выводили государство изъ внутреннихъ условій народнаго (общиннаго) быта Русскихъ Славянъ.

Вопросъ о политическомъ значеніи общины получилъ дальнѣйшее свое развитіе въ извѣстной теоріи *Н. И. Костомарова* (Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси,—въ Основѣ 1861 г., № 1, и Монографіи, I; сравн. его же Владиміръ Мономахъ и Богданъ Хмѣльницкій—въ *Русск. Инв.* 1865 г., № 86), о *федеративномъ началѣ и племенно-областныхъ отношеніяхъ*, какъ главныхъ двигателей всего политическаго быта удѣльно-вѣчевой Руси. По словамъ нашего историка, Русскій народъ еще до князей выработалъ, въ силу условій этнографическихъ, мѣстныхъ и историческихъ, самобытную племенную организацію отдѣльныхъ народностей, начавшую, послѣ прихода князей, подчинять себѣ и регулировать политическую организацію народа. Самобытная жизнь племенъ и образовавшихся изъ нихъ земель въ княжескую эпоху подчиняла народнымъ, земскимъ началамъ организацію княжеской власти, приспособляла родовыя отношенія князей къ цѣлямъ и стремленіямъ самобытныхъ земель. И природа, и историческія обстоятельства—все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности отдѣльныхъ народныхъ частей—племенъ и земель. При Рюриковичахъ она только всплыла наверхъ, высказалась въ образованіи системы княжескихъ волостей,—княжества удѣльной эпохи соотвѣтствовали первоначальнымъ племенамъ Русскихъ Славянъ¹⁾. Удѣльный періодъ только придалъ этимъ народнымъ частямъ опредѣленную фізіономію, опре-

¹⁾ На соотвѣтствіе удѣловъ съ старыми племенами указывалъ еще *Полевый* (Ист. Русск. нар. II, 43, 51; III, 278), также *Лешковъ* (Общин. бытъ см. выше), *Позодинъ* (Иасл. IV, 326), *Клевановъ* (Ист. юго-зап. Россіи, 1849), *Соловьевъ* (Отч. Зап. 1850, т. 72 и Ист. Росс. I, гл. 1).

дѣленную политическую организацію, связавъ ихъ въ одну политическую систему—федерацию земель и волостей, въ силу ихъ общаго происхожденія, общаго быта и языка, единого княжескаго рода, единой христіанской вѣры и единой церкви¹⁾. Удѣльные распорядки были, такимъ образомъ, результатомъ не столько родовыхъ отношеній князей, сколько племенно-областной организаціи самыхъ земель, вошедшихъ въ составъ отдѣльныхъ княжествъ.—Мысль о племенно-областномъ началѣ не нова. Намеки на него находимъ у Надеждина, Бѣляева и др.²⁾. „Коренное различіе племенъ“ давно считали одною изъ причинъ удѣльной розни древней Россіи; но только г. Костомарову удалось неясную мысль прежнихъ ученыхъ облечь въ живой и цѣльный образъ. Онъ первый выяснилъ съ достаточною полнотой политическое значеніе древне-русскихъ земель и общинъ,—первый подмѣтилъ, что значеніе общины не ограничивалось только тѣмъ, что она дала матеріалъ, подготовила почву для зарождавшагося государства. Нашъ авторъ указалъ на тотъ весьма важный фактъ, что и послѣ призванія князей, въ удѣльно-вѣчевую эпоху, община не ограничивалась въ политической сферѣ лишь пассивною ролью, предоставивъ, по выраженію Лешкова, господство государству, но продолжала принимать дѣятельное участіе въ политической жизни народа. Г. Костомарову принадлежитъ, такимъ образомъ, научная постановка и рѣшеніе вопроса о землѣ, какъ политической общинѣ, вліявшей на государственннй строй княжеской Руси.

Первоначальная теорія г. Костомарова въ нѣсколько измѣненномъ

¹⁾ Мысль о федераціи впервые высказана кн. *М. М. Щербатовымъ* (Ист. Росс. II, 258). См. также *Полсваго* (Ист. II, 87), *Эверса* (Gesch. d. Russ. 52) и *Рейца* (Опытъ, 26 и 78).

²⁾ *Надеждинъ* первый высказалъ мысль, что распорядки удѣльной Руси опирались на «коренномъ различіи племенъ», были «возстановленіемъ прежняго разрушеннаго свосволеніемъ порядка вещей, по которому различныя народцы, населившіе сѣверъ восточной Европы, сохранили самобытность свою, признавали себя членами одного, такъ-сказать, политическаго семейства» (Предначертаніе историч. критич. изслѣдованія др. русск. системы удѣловъ, въ *Труд. Общ. Ист. и Древн.* 1830, V) По словамъ *Бѣляева*, старая рознь племенъ если не была одною изъ причинъ раздѣленія Руси на удѣлы, то ею по крайней мѣрѣ преимущественно такъ должно поддерживалась удѣльная система (Русская земля и пр.). Точно также г. *Лешковъ* утверждалъ, что раздѣленіе на удѣлы не установлено князьями, но дано самою жизнью народа, который еще до князей, при сознаніи своего единства, распадался на отдѣльныя земли (Общины, бытъ и пр.). Сравни. также Сочин. *Хомикова* I, 221.

видѣ появилась въ недавнее время въ одномъ изъ его повѣйшихъ изслѣдованій (Начало единоподержавія въ древней Руси,—въ *Вѣстникъ Европы* 1870 г., №№ 11 и 12). Оставивъ прежнюю свою идею федеративности, какъ о господствующемъ, руководящемъ началѣ удѣльно-вѣчевой Руси, авторъ съ полною опредѣлительностію развилъ свой взглядъ на *областную самобытность земель*—главное начало, опредѣлявшее весь тогдашній политическій бытъ Русскаго народа. Мы резюмируемъ положенія автора, имѣющія значеніе, такъ сказать, послѣдняго слова въ наукѣ со стороны дѣятеля, такъ давно пользующагося въ ней заслуженнымъ авторитетомъ. Славяно-русскій народъ, по словамъ автора, еще въ доисторическія времена разбивался на отдѣльные народцы, составлявшіе каждый уже до нѣкоторой степени политическую единицу—землю съ своимъ вѣчемъ и княземъ. Такія единицы образовались медленнымъ путемъ колонизаціи дворовъ (съ ихъ первоначальною родовою связью), сель, городовъ и пригородовъ. Поселенія, соединенныя пространственно и общимъ интересомъ самозащиты, составляли въ своей совокупности землю—общину, или республику, которая жила безъ всякой связи съ другими землями, долго сохранявшими характеръ разбивчивости и первобытнаго натурального свободолубія. Но ровнь не изгладила между землями общаго для всѣхъ племеннаго единства,—зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Съ призваніемъ князей устанавливается между землями внѣшняя связь, основанная на нѣздническомъ вымогателствѣ дани князьями, безъ всякихъ признаковъ и зачатковъ государственности. Владиміръ открылъ новую эпоху сплоченія славяно-русскихъ народовъ. Съ христіанствомъ возникло единство вѣры, а также потребность единства пріемовъ управленія. Единая православная вѣра, единый княжескій и правительственный языкъ и единый для всѣхъ земель княжескій родъ—вотъ были краеугольные камни постройки новой русской, христіанской жизни, внутреннего національнаго единства,—вмѣстѣ съ церковью явилось непременно и государство, хотя бы въ младенчествующей формѣ. Но отсюда еще далеко было до единоподержавнаго строя Русской земли. Она продолжала дробиться на свободныя земли, каждая съ своею автономіей и самоуправленіемъ. Въ вѣчевой періодъ вся русская жизнь отличалась, по словамъ автора, неопредѣленностію, неточностію и невыработанностію формъ; здѣсь, какъ въ хаосѣ, можно отыскивать и зачатки федераціи, и республики, и монархіи,—тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не

къ единому монархическому государству. Русь до-монгольской эпохи представляла рядъ свободныхъ и самобытныхъ земель, каждая съ своимъ самоуправленіемъ, понятіе о которомъ является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка и уцѣлѣваетъ при иномъ государственномъ строѣ жизни. Въ до-татарское время вездѣ на Руси господствовалъ принципъ верховной власти земли, — каждая земля была власть надъ собою, сама себѣ государь. Выраженіемъ верховной власти государя-земли являлось вѣче, совѣщательное собраніе членовъ свободной земли. Вѣче, само по себѣ, какъ сходбище, не означало какую-нибудь верховную власть; оно было только ея *отраженіемъ*, — власть оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Что касается значенія и власти князей, то по словамъ автора, отношенія князей къ населенію первоначально (до Владиміра) имѣли „разбойническій“ характеръ, ограничивались сборомъ дани путемъ наѣздническаго вымогательства и грабежа, — только съ христіанствомъ выясняется взглядъ на власть князей съ правительственнымъ характеромъ. Но тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего ошибочнѣе, говоритъ авторъ, какъ воображать себѣ князя монархомъ, государемъ: онъ былъ только правитель, господинъ, призванный владѣть по праву, иначе — по волѣ земли. Князь нуженъ былъ, чтобы судить и рядить; безъ князя было не мыслимо самое существованіе земли; гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непременно будетъ и князь: вѣче непременно изберегъ его. Но князь правилъ землей не какъ государь, а какъ господинъ, правитель, которому она, какъ органу своей власти, сама себя довѣрала и отдавала на рядъ и управу. Авторъ также не соглашается съ возрѣніемъ на князя до-монгольской эпохи, какъ на вотчинника, въ смыслѣ собственника-владѣльца своихъ удѣловъ: земля ему не принадлежала въ значеніи вещественной принадлежности, но была сама себѣ государь. По вопросу о преемствѣ князей авторъ не признаетъ за родо-вымъ старѣйшинствомъ никакого юридическаго значенія; по его мнѣнію, княженія зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости князей. Наконецъ, съ званіемъ старѣйшаго князя не соединялось никакихъ правъ; первенство старшаго опредѣлялось по преимуществу занятіемъ стола въ старѣйшемъ городѣ, служившемъ средоточіемъ всей земли, — отъ значенія города зависѣла на дѣлѣ сила и власть князя. Такъ было на Руси до-татарскаго завоеванія, когда произошелъ быстрый и крутой поворотъ къ единоподержавію. Съ половины XIII вѣка до конца XV вѣка Русь пережила вѣкъ феодализма (понимаемаго въ общихъ его признакахъ). Въ первую

половину этой эпохи образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія, является рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ во главѣ—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, хана; въ теченіе второй половины эпохи, вмѣстѣ съ ослабленіемъ ханской власти, усиливается власть старѣйшаго князя (Московского), замѣняющаго, наконецъ, собою хана со всѣми его атрибутами верховнаго государя и собственника Русской земли. Съ упроченіемъ заимствованнаго отъ Татаръ понятія о царской власти окончательно и безповоротно установился единодержавный строй Московскаго государства.

Мысль, высказанная г. Костомаровымъ о самобытности земель выражается и *В. В. Пассекомъ* (Княжеская и докняжеская Русь,—въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1870, II). Онъ развиваетъ собственно ту же общую мысль, о которой трактуетъ г. Костомаровъ еще въ первоначальной своей теоріи; но у г. Пассека уже нѣтъ рѣчи о федеративности земель. Главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ общественныхъ отношеній древней Россіи г. Пассекъ считаетъ не столько княжескія отношенія, сколько племенно-областное начало. Области обособились отъ другихъ частей Руси не чрезъ князей, а чрезъ областной духъ, который отчуждалъ и князей отъ ихъ родоваго союза. Каждая земля стремилась имѣть только своихъ князей, обособиться чрезъ нихъ отъ другихъ областей, заключиться въ себѣ самой. Словомъ, въ стремленіяхъ городскихъ общинъ и земель къ политической самостоятельности кроется главный источникъ всѣхъ удѣльныхъ распоряждовъ княжеской Руси.

Изъ новѣйшихъ ученыхъ слѣдуетъ указать на гг. *Градовскаю* и *Бестужева-Рюмина*, въ трудахъ которыхъ замѣчаемъ дальнѣйшее развитіе ученія о политическомъ бытѣ древней Россіи въ духѣ основныхъ воззрѣній общинной теоріи. Имъ принадлежитъ, между прочимъ, попытка создать смѣшанную теорію. Такимъ образомъ, г. Градовскій, принимая общинный бытъ народа главною историческою почвою развитія всѣхъ существенныхъ явленій политической жизни древней Россіи, допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе началъ родовыхъ (княжескихъ), отражавшихся въ особенности въ дѣлѣ организациі княжеской власти. Г. Бестужевъ-Рюминъ точно также старается объяснить всю пестроту событій переплетающимся взаимнодѣйствіемъ многихъ причинъ.

А. Д. Градовскій (Государственный строй древней Россіи,— въ

Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, т. 140)¹⁾ развила теорію *общинно-волостнаго устройства* древней Россіи (до Боголюбскаго). Политическій бытъ Руси временъ Рюриковичей, по словамъ автора, былъ только зародышемъ государства, а не государствомъ, жолудемъ, а не дубомъ. Зародышъ такой авторъ видитъ въ территоріальной общинѣ, бывшей основною формою народнаго быта, исконнымъ достояніемъ народа. Государство было приурочено къ общинѣ, какъ политической единицѣ. Въ каждой общинѣ было свое государство; государственная идея не выдѣлялась изъ элементовъ общинныхъ, какъ особый, самостоятельный элементъ. Идея государственнаго единства въ древнѣйшій періодъ имѣла поэтому мало практическаго значенія: волости воспѣвали „святую Русь“, но могли тянуть къ не русскимъ центрамъ, могли призывать князей и изъ иноземцевъ. Были условія, поддерживавшія въ князьяхъ и народѣ сознаніе о народномъ единствѣ; но только сознаніе такое не было на столько сильнымъ, чтобъ изъ него могла возникнуть идея о государственномъ единствѣ народа. Развивая далѣе свои мысли, авторъ обстоятельно раскрываетъ внутреннюю организацію общины, въ особенности уясняетъ самый генезисъ развитія общины, какъ политическаго организма. Согласно съ г. Костомаровымъ, г. Градовскій ставитъ дѣленіе по землямъ въ соотвѣтствіи съ дѣленіемъ по племенамъ, пародностямъ. Иное значеніе имѣла волость. Въ ней собственно нужно видѣть политическую общину. Въ такомъ значеніи волость составляла федерацію общинъ, пространственно связанныхъ между собою, — округъ, подчиненный одной политической власти, но только не князя, а главной общины, города. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а чрезъ городъ. Волость — цѣнь общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями: единство волости опредѣлялось не принадлежностію ея одному князю, по соблюденіемъ іерархическихъ отношеній между ея частями, — волостное единство зависѣло отъ „одиначества“, согласія и единодушія всѣхъ общинъ волости, на практикѣ отъ силы главнаго города. Вся іерархія общинъ коренилась въ колонизаціонномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ — ступени, по

¹⁾ Эта замѣчательная монографія явилась въ видѣ рецензій по поводу известнаго изслѣдованія г. Сергѣевича, о которомъ мы скажемъ ниже. Но, кромѣ полемическаго значенія, монографія г. Градовскаго представляетъ очень обстоятельное догматическое изложеніе самостоятельной теоріи автора.

которымъ проходила почти каждая община. Мѣсто каждой общины въ этой „лѣствицѣ“ не было опредѣлено разъ навсегда. Община была пригородомъ, пока сама не могла стать городомъ, пока не была достаточно сильной, чтобы самой составить волость, призвать для себя особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію автора, лучше всего объясняется порядокъ замѣщенія волостей и причина политическаго раздробленія Россіи. Вполнѣ самостоятельнымъ политическимъ организмомъ община является только въ эпоху предъ призваніемъ князей, задачей которыхъ было—замѣнить политическую общину, вытѣснить ее изъ политической сферы. Самое призваніе князей, какъ представителей воплощавшейся въ нихъ государственной власти, въ теченіе всей княжеской эпохи было реакціей противъ общиннаго быта. Тѣмъ не менѣе князь не уничтожалъ общины: призваніе его не было „самоубійствомъ вѣча“. Община выдѣляла князю только общій, внутренній „нарядъ“ (собственно управленіе и судъ), котораго она не могла достигнуть собственными силами. Князь—посредникъ собственно между общинами, а не лицами. Въ глубь общины власть его еще не простиралась; она сдерживалась и заслонялась властію общины. Политическую несостоятельность общины авторъ доказываетъ общими несовершенствами общиннаго быта, борьбою партій и общинъ, не организованнымъ характеромъ вѣча,—вообще бытовыми условіями, при которыхъ община не могла выработать изъ себя политическаго единства, не могла организовать прочной политической власти. При князьяхъ политическая роль общины ограничивалась только немногими дѣлами—призваніемъ и рядомъ съ князьями; но за нею оставалась неприкосновенною широкая сфера административной и хозяйственной дѣятельности. Основы вѣчевой формы глубоко коренятся въ общинѣ, какъ единицѣ хозяйственной и административной. Общинныя (вѣчевыя) начала, опредѣлявшія формы народнаго быта, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались по отношенію къ организаціи княжеской власти въ присущемъ каждой автономической общинѣ правѣ призванія князей; но это начало находилось въ постоянной борьбѣ съ началомъ княжескимъ, родовымъ (наслѣдованія по родовому старѣйшинству). Слабостію княжескаго начала и силою народнаго обусловливался фактъ добыванія волостей,—одна изъ причинъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства князей. Та же борьба началъ княжескихъ и народныхъ опредѣляла отношенія между князьями. Князья принадлежали къ одному роду, и какъ братья, были равны между собою. Народнымъ

сознаніемъ и мнѣніемъ князей устанавливались преимущества старѣйшинства князей. Князья были волостные, владѣли равными волостями; старшую изъ нихъ занималъ старѣйшій князь, какъ представитель Русской земли и всего княжескаго рода. Такой порядокъ держался до временъ Боголюбскаго, когда старья родовья начала окончательно уступили территоріальнымъ, явилось нѣсколько совершенно независимыхъ княжествъ-вотчинъ, находившихся въ постоянномъ, наследственномъ обладаніи отдѣльныхъ княжескихъ линий. Изъ постепеннаго усиленія территоріальнаго могущества и преобладанія одной волости и одного княжескаго рода (Московскаго) надъ другими возникаетъ къ XVI вѣку новый порядокъ вещей, легшій въ основу Московскаго государства.

Къ числу новѣйшихъ историковъ, принимающихъ главныя основанія общинной теоріи, въ особенности по отношенію къ первоначальному быту русскихъ Славянъ, принадлежитъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* (Русская исторія, I. Спб. 1872). Въ его трудѣ находимъ весьма обстоятельный обзоръ семейно-общиннаго быта древнихъ Славянъ и общія замѣчанія о политическомъ бытѣ княжеской Руси. По словамъ автора, въ отдаленную эпоху было у Славянъ нѣчто подобное родовому быту другихъ народовъ; но въ историческое время остались отъ этого быта одни намеки, встрѣчающіеся въ теперешнемъ бытѣ и въ памятникахъ. Основой общественнаго развитія Славянъ послужила семейная община (вервь, задруга). Изъ имѣвшихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ сложились затѣмъ общины территоріальныя — жуны и волости, съ которыми Славянскіе народы переходятъ рано или поздно въ государственнй бытъ. Эпоха основанія Русскаго государства Варяжскими князьями застаётъ Русскій народъ точно также раздробленнымъ на территоріальныя общины, постепенно объединяющіяся въ одно политическое цѣлое подъ вліяніемъ разнообразныхъ началъ. Авторъ не доволенъ ни одною изъ теорій, взятыхъ для объясненія государственнй бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; онъ держится того мнѣнія, что одного движущаго начала не было, и что нестрога событій объясняется очень хорошо переплетающимися взаимодѣйствіемъ многихъ началъ, какъ и было всегда въ создающихся обществахъ. Въ этомъ смыслѣ авторъ и излагаетъ свои замѣчанія о политическомъ бытѣ княжеской Руси, во многомъ сходныя съ положеніями г. Градовскаго. По словамъ нашего автора, призваніе Варяжскихъ князей положило основаніе лишь внѣшнему единству Русской земли. Она продолжала дробиться

на волости и княжества, считаясь въ то же время какъ-бы общимъ достояніемъ всего Рюрикова дома. Дробленіе государственной территории не могло быть вызвано одною какою-либо причиною; оно было результатомъ какъ княжескихъ стремленій, такъ и стремленія городовъ обособиться, имѣть у себя особыхъ князей, — изъ совпаденія и взаимодѣйствія такихъ стремленій и образуется тотъ порядокъ вещей, который мы называемъ удѣльною системою. Точно также различныя начала вліяли на организацію княжеской власти. Родовыя распоряжки въ преемствѣ князей не были не нарушимыми: правильное вступленіе на столъ (по родовому старшинству) являлось только идеаломъ, а въ дѣйствительности было много другихъ путей, которыми добывались столы (призваніе народа, соглашеніе князей и пр.). Съ княжескимъ старѣйшинствомъ соединились нѣкоторыя почетныя преимущества и даже права (особенно право суда надъ младшими); но внутри своей волости каждый князь дѣйствовалъ независимо отъ другихъ. Въ князьяхъ явилась общая власть для разрозненныхъ племенъ; власть эта имѣла характеръ посреднической. Центральность положенія князя, какъ третейскаго судьи, создавалась не сознаниемъ государственнаго значенія его власти, но практической необходимостію имѣть посредникомъ постороннее лицо. Подлѣ князя стояло вѣча. Оно представляло собою самую первоначальную форму участія гражданъ въ дѣлахъ политическихъ, имѣло политическое значеніе, но не было постояннымъ органомъ власти. Не были опредѣлены границы между властію князя и властію вѣча; онѣ развивались параллельно одна другой; въ ихъ отношеніяхъ все основывалось на довѣрїи или на преобладаніи матеріальной силы. Власть вѣча никогда не была чѣмъ-либо инымъ, кромѣ власти контролирующей: она проявлялась въ важныхъ случаяхъ, а въ обыкновенныхъ князь пользовался полною властію. Вообще князь съ своею дружиной представлялся чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ остального населенія; отношенія ихъ опредѣлялись тѣмъ, кто сильнѣе: князь силенъ, онъ беретъ перевѣсъ, — населеніе становится сильнымъ, оно держитъ князя, пока онъ ему угоденъ. Отношенія между ними шатки и неопредѣленны; власть значитъ сила. Таково было положеніе дѣла, пока не окрѣпло раздѣленіе Русской земли на княжества, и пока не усѣлись княжескія линїи по мѣстамъ. Въ татарскую эпоху, съ осѣданіемъ князей, явились стремленія — не оставляя наследственной волости, усилить ее прїобрѣтеніями; съ этихъ поръ во многомъ измѣняются отношенія и князей другъ къ другу, и народа къ князьямъ, — появляются государственныя понятія, хотя въ эту

эпоху они еще и недостаточно опредѣлились, не получили вполнѣ раздѣльнаго существованія. Въ развитіи государственныхъ понятій, по мнѣнію автора, въ значительной степени отражались византійскія вліянія, проводникомъ которыхъ являлось духовенство. Не соглашаясь съ мнѣніемъ Костомарова о происхожденіи понятія о царской власти отъ Татаръ, нашъ авторъ полагаетъ, что это понятіе проповѣдывало по преимуществу духовенство, которое вообще сильно содѣйствовало созданію политическаго единства Руси, способствовало торжеству Московскихъ князей, достигшихъ объединенія земли подъ одною верховною властію.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ теоріями, выходящими изъ понятій о государствѣ, родѣ или общинѣ, какъ основныхъ формахъ политическаго быта древней Россіи. Съ 50-хъ годовъ стало формулироваться въ нашей исторической литературѣ новое ученіе о частно-правномъ типѣ всѣхъ общественныхъ отношеній древне-русской жизни, — ученіе, которое въ трудахъ г. Чичерина и особенно г. Сергѣевича сложилось въ цѣлую научную теорію *частно-правнаго, договорнаго или личнаго начала*. Не находя въ общественномъ быту княжеской Руси никакого намека на государственную идею, эти ученые вмѣстѣ съ тѣмъ не даютъ никакого значенія ни роду, ни общинѣ, ставятъ на ихъ мѣсто *личность*, какъ дѣятеля, не сдерживаемаго никакою крѣпкою связью, выступавшаго лишь съ своею частною волею, съ своими частными правами и притязаніями.

Первыя начала этой теоріи, особенно мысль о частно-правномъ типѣ древне-русскаго общества, высказывались еще послѣдователями родовой теоріи, преимущественно *К. Д. Кавелинымъ* (Сочин. I, 344—346; II, 461—474), который допускалъ господство у насъ въ татарскую эпоху (собственно съ Боголюбскаго) *вотчиннаго начала*, развившагося изъ родоваго и подготовившаго появленіе государства ¹⁾. Г. Кавелинъ первый высказалъ мысль о томъ, что древне-русскій кровный бытъ съ Боголюбскаго перерождается въ бытъ юридическій и гражданскій, съ появленіемъ зародышей *гражданскаго общества*, съ его нестройными и безсвязными отношеніями, опредѣляемыми не верховною

¹⁾ Ученіе г. Кавелина раздѣляетъ г. Костомаровъ и отчасти г. Соловьевъ. Впрочемъ, г. Костомаровъ, въ отличіе отъ г. Кавелина, держится мнѣнія о татарскомъ происхожденіи возрѣвнія на князя, какъ собственника вотчины, и допускаетъ вотчинныя отношенія, въ общихъ ихъ признакахъ сходныя съ отношеніями феодальными (см. выше).

властію, по произволу и силой оружія. Изъ князя, какъ члена рода, развился въ это время типъ вотчинника, помѣщика или землевладѣльца — неограниченнаго и наследственнаго собственника вотчинъ, въ какія обращаются цѣлыя области и княжества, находящіяся въ безусловномъ распоряженіи и управленіи своихъ владѣльцевъ по домашнему, частному праву.

Мысль Кавелина о частно-правномъ характерѣ политическаго быта Руси XIII—XV вѣковъ распространена *В. И. Чичеринымъ* (Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ Москва, 1856; Опыты по исторіи русскаго права. Москва, 1858) на всю княжескую эпоху, то-есть, съ призванія князей до конца XV вѣка; при этомъ въ основаніе всей теоріи этого ученаго легло понятіе *личности*, какъ главнаго начала, опредѣлявшаго всѣ общественныя отношенія княжеской Руси. Авторъ различаетъ три формы общезитія, проживаемыя каждымъ историческимъ народомъ, — союзы кровный, гражданскій и государствепный. Союзъ кровный составляетъ первоначальное, естественное проявленіе человѣческаго общества. Люди связаны здѣсь сознаніемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и различающуюся внутри себя по естественнымъ, физиологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колѣно, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ цѣлую исторію, проходитъ чрезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ, разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высоко-развитыхъ государствъ. Кровный союзъ существовалъ и у насъ въ первоначальную эпоху; преобладающею его формою была особность родоваго быта. Кровный союзъ долженъ однако, распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи въ него чужестранныхъ элементовъ, наконецъ при развитіи человѣческой личности. Съ разрушеніемъ крѣпкой родовой связи, слагается порядокъ вещей, основанный на господствѣ личности и частныхъ ея правъ; личности распадаются врознь, и водворяется господство частнаго права, которое своими темными сторонами ведетъ позже къ установленію государственнаго порядка. Разложеніе кровнаго союза совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ свободныхъ. Принесенные ею элементы, смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный отъ предыдущаго. Личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предали частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, дого-

ворныя, имущественныя, словомъ *частное право*, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій (*гражданское общество*), образовавшійся изъ столкновений и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ. Общественною связью служить или имущественное начало — вотчинное право землевладѣльца, или свободный договоръ, или личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ. Вслѣдствіе господства силы образовалось между людьми безконечное неравенство. Словомъ, личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи. Въ такихъ общихъ чертахъ характеризуетъ авторъ политическій бытъ княжеской Руси ¹⁾. По его словамъ, въ основаніи всѣхъ учреждений этой эпохи лежали два начала частнаго права — собственность и свободный договоръ; отсюда двѣ главныя формы гражданскаго общества: *княжеская вотчина* и *вольная (договорная) община*. Обѣ формы рѣзко различаются между собою. Въ вотчинѣ верховная власть принадлежала князьямъ, первоначально находившимся къ славянскимъ племенамъ въ отношеніяхъ начальника дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель; позже князья осѣдаютъ по областямъ, превращаются въ вотчинниковъ, землевладѣльцевъ, между которыми верховная власть дробилась по наслѣдству, какъ частное имущество. Земля, вслѣдствіе завоеванія, принадлежала князьямъ какъ собственность, вотчина; они дѣлили земли между своими дѣтьми, мѣнялись ими, вообще поступали, какъ частныя владѣльцы. Отношенія между князьями были не государственныя и не международныя, но чисто гражданскія, договорныя или семейныя, вращавшіяся въ сферѣ частнаго права. Вотчинный же характеръ нашло управленіе и судъ, разсматривавшіеся

¹⁾ Можно привести и другія замѣчанія автора въ томъ же родѣ. «Въ гражданскомъ обществѣ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволъ личности, стремившейся къ преобладанію». «Въ древней Россіи мы видимъ хаотическій беспорядокъ, шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній. Всѣ народныя элементы мы должны признать за выраженіе слабости, броженія или дикой силы. Человѣкъ былъ вольною птицей, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи, — смотрѣлъ на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ». См. Опыты, 166, 331, 365, 370.

частною собственностію князей, которую они передавали въ аренду или пользованіе (кормленіе) своимъ мужамъ—кормленщикамъ. Словомъ, вотчинные, владѣльческіе элементы являлись центральнымъ пунктомъ историческаго развитія народа. Вліянія владѣльческихъ элементовъ избѣгли только вольные города Новгородъ и Псковъ, въ которыхъ развились инныя формы общественной жизни. Въ нихъ сохранилась община свободная, основанная на дружинно-договорномъ началѣ добровольнаго согласія ея членовъ. Новгородъ признавалъ главу своего управленія извнѣ и всѣ свои общественныя отношенія устанавливалъ договоромъ, непрерывно возобновлявшимся. На вѣчахъ все опредѣлялось взаимнымъ согласіемъ гражданъ, а если нѣтъ согласія, то открытою силой, ибо меньшинство, какъ и въ частномъ товариществѣ, не считаетъ себя обязаннымъ повиноваться большинству. Новгородъ не государство—онъ самъ великій вотчинникъ, собственникъ обширныхъ земель; все различіе между имъ и другими областями заключалось въ томъ, что тамъ верховный вотчинникъ—князь, здѣсь—союзъ свободныхъ лицъ.

Въ настоящее время представителемъ личной теоріи является В. И. Сергиевичъ (Вѣче и князь. Государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Москва, 1867), развившій самостоятельное ученіе о господствѣ *договорныхъ отношеній* въ политическомъ устройствѣ княжеской Руси. По мнѣнію автора, вѣче и князь—два главные элемента въ государственномъ быту древней Россіи. Дѣятельность княжеской власти и формы народнаго быта одинаково вліяли на образованіе государства. Русская земля удѣльной эпохи мало сознавала идею государственнаго единства, не составляла государства, какъ цѣльнаго организма. Отдѣльныя части земли живутъ врознь, тянутъ въ разныя стороны; теорія эгоизма была развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Удѣльная Русь представляла рядъ независимыхъ княжескихъ волостей, не имѣвшихъ между собою никакихъ органическихъ связей. Отношенія между волостями и сидѣвшими въ нихъ князьями были чисто фактическія, опредѣлялись только началами войны и мира; древней Руси неизвѣстна была идея права въ отношеніяхъ политическихъ; все здѣсь зависѣло отъ „ряда“ или „суда Божьяго“, войны. Такой же органической недостатокъ юридическихъ основъ замѣчается во внутреннемъ устройствѣ волостей. Двѣ главныя волостныя силы—вѣче и князь—находятся между собою въ такихъ же отношеніяхъ ряда и суда Божьяго, какъ и цѣлыя волости между собой, безъ прочныхъ, органическихъ связей и основъ.

Вѣчевые порядки не установились; самоуправленіе не было въ сред-ствахъ вѣча, являвшагося на дѣлѣ почти случайнымъ, безформен-нымъ сходбищемъ. Вѣче было необходимымъ, и слѣдовательно, все-общимъ вслѣдствіе слабости собственныхъ силъ призванныхъ князей, не обладавшихъ еще достаточно развитыми орудіями управленія и потому вынужденныхъ искать для себя опоры въ согласіи съ наро-домъ. Къ этой основной причинѣ необходимости и всеобщности вѣча авторъ прибавляетъ еще другой мотивъ,—видитъ корень вѣча въ лич-номъ началѣ, въ присущемъ каждому „мужу“ правѣ устраивать свои собственные дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлялись общественныя, какъ вѣчто особое, живущее своею самостоятельною жизнью. По те-оріи Сергіевича, князь не былъ только высшимъ представителемъ исполнительнои власти, но призывался вообще для водворенія наряда въ обществѣ, не могшемъ изъ собственныхъ своихъ средствъ уста-новить сколько нибудь удовлетворительные органы суда и управле-нія; всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя. Словомъ, княжеская власть является главнымъ общественнымъ двигателемъ, наиболѣе жизненнымъ и дѣятельнымъ нервомъ древне-русскаго общества; но и въ организаціи княжеской власти авторъ не признаетъ никакихъ строго опредѣленныхъ, юридическихъ началъ, всего же менѣе началъ родовыхъ. Княжеская Русь не знала закон-наго порядка въ преемствѣ столовъ: они не наследовались, а добы-вались личнои энергіей и отвагой князей, посредствомъ занятія сво-боднаго стола, захватомъ или уступкой чужаго стола, рядомъ съ князь-ями и пародомъ, позже ханскимъ ярлыкомъ. Отношенія между князь-ями опредѣлялись не ихъ родствомъ, но положеніемъ князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей. При фактиче-скомъ характерѣ междукняжескихъ отношеній, не основывавшихся ни на какихъ понятіяхъ о правѣ, отношенія эти опредѣлялись догово-рами князей; исторія договоровъ есть ни что иное, какъ исторія кня-жескихъ отношеній. Древняя Русь не знала верховнаго князя, кото-рому всѣ другіе князья были бы подчинены въ силу государствен-наго устройства. Не было порядка, опредѣлявшаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе волостей съ одной сто-роны, и княжескіе слѣзды и договоры—съ другой. Не было также никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи на самобытныя части.

Ө. Леонтовичъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЮЛЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ .

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ (Продолженіе).

Правительственныя распоряженія.

О преміяхъ Императора Петра Великаго: I. Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ на преміи Императора Петра Великаго за «Исторію Россіи для народа». — II. Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей трудъ г. Р. Фохта, удостоенный преміи Императора Петра Великаго при первомъ присужденіи ея въ 1874 году.

Казанскія гимназій въ XVIII столѣтіи
(Продолженіе) . . . . . А. И. Артемьева.

Источники лѣтониснаго сказанія о происхожденіи Русей (Окончаніе) . . . . . Н. И. Лавина.

Задружно - общинный характеръ политическаго быта древней Россіи (Продолженіе). Θ. И. Леонтовича.

Италіанскіе университеты (Продолженіе). . . А. Θ. Кистяковскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЗАДРУЖНО-ОБЩИННЫЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО БЫТА ДРЕВНЕЙ РОССИИ¹⁾

II.

Всѣ изложенныя нами политическія теоріи, въ свѣдѣніи общихъ основаній ихъ, сводятся къ опредѣленнымъ категоріямъ. По вопросу о политическомъ бытѣ древней Россіи господствуютъ въ наукѣ слѣдующія теоріи: *государственная, родовая, общинная* и *личная*. Переходя къ подробному разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности, сначала скажемъ вообще о научныхъ направленіяхъ теорій, а затѣмъ разсмотримъ сущность основныхъ ихъ положеній.

Первые наши историки приступали къ изученію историческихъ явленій давнпрошедшей жизни съ готовыми политическими и общественными идеалами и понятіями. Подобный методъ завѣщали имъ чуть ли еще не первые наши историографы — лѣтописцы Московской эпохи, слѣдовавшіе въ этомъ случаѣ воззрѣніямъ древнихъ бытописателей чужихъ и своихъ, которые смотрѣли на бытъ древнихъ Славянъ съ точки собственныхъ національныхъ идеаловъ, понятій и учрежденій. Византійскіе писатели, мало знавшіе и понимавшіе внутренній бытъ чуждаго для нихъ народа, уже въ VI вѣкѣ полагали, что современные имъ Славяне жили въ демократіи — „in populari imperio“ (см. Прокопія De bello Goth. III, 14). Точно также восточные путешественники и географы X и слѣдующихъ вѣковъ находили у Славянъ „царей, королей и сувереновъ“ съ „подданными“ и пр. (см. *Charney, Frühn, D'Ohsson, Хвольсона* и др.). Почти тѣ же воззрѣнія повторяли и наши лѣтописцы-мошахи, воспитанные въ каноническихъ понятіяхъ о верховности царей и подданствѣ народа. Они смотрѣли на старыхъ рус-

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. за іюнь 1874 года.

скихъ князей, какъ на „самовластцевъ, самодержцевъ всея Руси, державныхъ, царствующихъ князей Русской земли“ и пр. (Поли. Собр. Лѣтоп. I, 89; II, 43, 155 и пр.),—воззрѣніе, вносявшееся, подъ вліяніемъ духовенства, даже въ законодательные памятники самыхъ древнихъ временъ (см. напримѣръ, грамоту Всеслода, дапную въ 1134—1135 г. церкви на Олокахъ, въ которой этотъ князь названъ „самодержцемъ, владычествующимъ всею Русскою землею и всею областію Новгородскою“; см. Сборн. Утина, 411). Чтобы больше отгнѣнить свое воззрѣніе на князей, лѣтописцы описываютъ Новгородскія „вольности“ въ самомъ презрительномъ видѣ, называютъ эти вольности „нестройнымъ самочиніемъ, срамотою, свирѣнымъ безчиніемъ“, Новгородъ сраиваютъ съ Содомомъ и Гоморомъ, Новгородцевъ обзываютъ „безумными, окалпными смердами, срамниками, грабителями, измѣнниками“ и пр. (см. Степени. книгу, Воскр. лѣтоп. и пр.; ср. Карамз. III, прим. 5). Въ виду такихъ данныхъ, изслѣдователи наши прошлаго вѣка и начала текущаго, при маломъ развитіи въ то время строго-научной критики источниковъ, могли естественно приходиться къ мысли о монархіи: Киевской или республикѣ Новгородской, со всѣми формами государственной цивилизаціи развитыхъ народовъ, могли видѣть уже при первыхъ нашихъ князьяхъ то, что они имѣли у себя предъ глазами въ современномъ быту европейскихъ государствъ. Политическія воззрѣнія историковъ старой школы слагались не случайно, такъ-сказать, не по прихоти самихъ изслѣдователей. Корни ихъ нужно искать, кромѣ указаннаго уже источника, также въ общемъ направленіи политическихъ наукъ на западѣ въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Воззрѣнія, которыхъ держались Шлецеръ, Карамзинъ и др., были ходячими въ политико-исторической литературѣ Западной Европы до 20-хъ годовъ. *Механическая теорія* Лейбница, какъ извѣстно, оказала сильное вліяніе на нашу законодательную и государственную практику Петровской эпохи (см. *Градовская* Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія, 62 и слѣд.). Эта же теорія долго затѣмъ служила главной подкладкой историческихъ изслѣдованій на западѣ и у насъ. Подъ напередъ составленную схему „государства“—единственной политической формы, допускаемой механической теоріей,—подводили историческія явленія, безъ всякой мысли о погрѣшкѣ самой схемы на фактахъ, а еще менѣе о выведеніи теоріи непосредственно изъ фактовъ. Ихъ толковали въ смыслѣ данной схемы, разставляли по принятой системѣ, вовсе игнорируя тѣ изъ фактовъ, которые не подходили подъ данную схему.

Приемы механической теоріи господствовали въ наукѣ до 20-хъ годовъ, когда въ политическія науки стали проникать воззрѣнія и методы, давно установившіеся въ наукахъ естественныхъ. Воззрѣніе о господствѣ въ социальномъ мірѣ такихъ же непреложныхъ, органическихъ законовъ, какъ и въ мірѣ физическихъ явленій, легло въ основу новыхъ, *органическихъ теорій* — сперва родоваго быта, а затѣмъ общиннаго или волостнаго устройства (Mark- и Gauverfassung) древнихъ Германцевъ. Первое примѣненіе воззрѣній органической теоріи къ русской исторіи составляетъ несомнѣнную заслугу Эверса. Въ его ученіи о родовомъ бытѣ древнихъ Славянъ впервые является въ нашей исторической наукѣ понятіе о социальныхъ органическихъ явленіяхъ; но мы уже видѣли, что это понятіе въ политической теоріи Эверса осталось лишь однимъ понятіемъ. Первымъ нашимъ историкомъ-эмбриологомъ является несомнѣнно г. Соловьевъ, въ его ученіи о родѣ, какъ первичной социальной клѣточкѣ, изъ которой возникъ и затѣмъ организовался весь общественный бытъ Русскаго народа. Затѣмъ, почти вслѣдъ за появленіемъ первыхъ изслѣдованій г. Соловьева, въ которыхъ достаточно выяснилась сущность его теоріи, появились новые историки-эмбриологи, съ ученіемъ объ общинѣ-клѣточкѣ, имѣвшей въ исторической жизни Русскаго народа болѣе реальное, органическое значеніе, чѣмъ родъ г. Соловьева. При дальнѣйшемъ развитіи науки, установился въ ней цѣлый рядъ политическихъ теорій, различно опредѣляющихъ эмбриологическія начала и дальнѣйшее развитіе организма русской исторіи, — теорій, которыя, какъ уже замѣчено, страдаютъ кореннымъ разладомъ во всѣхъ своихъ построеніяхъ и выводахъ. Дѣло въ томъ, что въ нашей исторической литературѣ не установился доселѣ, какъ слѣдуетъ, органической методъ изслѣдованій. Можно сказать, почти всѣ современные изслѣдователи находятся въ большей или меньшей степени подъ вліяніемъ, если не воззрѣній, то метода Карамзинской эпохи; отсюда вообще невыработанность теорій, путаница и разладъ въ самыхъ основныхъ понятіяхъ науки, — главные недостатки всѣхъ историческихъ школъ. Даже лучшіе изъ нашихъ изслѣдователей не совсѣмъ освободились отъ повальнаго недостатка прежнихъ историковъ, схематизировавшихъ историческія явленія, представлявшихъ вещи не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были на дѣлѣ, но въ такихъ краскахъ и формахъ, которыя свойственны инымъ обстоятельствамъ и эпохамъ. Но говоря уже о такихъ историкахъ, какъ г. Самоковсовъ, теорія котораго цѣлкомъ, и по идеямъ, и по методу, принадлежитъ къ Карамзинской эпохѣ, нельзя не

замѣтить, что большинство историковъ, при оцѣнкѣ старины, всегда почти имѣетъ предъ глазами, въ значеніи общей мѣрки, современныя системы государственнаго устройства, съ ихъ уставами и законами, съ ихъ „правильными и опредѣлившимися“ формами и порядками. У насъ сдѣлалось почти общимъ мѣстомъ мнѣніе о юридически-неправильныхъ формахъ, о не установившихся, не опредѣлившихся общественныхъ отношеніяхъ древней Руси,—мнѣніе, которое можно встрѣтить въ любомъ изслѣдованіи нашихъ историковъ. Такъ, по увѣренію г. Соловьева, древнее вѣче являлось съ неопредѣленнымъ характеромъ, неопредѣленными формами. По г. Костомарову выходитъ точно также, что вѣчевые порядки не имѣли ничего опредѣленнаго, точнаго, священнаго закономъ, и что вообще древне-русская жизнь отличалась крайнею неопредѣленностію, неточностію и невыработанностію формъ,—въ ней, какъ въ хаосѣ, можно находить задатки всѣхъ общественныхъ формъ. Суть теорій гг. Чичерина и Сергіевича, въ существѣ дѣла, и заключается въ формулированіи начала неопредѣленности, хаоса, броженія и анархіи, будто бы составлявшихъ нормальное состояніе, основную черту общественности древней Россіи, съ ея гражданскимъ союзомъ, господствомъ личности, необузданной свободы и пр. Г. Градовскій ищетъ въ старыхъ вѣчахъ политическихъ установленій, представлявшихъ государственную власть, требуетъ отъ нихъ правильности чуть ли не теперешнихъ парламентскихъ собраній¹⁾, и не находя ничего подобнаго, осуждаетъ ихъ на политическое безсиліе и смерть; но и власть княжеская является въ глазахъ автора также неопредѣленною и безформенною; выходитъ, что вѣчевые порядки были несостоятельны, да и княжескіе не достигали цѣли, какъ это и доказываетъ авторъ въ одномъ изъ вопросовъ о существѣ княжеской власти. У г. Бестужева-Рюмина также можно найдти замѣчанія о не установившейся власти, не опредѣлившихся общественныхъ отношеніяхъ, о формахъ юридически-неправильныхъ и пр.

Нельзя не замѣтить, что всѣ эти сужденія напоминаютъ приемы и манеру старыхъ ученыхъ. Только тѣ искали и находили то, чего желали: князей, во всемъ похожихъ на теперешнихъ государей, думу—

¹⁾ Некоторые даже прямо ищутъ въ вѣчахъ аналогіи съ парламентомъ. Г. Романовичъ-Славатинскій старается, наиримѣръ, этимъ путемъ объяснить такъ называемый правительственный совѣтъ Новгорода, который «заключалъ въ себя зародыши *верхней палаты* Новгородскаго вѣча, но зародыши эти не получили дальнѣйшаго развитія, и совѣтъ не имѣлъ *правильнаго юридическаго устройства* (?). См. Пособіе для изученія русск. госуд. права, II, 138.

теперешній верховный совѣтъ, мужей, сидѣвшихъ по городамъ, — те-перешнихъ губернаторовъ, и т. д. И теперь нерѣдко ищутъ въ старыхъ порядкахъ учрежденій новѣйшаго времени, и не находя искомаго, заключаютъ о томъ, что старыя формы не опредѣлились, юридически-неправильны и т. п. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ только позднѣйшія учрежденія можно считать правильными, а старая жизнь представляла хаосъ всяческихъ случайностей и неопредѣленностей. Да и что такое *правильность* по мысли нашихъ историковъ? Судя по приведеннымъ сужденіямъ, можно думать, что они считаютъ юридически-правильнымъ лишь порядокъ, установленный закономъ, съ законными рамками и правилами. Этого, конечно, не было въ старое время; но за то было нѣчто другое, на что изслѣдователи обращаютъ мало вниманія, — было обычное право — начало весьма правильное, прочное, строго-консервативное и устойчивое, можетъ быть, даже болѣе правильное, чѣмъ всѣ позднѣйшія законныя правила и уставы. Говоримъ — болѣе правильное, именно въ виду того, что обычное право, какъ непосредственный продуктъ народнаго сознанія, никогда не могло стоять въ такомъ противорѣчій съ создавшею его жизнью, какое нерѣдко замѣчается въ исторіи законодательства. Отсутствие же противорѣчій между жизнью и обычнымъ правомъ, органическая ихъ связь и солидарность и составляютъ, какъ кажется, первый и главный признакъ правильности старыхъ порядковъ и учрежденій, цѣлкомъ коренившихся въ народныхъ обычаяхъ. Учрежденія такия, на нашъ взглядъ неправильныя, были, однакожь, для современниковъ весьма правильными, опредѣленными и законченными. Только эта правильность и законченность были не тѣ, какихъ ищутъ наши изслѣдователи. Старые порядки наконецъ не могутъ идти въ сравненіе съ новыми, не потому, что они неправильны, какъ думаетъ напримѣръ, г. Бестужевъ-Рюминъ (Рус. Ист. I, 205), но потому, что между ними лежитъ пропасть въ органической ихъ сущности, есть коренное различіе принциповъ въ самыхъ основахъ старыхъ и новыхъ порядковъ.

Другой общій недостатокъ теорій — путаница въ самыхъ элементарныхъ научныхъ понятіяхъ. Ученіе родовой школы въ этомъ отношеніи обратилось въ настоящее время въ какую-то псевдоудобно-популярную игру словъ, фразеологию, діалектику. Таковы новыя понятія о родѣ, родовой общинѣ или государствахъ и пр. Изслѣдователи находятъ возможнымъ смѣшивать самыя непримиримыя и несходныя явленія и понятія, видятъ, напримѣръ, возможность совпаденія, и такъ

сказать, равноправнаго существованія началъ родовыхъ и государственныхъ, какъ это показываесть мысль г. Чичерина о высоко-цивилизированныхъ государствахъ, столицихъ однако на ступени кровнаго союза.

Въ виду всего сказаннаго, необходимо, приступая къ оцѣнкѣ политическихъ теорій, ориентироваться сначала въ самыхъ точкахъ отправления, въ основныхъ понятіяхъ и положеніяхъ теорій. Мы изложимъ, поэтому, прежде всего общій взглядъ на сущность понятія организма и органическихъ явленій, а потомъ скажемъ, что мы разумѣемъ подъ именемъ рода, общины и государства, какъ органическихъ явленій соціальной жизни людей.

Жизнь каждаго народа, способнаго къ историческому развитію, имѣетъ на всѣхъ ступеняхъ развитія такой же строго-органической характеръ цѣлостности и единства, какъ жизнь организмовъ физическихъ. Въ сферѣ физическихъ и нравственныхъ явленій дѣйствуютъ одни и тѣ же законы органической природы. Въ физическомъ мірѣ эти законы имѣютъ характеръ строгой необходимости, и потому проявляются всегда въ неизмѣнныхъ формахъ, а слѣдовательно, какъ болѣе наглядные, легко подчиняются непосредственному анализу и наблюдению. Въ мірѣ нравственныхъ явленій тѣ же самые законы осложняются дѣйствіемъ разумной человеческой личности, вносящей въ органической мірѣ понятіе свободы и смягчающей въ немъ строгій законъ необходимости. Оттого органическіе законы проявляются здѣсь болѣе сложнымъ образомъ, дѣйствуютъ, такъ-сказать, болѣе духовно; оттого они менѣе ясны и уловимы, менѣе доступны для непосредственнаго анализа, а потому требуютъ болѣе сложныхъ и развитыхъ методовъ изслѣдованія.

Во всякомъ организмѣ физическомъ и нравственномъ дѣйствуютъ одновременно и совмѣстно такъ-называемые мѣстные законы въ частяхъ и законъ общій, свойственный цѣлому организму. Отправления въ отдѣльныхъ частяхъ и цѣломъ составѣ организма идутъ совершенно правильно, по точно опредѣленнымъ законамъ, съ относительною самостоятельностью въ частяхъ и цѣломъ, при взаимодѣйствіи и вліяніи цѣлаго на части и на оборотъ. Правильность внутреннихъ отпращиваній въ частяхъ и цѣломъ опредѣляется постоянствомъ однихъ и тѣхъ же законовъ и строгимъ соответствіемъ органическихъ отпращиваній съ этими законами. На первыхъ, эмбриологическихъ ступеняхъ развитія эти законы просты, несложны; но тѣмъ не менѣе они придаютъ формамъ и отпращиваніямъ первичныхъ организмовъ ха-

раक्टरъ правильности, точности и опредѣленности. Если эти свойства утрачиваются, то значитъ, въ цѣломъ организмѣ нарушено равновѣсіе силъ, нормальное дѣйствіе органическихъ законовъ, въ силу ли внѣшнихъ тяготѣній, или вліяній внутреннихъ. Организмъ вымираетъ,—начинается процессъ разложенія его на составные элементы, или превращенія живаго тѣла въ дезорганизованную окаменѣлость; или же наконецъ, послѣ болѣе или менѣе длиннаго процесса развитія, оно перерождается въ новый, болѣе развитый и сложный организмъ. При нормальномъ развитіи органическихъ тѣлъ, перерожденіе ихъ изъ одной формы въ другую совершается безъ нарушенія правильности въ органическихъ отправленияхъ. Организмъ только постепенно осложняется, видоизмѣняется, но не приходитъ въ состояніе такъ-называемаго хаотическаго броженія силъ. Организмъ не налагаетъ руку самъ на себя, но подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ вѣдущихъ силъ природы, претворяется въ новый видъ и составъ. Въ этомъ отношеніи жизнь организмовъ физическихъ и нравственныхъ представляетъ опредѣленные ступени развитія, съ особою своеобразною формациею органическихъ тѣлъ. На каждой такой ступени является въ одномъ и томъ же тѣлѣ особый самостоятельный организмъ, имѣющій мало общаго съ организмомъ предыдущей и послѣдующей стадій развитія тѣла.

Слѣдуетъ, наконецъ, указать на новый и для насъ особенно важный законъ органической жизни. Каждый организмъ физическій и нравственный, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, представляетъ болѣе или менѣе сложное тѣло, организованное путемъ разнообразныхъ осложненій, комбинацій и разчлененій одного основнаго тѣльца, ячейки или клѣточки простыхъ, не разложимыхъ элементовъ, свойственныхъ данной ступени развитія цѣлаго организма. Всѣ его отправления, весь его составъ внутренній и внѣшній, всѣ отношенія между частями и цѣлымъ, наконецъ, самая сущность и свойства цѣлаго организма, всегда опредѣляются отправлениями, составомъ, свойствами и сущностію той первичной органической клѣточки, изъ которой развился и сложился цѣлый организмъ. Въ историческомъ развитіи политическихъ организмовъ, въ исторіи отдѣльныхъ племенъ, народностей и всего человѣчества, все опредѣляется тѣми основными клѣточками, изъ которыхъ сложился весь строй жизни политическаго организма, и которыя имѣли наиболѣе жизненное, историческое значеніе въ каждую данную эпоху его жизни. Измѣняется и перерождается основная клѣточка подъ вліяніемъ и давленіемъ

нѣмъ силъ внѣшнихъ или внутреннихъ, — измѣняется и перерождается также весь политическій строй жизни цѣлаго организма. Опъ принимаетъ видъ поваго политическаго тѣла, съ иными формами, сочлененіями и отправленіями въ цѣломъ и въ частяхъ.

Дѣйствительно, въ историческомъ развитіи всѣхъ народовъ, обладавшихъ органическою способностію къ политически-самобытной жизни, высказывался всегда и вездѣ одинъ и тотъ же неизмѣнный законъ образованія цѣлаго политическаго тѣла изъ сочлененія и осложненія основныхъ политическихъ клѣточекъ. Каждый народъ, какъ политическій организмъ, проходилъ опредѣленныя стадіи развитія. На каждой изъ нихъ возникалъ и укоренялся въ теченіе долгаго историческаго процесса одинъ изъ основныхъ, не разложимыхъ и неотъемлемыхъ элементовъ политической жизни: элементъ *личный*, *физиологическій* (народъ), элементъ *мѣстный*, *территориальный* (пространство, мѣсто осѣлости народа) и элементъ *связующій*, *правящій*,—элементъ *общаго порядка* (верховная власть). Укорененіе каждаго изъ этихъ элементовъ вызывало особныя политическія формы народной жизни—особныя политическія клѣточки, въ которыхъ организовался и укоренялся тотъ или другой изъ означенныхъ основныхъ элементовъ, по порядку органической послѣдовательности и постепенности въ развитіи элементовъ личныхъ, территориальныхъ и связующихъ. Отсюда въ исторіи человѣчества обозначились и установились три основныя политическія формаціи, каждая съ свойственною ей основною клѣточкой: *родъ* съ его организаціей физиологическаго элемента, *община* съ ея организаціей территориальнаго элемента и *государство* съ его организаціей элемента связующаго. Родъ, община и государство — три самостоятельныя, можно сказать, исключаютія одна другую, основныя политическія клѣточки, каждая съ своими особыми свойствами, отправленіями и организаціей,—клѣточки, лежащія въ основѣ большихъ политическихъ организмовъ — *племень*, *народности* и всего *человѣчества*. Родъ, по своему основному органическому характеру и назначенію, представляетъ подвижную племенную клѣточку, органическое начало кочеваго племени; община—осѣдную клѣточку территориальной народности; государство, въ отличіе отъ рода и общины, является въ органическомъ отношеніи космополитическою клѣточкой, органическою силою всего человѣчества, разсматриваемаго, какъ цѣлостный политическій организмъ.

Первичною формою человѣческаго общежитія является жизнь *племенная*, *кросная*. *Родъ*—эмбриологическая ступень общежитія—орга-

визуется по принципу кровному; *физиологическому*. Единство рода, какъ политически самобытнаго, органическаго тѣла, коренится въ кровномъ происхожденіи его членовъ отъ общаго главы рода; крѣпкихъ связей территоріальныхъ, помимо физиологическихъ опредѣленій, не существуетъ въ родовомъ быту. Отсюда родовая замкнутость и исключительность первичныхъ союзовъ, не доступныхъ для чужеродцевъ. Въ этой формѣ быта выработывается особность кровныхъ союзовъ, путемъ родовыхъ комбинацій, укореняющихъ идею *племени, народности съ характеромъ племенно-этнографическимъ*. Въ силу принципа физическаго наростапія, племя усваиваетъ особую родовую физиономію, приобретаетъ характеръ *личности этнографической*, племенной, вырабатывающей одинаковій племенной складъ возрѣній, убѣжденій, обычаевъ, нравовъ, языка и другія этнографическія особености и отбѣнки. Понятіе племени, какъ личности этнографической, въ эту первичную эпоху совпадаетъ вполнѣ съ понятіемъ народности, какъ политической единицы. Этнографическіе признаки и особености племенъ, выработавшіеся въ родовую эпоху, вѣдьмъ долго сохраняются, какъ національныя, характерныя принадлежности народнаго быта, видоизмѣняются и приспособляются позже, въ эпоху общинной жизни, къ вновь возникающимъ бытовымъ и территоріальнымъ условіямъ пародной жизни.

Съ другой стороны, родъ представляется первичною, эмбриональною растительною кѣлочкой, постоянно *движущеюся*, не осѣдающею на одномъ мѣстѣ, не прикрѣпленною ни къ какой части территоріи. Для рода не существуетъ территоріальныхъ границъ, которыя навсегда опредѣляли бы мѣсто его дѣятельности. Отсюда основная черта родового быта — *кочеванье* родовъ и племенъ, бродячій, номадный, стадный характеръ всего быта племенъ и родовъ, отличающихся въ отношеніи къ территоріи, къ мѣсту ихъ кочевокъ, такъ-сказать, безличнымъ, космополитическимъ характеромъ. Оттого въ родовомъ быту все опредѣлилось лишь отношеніями кровными, физиологическими, единствомъ крови, происхожденія. Идеи кровнаго единства исключительно преобладаетъ у племенъ неосѣдлыхъ, у кочевниковъ. Кочевникъ не привязанъ ни къ какому мѣсту осѣдности: гдѣ бы онъ ни кочевалъ, жизнь его не измѣнялась. Кочевой народъ ведетъ стадную жизнь, передвигается съ мѣста на мѣсто массою, цѣлыми родами, имѣющими характеръ бродячихъ ордъ и дружинъ, занятыхъ хищническимъ добываніемъ и захватомъ добычи и даней съ другихъ племенъ, предметовъ охоты, скотоводства и пр. Постоянная мѣна мѣстъ кочеванья

не допускаетъ сильныхъ вліяній мѣстности на кочевника; онъ не привязанъ къ ней никакими прочными связями и интересами, не усвоиваетъ, поэтому, никакихъ мѣстныхъ привычекъ и обычаевъ. Естественною связью, скучивавшею номадовъ въ одно цѣлое, была связь кровнаго родства. Изъ отношеній къ роду и племени все слагалось, къ нимъ все возводилось въ жизни кочевника. Родовыя опредѣленія представляютъ, такимъ образомъ, главный критерій кочеваго состоянія племени; кочевое же состояніе, въ свою очередь, есть первый и главный признакъ родоваго быта. Какъ особый строй общегитія номадныхъ племенъ, родовой бытъ неразрывно связанъ, всегда обуславливается кочевымъ ихъ состояніемъ.

Другая отличительная черта родоваго быта заключается въ *военно-дружинномъ* характерѣ родовой организаціи. Родъ являлся военною дружиною, переходившею съ одного мѣста на другое, совершала постоянныя хищническіе набѣги, военныя предирія ради пищи и добычя съ сосѣдей дани и добычи, составлявшихъ, на ряду съ охотою и скотоводствомъ, главныя статьи племеннаго богатства кочевниковъ. Военная организація, кромя того, обуславливалась постоянною необходимостію самозащиты противъ враждебныхъ нападений другихъ племенъ. Глава рода былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его военнымъ вождемъ. Въ его лицѣ проявлялась родовая власть, сдерживавшая, скучивавшая и дисциплинировавшая родъ въ военную дружину. Значеніе и сила главы рода зависѣли не столько отъ родоваго, сколько отъ военнаго характера его власти. Вождемъ рода былъ или старшій въ родѣ, или наиболѣе доблестный дружинникъ-воинъ. Онъ представитель военно-родоваго наряда и власти, съ характеромъ абсолютной силы и могущества; предъ нимъ, какъ родовымъ вождемъ, стиралось всякое личное и родовое значеніе и права другихъ членовъ рода. Словомъ, родовое устройство пропикалось строгою военною дисциплиною, установлявшею между членами рода аристократически-родовую іерархію, съ безусловнымъ главенствомъ и полновластіемъ старшаго надъ младшими.

Родовой бытъ держится болѣе или менѣе долго, смотря по свѣжести и живучести *родоваго сознанія*, памяти объ общемъ происхожденіи и связи родичей. Организованный родовой бытъ требуетъ, чтобы съ разростаніемъ поколѣній не угасало въ нихъ живое и ясное сознаніе родовой связи, чтобы въ самомъ быту были обстоятельства, которыя постоянно поддерживали бы и освѣжали бы родовое сознаніе. Напоминаніемъ родовой связи могли служить *могилы предковъ*; но они

приобрѣтаютъ важное значеніе только въ позднѣйшую эпоху, когда предѣлы кочевокъ суживаются и начинаютъ обозначаться племенной территоріей, въ границахъ которой постоянно живетъ кочевое племя. Болѣе могучимъ напоминаніемъ родовой связи служатъ *военныя предпріятія*, которыя, возникши изъ условій родоваго быта, были затѣмъ главною причиною, развивавшею и поддерживавшею его въ народномъ сознаніи. „Постоянное хищничество, враждебное отношеніе къ сосѣдямъ естественно смыкаетъ людей въ группы, а основаніемъ такого сложнаго группъ будетъ кровное родство. Воинственное племя, и шатаясь, должно держаться сплоченнымъ; его собственный интересъ въ томъ, чтобы возможно дальше раскидывалась сѣть родовой связи, захватывая возможно большее число лицъ. Его подвиги и удачи—поводы общаго торжества, на которомъ сознаніе родовой связи подогрѣвается и закрѣпляется новымъ узломъ; его несчастія и неудачи—общее бѣдствіе, простирающееся на всѣхъ,—вотъ опять узелъ связи. Что ни новый непріятель, что ни новое предпріятіе, то новый поводъ для родичей—вспомнить свою родовую связь, вспомнить своихъ славныхъ предковъ, ихъ доблести, торжества и несчастія. Такая-то воинственная жизнь была причиною, которая развила и поддержала родовую связь, напиримѣръ, у Римлянъ и Германцевъ: тамъ онъ сдѣлался яснымъ и отчетливымъ въ народномъ сознаніи“ (см. Исходныя моменты въ исторіи русскаго права наследствія, соч. П. П. Цитовича, 128).

На такой почвѣ родоваго порядка, путемъ вѣковой практики общеплеменныхъ обычаевъ, стала укореняться въ народномъ сознаніи идея *правды*, стали появляться первые зародыши и элементы права. Первичная его колыбель—родъ; первая сфера господства обычнаго права—отношенія родоваго. Идея права впервые создается военно-родовымъ нарядомъ, формулируется въ сознаніи рода, или правильнѣе, въ сознаніи главы рода, представителя родовой власти и наряда. На родовой ступени общежитія, въ силу единства источника правоваго сознанія, укореняются въ правѣ признаки племеннаго единства юридическихъ обычаевъ, опредѣляются этнографическія особенности, племенная личность въ правѣ, съ какою оно является уже съ полною силою въ послѣдующія эпохи развитія народнои жизни. Словомъ, въ правѣ родовой эпохи выясняются племенно-этнографическіе его признаки (право германское, славянское и проч.); но эпохѣ родоваго быта еще не извѣстна дробная система территоріальнаго права.

Вѣтродовая связь и отношенія этой эпохи строятся не на

идеи права, но на началѣ военной силы и самоуправства; господствующее въ это время начало кровной, родовой мести представляет первый зародокъ системы уголовного права, впервые выделяющагося въ родовую эпоху, какъ сколько-нибудь самостоятельный элементъ права. Остальныя отрасли права публичнаго и гражданскаго совершенно почти не развиты и не извѣстны родовой эпохѣ. Скученная, стадная обстановка и боевая жизнь кочевника, подчиненнаго абсолютной власти и могуществу вождя рода, не развиваютъ въ немъ свободаго начала личности; онъ цѣликомъ находится подъ гнетущимъ вліяніемъ родовыхъ опредѣленій, не имѣетъ значенія правоспособной личности,—всѣ права были на сторонѣ вождя рода. Человѣкъ первичной, родовой эпохи находился подъ гнетомъ воснаго деспотизма своего вождя, легко дѣлался военною добычей другой родовой дружины, вообще велъ стадную, ни на минуту не обезпеченную, животную, боевую жизнь воина-кочевника, не знавшаго ни семейнаго, спокойнаго очага, ни широкой общественной дѣятельности осѣдлыхъ народовъ. По вѣрному замѣчанію К. Аксакова, въ родовую эпоху нѣтъ семьи, какъ самостоятельнаго института частнаго права; она поглощается родомъ. Въ родовомъ быту вообще не находили для себя почвы главныя основанія гражданскаго права. При безличности и безправности членовъ рода, при кочевомъ характерѣ племени, и слѣдовательно, при отсутствіи всякой прочной связи человѣка съ землей—главнымъ предметомъ вещнаго права, не могли установиться и сколько-нибудь прочныя, юридическія отношенія лица къ вещному міру; не могло поэтому выработаться и опредѣлиться понятіе о земельной собственности и вообще о правахъ на вещи, о владѣніи и собственности, о наследованіи, о договорахъ и обязательствахъ и пр. Всѣ правовыя понятія родовой эпохи исчерпывались лишь родовыми отношеніями младшихъ къ вождю рода и вообще къ старшимъ.

Иными чертами отличается *община*—вторичная политическая формація быта, переживаемая каждымъ историческимъ народомъ. Политическая роль общины выражается въ томъ, что она соборными творческими силами организуетъ второй не разложимый элементъ политической жизни — *элементъ мѣстный, территориальный*, укореняетъ отношеніе народа къ пространству, мѣсту его осѣлости, и этимъ выясняетъ понятіе о народномъ территоріи, безъ котораго не мыслимо позднѣйшее образованіе государства. Народъ этой формаціи складывается изъ *самобытныхъ частей, общинъ семейныхъ и территориальныхъ, связанныхъ между собою пространственно, какъ въ силу колониза-*

ціоннаго принципа сожительства на однихъ мѣстахъ осѣдлости, такъ и въ силу единства бытовыхъ и территориальныхъ интересовъ общинъ.

Первые зародки поваго бытоваго порядка нѣжно прежде всего искать въ томъ, что кочевые роды и племена, при долговременной кочевкѣ на однихъ мѣстахъ территорія, *привыкають*, такъ-сказать, приручаются къ одной мѣстности, начинаютъ смотрѣть на нее, какъ на свое родовое кочевье, племенной территорій. Привычка къ мѣсту кочевки впервые очерчиваетъ предѣлы, границы будущихъ осѣдлыхъ поселеній, колонизаціи территорій. Привязанность къ мѣсту кочевки можетъ явиться слѣдствіемъ физическаго разростанія племени, обогащенія родовою добычей и хозяйствомъ, какъ и слѣдствіемъ другихъ обстоятельствъ, не дающихъ кочевникамъ прежнихъ удобствъ и легкости совершать обширныя военныя предпріятія и передвиженія съ мѣста на мѣсто на большихъ пространствахъ. Мѣста перекочевокъ, такимъ образомъ, начинаютъ суживаться; номады, такъ-сказать, теоретически прикрѣпляются къ территорію.

Рядомъ съ привычкою къ данной мѣстности, съ теоретическою наклопностію кочевника къ осѣдлости, развивается въ быту кочевомъ рядъ новыхъ явленій и побужденій къ осѣдлости болѣе практическаго свойства, — возникаютъ новыя *соціально-экономическія* условія, дѣйствующія разлагающимъ образомъ на родовое сознаніе кочевника, неотразимо поощряющія его къ осѣдлости, развивающія въ немъ первые сильныя инстинкты и стремленія къ колонизаціонному движенію и къ перемѣнѣ всей обстановки его быта.

Главный мотивъ, гнетущій разросшіеся роды и племена къ осѣдлому быту, заключается въ томъ, что, съ разростаніемъ племени, начинаетъ проявляться *необезпеченность* не только средствъ къ жизни, доставляемыхъ кочевымъ бытомъ, но и *личной и племенной безопасности* кочевниковъ, въ виду усложнившихся столкновеній съ другими племенами. Военно-родовой нарядъ, сосредоточенный въ лицѣ вождя рода, начинаетъ оказываться безсильнымъ для умиротворенія столкновеній и для защиты отъ хищническихъ набѣговъ и обидъ со стороны другихъ племенъ, также разросшихся, количественно усилившихся и вступившихъ въ борьбу за существованіе съ другими инородными племенами. Является сознаніе несостоятельности родоваго наряда кочевниковъ, проявляющагося въ силѣ и власти племенной, чисто физиологической, — въ силѣ оружія, рукъ, мускуловъ и проч. Обстоятельства поощряютъ кочевника организовать иную силу, бо-

лѣе могучую и искусственную. Оплъ начинается прежде всего приспособляться къ силамъ мѣстности, на которой кочуетъ, — ищетъ въ ней защиты отъ вѣшняго врага, углубляется въ дремучіе лѣса, подымается въ неприступныя горыя долины и ущелья и т. д. Временныя убѣжища, дажныя самою природою кочевья, съ теченіемъ времени, при постоянствѣ столкновеній племенъ, обращаются въ постоянныя мѣста кочевки, и наконецъ колонизаціи прочпыхъ поселеній. Гдѣ нѣтъ природныхъ средствъ защиты, тамъ кочевникъ силой обстоятельствъ додумывается до устройства *укрыльскихъ* пунктовъ — дворовъ, селъ, градовъ, сначала только временно поселяемыхъ при набѣгахъ вражескихъ, а потомъ обращающихся въ постоянныя мѣста осѣдлостей.

Другой мотивъ, не менѣе сильно гнетущій кочевника къ осѣдлости и къ переменѣ всего его быта, заключается, такъ-сказать, въ страхѣ кочевника предъ голодною смертію. вмѣстѣ съ пароставіемъ кочеваго племени, съ усиленіемъ нужды и потребностей въ болѣе сложныхъ средствахъ физическаго существованія, стадные, хищническіе порядки племеннаго хозяйства кочевниковъ становятся несостоятельными. Кочевникъ теряетъ, при размноженіи племени и ограниченіи предѣла кочевокъ, прежнюю легкость усвоенія добычи и пищи съ соседней, съ охоты, скотоводства и проч. Осложнившіяся условія жизни ведутъ кочевника отъ привольнаго кочеваго добыванія средствъ жизни къ болѣе тяжелому и организованному труду, къ вѣковой борьбѣ за физическое существованіе. Кочевникъ ищетъ *удобствъ*, болѣе *природныхъ* мѣстъ для кочевки, осваивается и приспособляется къ нимъ, изобрѣтаетъ новыя роды экономической дѣятельности, сообразныя съ *мѣстными* условіями кочевья. Трудъ *земледѣльскій*, зачатки земельной культуры—первые опыты кочевника въ этомъ направленіи, представляютъ уже зародыши общиннаго хозяйственнаго порядка. Въ силу основнаго экономическаго начала, сообща трудъ идетъ спорнѣе, являются первыя *земледѣльскія ассоціаціи*, постепенно организующіяся и расплзающіяся по территорію кочевки племени. Являются первыя зародыши семейныхъ общинъ и территоріальныхъ поселковъ, думы, огнища, верви, починки и пр. Съ этого момента зарождается территоріальное осѣданіе кочевниковъ, начинается медленный, вѣковой процессъ *колонизаціи* бродячихъ родовъ и племенъ, превращенія ихъ въ территоріальныя, осѣдлыя общины и народности, вмѣстѣ съ коренною реорганизаціей родоваго порядка по ншамъ *началамъ и законамъ*.

Такимъ образомъ, борьба за физическое существованіе, необходимость болѣе сильной, организованной защиты отъ вѣшняго врага и страхъ предъ голодною смертію, несостоятельность родового начала въ дѣлѣ защиты и добыванія хозяйственныхъ средствъ—первыя могучія, можно сказать, цивилизующія силы, неотразимо попуждающія первичнаго кочевника къ переходу изъ стаднаго, боеваго быта родовъ и племенъ къ иному порядку, болѣе гарантирующему личное, общественное и хозяйственное положеніе первичнаго человѣка. Такой новый порядокъ, новую общественную обстановку, организуетъ *общины*—основная клѣточка вторичной формации политическаго быта, представляющей переходную стадію отъ родовой, стадной жизни людей къ позднѣйшему быту государственному.

Въ силу условій соціально-экономическихъ постепенно зарождается и выявляется въ народномъ сознаніи принципъ *колонизації, территориальнаго, географическаго наростанія и укорененія народа*. Колонизація медленно, шагъ за шагомъ, движется впередъ, смотря по различію удобствъ осѣдности, колонизаціонныхъ угодій—рѣчныхъ, лѣсныхъ, степныхъ и т. д. Колонизація идетъ по путямъ рѣчнымъ и степнымъ, углубляется въ лѣса и горы, приспосаблиется къ почвеннымъ, климатическимъ, географическимъ и хозяйственнымъ условіямъ мѣстности, и смотря по этимъ условіямъ, то развивается быстро, то задерживается на болѣе или менѣе продолжительное время. Смыслъ колонизаціоннаго движенія выражается въ усвоеніи территоріи, какъ постоянного, прочнаго и спокойнаго мѣста народной осѣдности,—въ стремленіи народа къ *добыванію*, приобрущенію земельного пространства въ свое общее владѣніе, гарантированную собственность,— въ усвоеніи и укорененіи понятія о *народномъ территоріи*, занятъ и освоенномъ даннымъ народомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, условія колонизації вліяютъ неотразимымъ образомъ на весь внутренній бытъ колонизирующихся племенъ. Превжнія связи физиологическія, родовыя, утрачиваютъ въ народномъ сознаніи политическую силу и значеніе, отходятъ на второй планъ, и наконецъ, совершенно вытѣсняются новыми бытовыми связями и порядками. Племенные части, осѣвшія разбросанно по различнымъ пунктамъ территоріи, теряютъ сознаніе о своемъ родовомъ единствѣ, начинаютъ связываться въ одно цѣлое не физиологическимъ началомъ, но сознаніемъ единства территориальныхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ условій, при какихъ колонизовались отдѣльныя части племенъ. Разнообразіе колонизаціонныхъ условій налагасть особыя типическія черты,

особую физиономію на каждый, отдѣльно колонизованный союзъ и на цѣлыя группы такихъ союзовъ. Изъ осложненія условій бытовыхъ и вліянія ихъ на народную жизнь возникаетъ идея *территориальной*, такъ-сказать, *почвенной народности*, съ особою мѣстною физиономіей, съ географическою личностію. Старая племенно-этнографическая организація народа приспосабливается къ территориальной колонизаціи, получаетъ мѣстный, земельный характеръ; отсюда выработывается особый, чисто-мѣстный складъ ума, запитій, обычаевъ, вообще всей жизни отдѣльныхъ общинъ и земель. Этнографія народная осложняется, перестаетъ быть только племенною, но разнообразится, располагается по мѣстностямъ. Въ эту эпоху народность, какъ политическая личность, перестаетъ опредѣляться одними племенно-этнографическими, родовыми признаками; напротивъ того въ составъ территориальной народности можетъ входить нѣсколько разноплеменныхъ частей, съ разнообразными этнографическими признаками и особенностями.

Подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій колонизаціи складываются бытовые особенности отдѣльныхъ мѣстностей, обозначаются особые мѣстные интересы и тяготѣнія, особые стремленія и организаціи. Въ каждомъ мѣстномъ союзѣ развивается сознаніе своей отдѣльности и отличія отъ другихъ союзовъ, — сознаніе, изъ котораго возникаетъ стремленіе союзовъ къ *самобитности*, къ самостоятельной организаціи и устройству своего политически-независимаго быта. Можно сказать, что каждый мелкій союзъ этой эпохи пронизывался до мозга своихъ костей началомъ свободолюбія, стремленіемъ обособиться въ отдѣльный территорій, въ особую политическую власть. Какъ въ родовомъ быту все опредѣлялось отношеніями къ своему роду, такъ и въ эпоху общиннаго быта стояли на первомъ планѣ *свои* мѣстные интересы и тяготѣнія, — все слагалось изъ отношеній къ своей землѣ, своей волости, своей общинѣ и пр.

Но въ условіяхъ того же быта, рядомъ съ началомъ розни, заключались также сдерживающія начала, съ болѣе общимъ характеромъ, хотя эти начала и не могли осилить вышней розни и особенности союзовъ.

Общимъ интересомъ отдѣльныхъ союзовъ было „береженье“ отъ *внѣшняго* врага. Предъ нимъ всѣ общины даннаго территорія являлись одною землею, однимъ политическимъ тѣломъ, стоявшимъ общими силами за свою независимость и безопасность. Но этотъ общій мотивъ, весьма сильный въ пору самаго развитія общинной колонизаціи, слабѣетъ позже, съ политическимъ развитіемъ и болѣе силь-

нымъ обособленіемъ народныхъ группъ, заботившихся каждая болѣе всего о себѣ, о береженіи своей собственной самобытности.

Съ такимъ же общимъ характеромъ обозначается внутреннее береженіе въ сферѣ *нравственно-религіознаго* быта народа,—береженіе со стороны церкви и духовенства, являющихся вездѣ представителями общаго элемента, не привязаннаго къ той или другой части территоріи. Но внутренній парадъ, береженіе церкви долго были безсильными, оказывали слабое вліяніе на народное сознаніе, проникнутое областными, такъ-сказать, почвенными, земными условіями жизни.

Былъ еще одинъ общій мотивъ — береженіе въ сферѣ *правовыхъ* отношеній. Въ *Leges Barbarorum* или въ нашей Правдѣ, распространившихъ идею права въ сферу междусюзныхъ отношеній и создавшихъ цѣлыя отрасли права, неизвѣстныя вовсе родовой эпохѣ, заключалось такое же объединяющее и цивилизующее начало, какъ и въ церковномъ правѣ или въ переводахъ священныхъ книгъ. Но это начало тоже долго подчинялось бытовымъ, территоріальнымъ вліяніямъ.

Словомъ, прочаго, связующаго порядка съ общимъ характеромъ не было въ обществѣ общинной эпохи,—въ сферѣ общихъ, политическихъ отношеній народа не было союзнаго начала, которое обнимало бы весь народъ, отличалось государственнымъ характеромъ. Но за то была *федеративность мѣстная, волостная*, имѣвшая силу и значеніе въ сферѣ чисто общинныхъ отношеній. Здѣсь федеративное начало являлось могучею территоріальною силою, стягивавшею отдѣльные союзы въ группы, федераціи, самобытныя извѣт и цѣлостно-автономическія внутри, каждая съ своимъ мѣстнымъ центромъ, съ своими областными ищчерсами и сознаніемъ своей отдѣльности и политической самобытности.

Общинный порядокъ, подобно родовому, опредѣлялся организаціей, свойствами и характеромъ основной общественной клѣточки, имѣвшей за собою преимущества колонизаціоннаго старѣйшинства давности происхожденія, выработавшей начало, которое затѣмъ регулировало все внутреннее устройство общинныхъ союзовъ. Такою клѣточкой является въ эту эпоху *семейная община*. Она имѣла огромное историческое значеніе въ средневѣковой жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, и какъ всякое великое, исторически-культурное начало, долго удерживалась въ жизни, даже въ то время, когда ея историческое назначеніе кончилось, и народный бытъ перешелъ на высшую ступень общественнаго развитія.

Община семейная встрѣчается въ одинаковыхъ формахъ у всѣхъ народовъ общинной культуры. Она была общею принадлежностію славянской исторіи; у Славянъ южныхъ она доселѣ сохраняется въ первобытныхъ формахъ. Такая же община была извѣстна на всемъ средневѣковомъ западѣ. Вся древняя Галлія, феодальныя волости и общины Франціи, Германіи и т. д. были усѣяны семейными общинами. Политическій бытъ средневѣковой Европы представлялъ собою осложненіе безчисленнаго множества такихъ клѣточекъ, разбросанныхъ на всемъ европейскомъ материкѣ романо-германскомъ и славянскомъ. Во Франціи такія общины существовали еще въ эпоху большой революціи; еще въ 40-хъ годахъ извѣстенъ былъ въ Нормандіи большой родъ Жо, съ семейно-общиннымъ характеромъ славянской задруги. Что у Славянъ называлось *дымомъ, дворомъ, омищемъ, родомъ, братчиной, червюю* или *верною дружиной, задругой, засединомъ* и пр., то у Франковъ X и слѣдующихъ вѣковъ извѣстно было подъ именемъ *pot, feu, sel, chateau, gentium, communauté familial, société rustique des frères, serfs, roturiers* и пр. ¹⁾ Даниоль прямо ставитъ эти общины въ параллель съ задругами русскими и славянскими, какъ вполне тождественныя явленія (*Histoire d. classes rurales* 78). Задружные порядки, по словамъ французскихъ историковъ, проникали даже въ феодальный міръ, служили образцомъ и для феодальныхъ задругъ (устроенныхъ по началу пераздѣльности леннаго земельного владѣнія) — frèrages, aines-

¹⁾ О славянской и русской задругѣ см. слѣд. сочиненія: *М. И. Милевича* Прегледъ задружног. станя Срба селяка (*Гласн. друшт. срб. слов.* 1857, IX), — на рус. языкѣ — О задругахъ въ народѣ Сербекомъ (*Рус. Вестн.*, XI); *Утѣшевича* Die Hauscommunionen d. Südslaven. W. 1859; *Ө. Леонтовича* О значеніи перва по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1867, т. 134); *Вотшича* Pravní obiřaji u Slavenu. Zagr. 1867; *Вестужева-Рюмина* Русск. Ист., I; *Өр. Миллера* Опытъ ист. обзор. русск. слов., I; Общественный и частный бытъ Сербовъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1856, XC); *Пречка* Slovanské právo v Čechach a na Moravě. Pr. 1863—64 (или, переводъ. 1865—66); *Ткалица* Staatsrecht d. Fürstth. Serbien, 1858; *Воцеля* O Staročeskem dědickem právu. Pr. 1861; *В.С. Караджича* Срб. рјечник. 1852; *Палаукаю* Dějiny nar. Česk. I; *Чанловича* Slavonien u. zum Theil Croatien. 1819; Das Serb. Volk in sein. Bedeutung für d. orient. Frage. 1853. О западноевроп. задругахъ см. *И. Даниоль* Histoire des classes rurales en France. P. 1865; *М. Beugnot* De la formation de municipalités rurales (*Revue franç.* 1838); *Perreiot* Etat civil des personnes et conditions des terres. 1816; *Troplong* Commentaire du contrat de société en matière civile et commerciale, 1843; *Lebrun* Des sociétés tacites, I; *өро же* Traité de la communauté, I; *Brussel* Usage des fiefs, II; *Sungant* Economy of the labouring classes etc.

ses, vavassories, masures, frèreshes, pagésies и пр.,—также vassalages друидскихъ и гальскихъ, клановъ кельтійскихъ и шотландскихъ (см. *Perreiot*, II, 320; *Daniol*, 43, 84). Въ славянскихъ общинахъ, въ которыхъ рано утвердились княжескіе роды и династіи, устройство послѣднихъ также основывалось на семейно-общинныхъ порядкахъ (*S. Ljubić* *Ogledalo književne poviesti jugosl.* 1864; мое соч. Древн. хорв.-дамм. закопод. 21—22, 153—154). Существованіе задружныхъ порядковъ въ средневѣковой жизни европейскихъ народовъ мотивировалось и постоянно поддерживалось общими бытовыми условіями того времени. Кочевые роды осѣдали по составнымъ своимъ частямъ отдѣльными семьями, въ которыхъ нужно видѣть первые зародки задругъ. При дальнѣйшемъ разрастаніи семей, члены ихъ продолжали жить сообща, общиною, „засдиномъ“, какъ въ силу экономическихъ условій—цѣлесообразности и выгоды труда общими силами, такъ и въ силу условій социальныхъ—ради самозащиты, по началу круговой поруки. Жизнь въ задругѣ была обязательною для сельскихъ жителей Франціи еще въ XII вѣкѣ и позже (*Daniol*, 81). Въ задруги могли затѣмъ соединяться путемъ общихъ браковъ или простаго уговора и чуждыя между собою семьи и отдѣльныя лица, ради тѣхъ же экономическихъ и социальныхъ цѣлей и интересовъ (отсюда, напримеръ, чешскія задруги назывались „*stupy, spolky*“—отъ „ступаться“, вступать въ союзъ, соединяться въ общину, или „засдинъ“, какъ выражаются теперешніе Сербы или Хорваты).

Въ задругѣ все ново; нѣтъ ничего общаго съ старымъ родомъ. Семья, поглощавшаяся въ кочевую эпоху родомъ, теперь получаетъ самостоятельное значеніе, является „ипокоштиной“, лицомъ юридическимъ. Въ составѣ задруги семьи и отдѣльныя лица не безправны, какъ въ старомъ родѣ. Возникающія впервые въ задругѣ, болѣе прочныя отношенія къ землѣ, къ вещному міру, приурочиваются къ цѣлой задругѣ: она—первый пахарь и вмѣстѣ съ тѣмъ первый вотчинникъ, землевладѣлецъ; въ ней заново организуется земельное владѣніе и собственность—попятія, не мыслимыя въ родовомъ быту кочевниковъ. Общій строй задруги вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Задруга—союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами (дымами),—союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территориальными и экономическими, сожителествомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшей въ общемъ владѣніи общины. Таки ассоціаціи земледѣльческія управлялись автономически, по общей думѣ, совѣту, уговору и

наряду, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отца или выборнаго старшины (славянской старѣйшины, владыка, домакипъ, господарь или хозяинъ соотвѣтствуетъ французскому *major, maistre* или *chef de communauté*, какъ и славянская хозяйка и домакина соотвѣтствуетъ французской *majotissa, maitresse*). Старѣйшинство опредѣлялось давностью рожденія или принадлежностію къ старшей (по времени возникновенія или приселенія къ союзу) семьѣ въ задругѣ или зависѣло отъ ряда и избранія общины, а иногда просто добывалось захватомъ (при молчаливомъ согласіи на то другихъ членовъ общины). Равноправіе и солидарность всѣхъ членовъ общины было основнымъ началомъ задружнаго устройства.

Задружные распорядки вліяли на всю дальнѣйшую колонизацію и устройство территоріальныхъ общинъ. Задруга передала имъ развитый ею принципъ общиннаго сожительства и земельного владѣнія, старѣйшинства и колонизаціонной іерархіи общинъ, наряда и управы по общей думѣ и уговору и пр. Всѣ эти основы общиннаго быта получили свое развитіе прежде всего въ задругѣ, явившейся раньше другихъ формъ общинныхъ, и затѣмъ разширились дальше, вмѣстѣ съ разростаніемъ задругъ въ общины территоріальныя, которыя, по весьма остроумному замѣчанію г. Бестужева-Рюмина (Русск. Ист. I, 41), и могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ.

Задруги, соединенныя пространственно, сводились общими бытовыми интересами въ болѣе обширные союзы—*общины чисто территоріальныя*, представлявшія по своему устройству не больше, какъ разросшіяся задруги. Генезисъ территоріальной общины кроется въ первичной задругѣ, старѣйшей по времени колонизаціи. Первичная задруга, по мѣрѣ наростанія членовъ и семей, возникавшихъ въ ней или приселявшихся къ ней въ силу уговора или общихъ браковъ, разросталась съ теченіемъ времени въ *починокъ, деревню, село, посадъ, городъ* (пригородъ принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей колонизаціи земель и волостей), удерживая на всѣхъ этихъ ступеняхъ типическія черты первоначальнаго своего устройства и только примѣнялась къ болѣе широкимъ и сложнымъ условіямъ жизни территоріальной общины. Подобная же колонизація повторяется и въ другихъ задругахъ. Такъ, путемъ постепенной колонизаціи, разростанія старыхъ задругъ и выселенія новыхъ, возникалъ рядъ общинъ, пространственно, географически связанныхъ, въ видѣ нашихъ *поустовъ*, юго- и западно-славянскихъ *общинъ* (обкивъ, оптинъ, оплинъ), *обес, osud* или *opol* и старо-

германскихъ *марокъ* (*mark*). Но задруги и погосты не исчерпывали всѣхъ формъ общиннаго быта. Путемъ добровольнаго единенія (главнымъ образомъ, ради самозащиты), также путемъ добыванія новыхъ территориальныхъ частей, путемъ колонизаціоннымъ и пр., они расширялись въ новыя, еще болѣе широкіе союзы—*общины земельныя, волостныя*, подъ разными названіями—*оптинъ, жупъ, земель, волостей* или *областей, княжествъ* или *княжесствъ, Gau, Pfarre* и проч. Не вездѣ общинная колонизація достигала полнаго своего развитія. Въ однихъ мѣстахъ задруги оставались въ своей первичной формѣ; въ другихъ развитіе не шло далѣе села, именно тамъ, гдѣ природныя средства защиты (въ мѣстностяхъ горныхъ, лѣсныхъ, болотистыхъ и т. п.) не вызывали необходимости въ устройствѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, городовъ (такова горная хорватская жуца Полица или наши старія волости, стоявшія рядомъ съ городскими округами и бывшія до XVII вѣка въ управленіи особыхъ правителей—волостелей); наконецъ, въ третьихъ мѣстахъ колонизація достигала образованія широкихъ союзовъ — погостовъ, земель и жупъ. Все здѣсь зависѣло отъ мѣстныхъ условій, отъ накопленія общинами богатства, матеріальной силы и могущества, какъ и отъ другихъ обстоятельствъ, дававшихъ общинамъ большую или меньшую возможность разрастаться, раздвигать территориальныя предѣлы, колонизовать новыя поселенія и достигать полной политической независимости и самобытности.

Какъ въ задругахъ всѣ отношенія и связи строились путемъ *колонизаціонной іерархіи*, такъ и отношенія между общинами волостными опредѣлялись по началу давности поселенія, старѣйшинства колонизаціи. Между старыми и новыми общинами устанавливались *федеративныя* отношенія метрополіи къ колоніямъ. Городъ главный, старѣйшій, возникавшій изъ первичнаго, старѣйшаго села и задруги, служилъ общимъ выраженіемъ цѣлаго волостнаго союза, составлялъ средоточіе жупы, волости или земли, стоялъ, въ силу своего старѣйшинства, во главѣ всего общиннаго наряда, въ центрѣ федераціи семейныхъ и территориальныхъ общинъ одной волости. „На чемъ старѣйшіе сдужаютъ, на томъ пригороды стануть“,—общая формула колонизаціоннаго подчиненія общинъ одна другой. Сила и могущество волостной федераціи общинъ отражались прежде всего въ силѣ и могуществѣ ея центра, старѣйшаго города. Принадлежность къ такой федераціи, подчиненіе іерархіи и старѣйшинству главнаго города, а съ нимъ и цѣлой федераціи, обуславливалась *единеніемъ*.

уговоромъ, согласіемъ между всѣми федеративными частями. Какъ задруга распадалась, если нарушался „уговоръ“, такъ и община территориальная, при негодѣ, раздѣлялась на новыя самостоятельныя части. Какъ въ задругѣ каждый членъ, при негодѣ съ всю или при желаніи завести свой особый очагъ, огнище, инокоштину (если были у него всѣ нужныя для того условія), всегда могъ отдѣлиться въ особую семью или задругу, такъ и каждый членъ волостной федераціи могъ, смотря по силамъ и средствамъ, также обособиться въ самостоятельную общину, волость. Изъ условій задружнаго быта вытекало и начало общиннаго единенія, федеративности, и начало волостной обособленности общинъ.

Отсюда объясняется характеръ и направленіе *общиннаго наряда*. Общины преслѣдуютъ нныя цѣли и задачи, чѣмъ старыя роды и племена; нарядъ общинный не имѣетъ ничего общаго съ нарядомъ родовымъ. Нарядъ общины носитъ по преимуществу характеръ территориальный, областной. Здѣсь опять находимъ отраженіе задружныхъ порядковъ. Какъ въ задругѣ все направлено на общее обладаніе *своею* землей, на добываніе и умноженіе своего хозяйства, такъ и въ территориальной общинѣ нарядъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ укорененіи и регулированіи отношеній народа къ *сво* территории, въ добываніи имъ для *себя* территориальной силы и могущества. Другихъ болѣе общихъ, высшихъ интересовъ, выходящихъ изъ узкой мѣстной сферы, общинный нарядъ не знаетъ; интересы этого рода исполнѣ сознаются народомъ только на высшей, государственной ступени развитія.

Нарядъ общинный развивается и движется параллельно съ территориальнымъ развитіемъ и расширеніемъ самыхъ общинъ. Онъ сопутствуетъ ихъ колонизаціи, идетъ по ея слѣдамъ и путямъ, въ видахъ внутренняго и вѣншнаго *береженія* возникающихъ общинъ и земель. расширенія ихъ территориальной власти и значенія. Словомъ, политическая цѣль и назначеніе наряда общинной эпохи состоитъ, главнымъ образомъ, въ спокойномъ развитіи общинной колонизаціи, въ политическомъ укорененіи союзовъ на отдѣльныхъ территориальныхъ частяхъ.

На первыхъ порахъ общины сами являются нарядниками, сами колонизуются своими собственными силами и средствами, своимъ собственнымъ внутреннимъ нарядомъ. Форма общиннаго наряда вездѣ была одна и та же. Начало задружнаго *старшинства* и *общей думы*, единенія, уговора—главное основаніе наряда задруги, перешло и въ

волостное устройство, высказалось въ организаціи выборнаго старѣйшинства общинъ и въ устройствѣ вѣчъ—сходокъ всѣхъ членовъ общины или только домохозяевъ, то-есть, главъ, старшинъ семейныхъ и территоріальныхъ общинъ. Начало старѣйшинства и начало вѣчвое цѣликомъ коренятся въ устройствѣ первичныхъ задругъ.

Съ усложненіемъ и выясненіемъ территоріальныхъ отношеній и самобытности общинъ, когда они вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ сплачиваться въ болѣе широкіе союзы—жупы, земли и волости, нарядъ общинный, дробный, частичный начинаетъ оказываться болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Мы видѣли, что въ родовую эпоху нарядъ племенной подт. копецъ оказался безсильнымъ въ замиреніи племени,—роды должны были обратиться къ болѣе организованнѣмъ и искусственнымъ средствамъ защиты и съ этою цѣлью устроить укрѣпленные пункты кочевковъ, углубляться въ горы и пр. Почти то же должно было случиться и съ общиной, въ эпоху колонизаціи земельной и волостной, когда началась организація большихъ общинъ, жупъ и земель, и когда общины стали приходить въ столкновенія съ другими землями, тоже стремившимися къ расширенію колонизаціи на счетъ другихъ общинъ и волостей. Для этого требовалась болѣе сосредоточенная и организованная сила колонизаціи, путемъ призыва и учрежденія особыхъ *нарядниковъ-колонизаторовъ*, которые вели бы дальше и регулировали бы колонизацію волостную и земельную. Потребности въ такихъ нарядникахъ не вездѣ, впрочемъ, высказываются одинаково, не всегда даже имѣетъ всеобщій характеръ. Общины, болѣе сильныя или болѣе удаленныя, обособленныя естественными, крѣпкими предѣлами (напримѣръ, горами и пр.) отъ главныхъ центровъ общинной колонизаціи, нерѣдко до самаго перехода въ государственной бытъ остаются при одномъ общинномъ нарядѣ, не пужаются и не ищутъ особыхъ нарядниковъ (напримѣръ, наша Вятка, хорватская горная община Полица и пр.).

Въ роли общинныхъ нарядниковъ-колонизаторовъ являются особые *клязескіе роды*, задруги, дружины, династіи (Гюриковичей, Неманичей, Пястовичей и пр.). Они призываются общинами, чтобы болѣе успѣшно вести колонизаціонное движеніе и нарядъ общинъ. Въ князьяхъ общинно-волостныхъ проглядываетъ не типъ стараго главы рода, съ абсолютнымъ военно-родовымъ могуществомъ, и также не типъ позднѣйшаго государя, съ его верховною государственною властію, но типъ первичнаго колонизатора, общиннаго дружинника—старѣйшины, домакина семейной общины. Какъ домакинъ знаетъ только

свое хозяйство, только интересы своей задруги и въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ на общій рядъ, совѣтъ (вѣче), по дѣламъ своей территоріальной общины, такъ и волостной князь ведетъ парядъ только по интересамъ своей общины и волости. Общимъ дѣломъ князей являлось береженіе общинъ отъ вѣшняго врага, устраненіе препятствій къ упроченію волостной колонизаціи народа; но и этотъ парядъ слабѣетъ, какъ уже замѣчено, въ эпоху полной обособленности общинъ, когда территоріальная колонизація приходитъ къ концу. Княжескіе роды и династіи организуются по тѣмъ же началамъ, какъ и простые задруги,—по старшинству лѣтъ, принадлежности къ старшей (по времени происхожденія) семьѣ рода, по ряду князей и избранію общинъ, по добыванію, захвату и пр. Старшій князь имѣлъ значеніе домакина княжескаго рода, относился къ другимъ его членамъ по началу задружнаго старшинства, вообще дѣйствовалъ, какъ простой домакинъ, хозяинъ задруги, по общей думѣ и уговору съ другими князьями, — отсюда и княжескіе ряды и сѣзды получали характеръ простыхъ, задружныхъ совѣтовъ. Княжескій родъ былъ задругой, общею для всего народа, для всѣхъ волостей. Пока шло колонизаціонное движеніе общинъ, князья не осѣдаютъ на однихъ мѣстахъ, по постоянно движутся, мѣняютъ точки колонизаціонной дѣятельности, переходятъ изъ одной волости въ другую, вездѣ преслѣдуя одну задачу общиннаго паряда—территоріальнаго укорененія народа, путемъ земельной организаціи общинъ и волостей.

Колонизаціонное направленіе общинно-волостнаго паряда объясняетъ важное значеніе въ немъ *военно-дружиннаго элемента*, какъ могучей колонизирующей силы общинъ и волостей. Если въ родовомъ бытѣ этотъ элементъ является разрушительнымъ началомъ, преслѣдованнымъ по преимуществу хищническаго цѣли, то общинная культура облагороживаетъ его, снимаетъ съ него строгій разрушительный характеръ, приспособляетъ его къ колонизаціоннымъ стремленіямъ и интересамъ общинъ, дѣлаетъ его однимъ изъ главныхъ орудій общинной колонизаціи. Въ отличіе отъ рода, въ цѣломъ своемъ составѣ организовавшася по военно-дружинному типу, община принимаетъ характеръ мирнаго союза, безъ спеціально-разрушительныхъ стремленій,—союза, выдѣляющаго изъ себя въ видахъ колонизаціонныхъ особую военную дружину—главный органъ и проводникъ общиннаго паряда, въ особенности въ отношеніи къ береженію общины отъ хищническихъ, враждебныхъ набѣговъ кочевниковъ. Во главѣ такой дружины стоитъ князь, какъ главный дружинникъ-колониза-

торъ своей общины. Въ отношеніи къ дружинѣ князь былъ ея домакиномъ, ничего не предпринимавшимъ безъ ея совѣта и думы. Родъ княжескій и дружина представляли, такимъ образомъ, какъ-бы одну задругу, стоявшую во главѣ колонизаціоннаго наряда общинъ.

Тѣми же задружными началами опредѣляется отношеніе князей къ общинамъ. Задружный принципъ общей думы, единенія, уговора домакина съ задругарями, отца съ дѣтьми, даже хозяина съ слугами, одинаково лежалъ въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній. Волостной князь, подобно задружному старшинѣ, распоряжается, хозяйничаетъ, „володѣеть“ волостью, но не въ силу собственного, личнаго права, а въ силу своего значенія волостнаго нарядника, по ряду съ общинами, на основаніи единенія съ вѣчсмъ,—при довѣрїи народа (когда онъ „любовь“ ему) дѣйствуетъ въ своей волости и жупѣ точно также неограниченно, какъ и излюбленный домакинъ въ своей задругѣ. Съ другой стороны, какъ въ задругѣ домакинъ смѣнялся, если онъ хозяйничалъ не разумно, не по уговору съ задругарями, такъ и волостной князь удалялся общиной, если онъ становился ей „не любовь“, если нарушалось единеніе князя съ волостію. Какъ въ задругѣ отдѣльный членъ, лишавшійся ея довѣрїя, изгонялся, выходилъ изъ нея, какъ „худой“, изгой“, такъ и волостной князь становился изгоемъ, если онъ, вслѣдствіе нарушенія единенія съ властію, или другими князьями, терялъ волость, а съ нею и значеніе волостнаго нарядника-колонизатора. Изгойство, возникшее первоначально на почвѣ задружныхъ отношеній, распространилось затѣмъ и въ сферу отношеній общинно-волостныхъ.

Такова первоначальная роль и значеніе князя общинной эпохи. Домакинъ въ своей волости, дружинникъ-колонизаторъ внѣ ея, волостной князь, вмѣстѣ съ дружиной и общинами, развиваетъ, организуетъ волостной нарядъ, раздвигаетъ его за предѣлы волости, ведетъ борьбу съ враждебными силами, заводитъ съ народомъ новыя общины и волости и т. д. Въ эпоху общиннаго наряда князья и общины сослужили народу трудную службу: они упрочили территориальную силу и значеніе народа, уничтожили въ населеніи остатки отъ военно-родоваго порядка—бродячіе, стадные, хищническіе элементы и инстинкты, регулировали ихъ путемъ мѣстной колонизаціи, вообще содѣйствовали своимъ нарядомъ къ выясненію территориальной личности, волостной силы и могущества отдѣльныхъ народныхъ частей.

Такъ было въ эпоху развитія колонизаціоннаго движенія общинъ.

Нной порядокъ зарождается съ тѣхъ поръ, какъ предѣлы колонизаціи опредѣлялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обозначились и окрѣпли группы общинъ, освоившихъ народный территорій. Съ этого момента начинается осѣданіе князей, раздѣленіе одной, такъ-сказать, общеволостной княжеской задруги на нѣсколько новыхъ, самостоятельно осѣдающихъ по волостямъ, которыя, въ свою очередь, окончательно группируются въ отдѣльныя, политически самостоятельныя области, каждая съ своимъ самостоятельнымъ порядкомъ, обычаями и законами. Князья вступаютъ съ этихъ поръ въ болѣе близкія и постоянныя отношенія къ общинамъ, постепенно сбрасываютъ съ себя типъ колонизаціоннаго нарядника-домакина волости и расширяютъ свой нарядъ на весь внутренній бытъ общинъ. Въ однихъ земляхъ удерживается старое равновѣсіе и единеніе власти княжеской и вѣчевой, являющихся въ это время равносильными, такъ-сказать, параллельными органами общиннаго народоправства,—порядокъ болѣе или менѣе точно и опредѣленно констатируемый путемъ формальныхъ договоровъ и соглашеній князей съ народомъ. Въ другихъ областяхъ княжескій элементъ постепенно усиливается на счетъ вѣчеваго, въ силу стремленія князей къ преобладанію, къ добыванію для себя территоріальнаго могущества, являющагося по большей части результатомъ завоевательной силы и гнета (у насъ, между прочимъ, Монгольскаго ига). Отсюда, какъ и подъ вліяніемъ ученія духовенства о верховности князей и о безусловномъ подчиненіи и подданствѣ имъ, зарождается въ народномъ сознаніи новое воззрѣніе на князя, какъ „господина“, „государи“, съ властію, не зависящею отъ народа, съ назначеніемъ, идущимъ за узкіе предѣлы общиннаго наряда. Съ выясненіемъ такого воззрѣнія, окончательно разрушается прежняя солидарность и единеніе князя съ общиной, и обозначается поворотная точка въ развитіи всего политическаго быта народа. Изъ ряда волостей и княжескихъ задругъ выступаетъ на первый планъ болѣе сильная и могущественная волость и княжеская задруга; они берутъ территоріальный перевѣсъ и господство надъ другими, менѣе сильными волостями и развиваютъ первые зародыши новаго порядка—государственнаго. Здѣсь-то заводится новая культурная клѣточка; съ ея организаціей народъ переходитъ на высшую, государственную ступень политическаго быта.

Въ общинную эпоху народной культуры идея и составъ *права* осложняются новыми явленіями, неизвѣстными праву родовой эпохи. Колонизація народа по отдѣльнымъ частямъ территорія и возник-

часть CLXXIV, отд. 2.

шее отсюда осложненіе бытовыхъ отношеній должны были влечь за собою расширеніе сферы правовыхъ понятій, ограничивавшихся въ первичную эпоху только отношеніями родовыми, кровными. Тогда идея права создавалась сознаниемъ вождя рода и племени, выражалась въ формѣ велѣній, приказаній; теперь на первый планъ выступаетъ свободное сознание народное,—право общинной эпохи является въ формѣ болѣе сложной и опредѣленной (словесно и на письмѣ)—*покона (закона), докончанья или рjada (уговора, соглашения), устава*. Далѣе, въ правѣ родовой эпохи проявлялись признаки общеплеменные; право имѣло племенно-этнографическій характеръ. Въ составъ права общинной эпохи привходятъ элементы не одного какого-либо племени, а нѣсколькихъ, принадлежащихъ въ одному территориальному союзу, и каждая изъ такихъ племенныхъ частей, съ своимъ особымъ племеннымъ сознаниемъ, выработаннымъ еще въ родовую эпоху, осложняетъ правовое сознание цѣлой территориальной народности. Въмѣсто прежней племенной розни военно-кочевыхъ родовъ, съ ихъ кровною местию, непризнаніемъ идеи права внѣ родовыхъ отношеній, общинно-волостной нарядъ отрицаетъ мечь въ сферѣ общинныхъ отношеній одной территориальной народности, создаетъ систему *общинно-волостнаго общинаго права*, развивающагося затѣмъ въ широкую систему *права народнаго*. Такой моментъ развитія права обозначился на западѣ съ появленіемъ системы *Leges Barbarorum*, у насъ—Русской Правды, формулировавшихъ первыя начала общаго правоваго сознанія цѣлыхъ территориальныхъ народностей. Но на этомъ развитіе не остановилось. Правда и *Leges* расползаются по территорію; формулированныя ими начала укореняются въ народномъ сознаниіи, развиваются и видоизмѣняются по мѣрѣ развитія въ народѣ колонизаціоннаго движенія, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ каждой территориальной части народа въ отдѣльности. Съ развитіемъ дробной системы самобытныхъ общинъ, право народное проникается началами *мѣстнаго, территориальнаго партикуляризма*. „Правда“ укореняется, какъ и общинный нарядъ, путемъ волостной колонизаціи, развивается въ своеобразныя и самостоятельныя мѣстныя системы правовыхъ понятій, обычаевъ и закоповъ, придающихъ особую мѣстную фізіономію праву каждой земли и волости въ отдѣльности.

Въ общинную эпоху развивается также другое, не менѣе важное явленіе—выдѣленіе самостоятельныхъ отраслей права гражданскаго, публичнаго и пр. Первая юридическая организація *семейныхъ отно-*

шеній является въ задружномъ быту. Въ задругѣ устанавливаются впервые правомѣрные отношенія между членами семьи. Съ задруги собственно начинается развитіе семейнаго права въ строгомъ смыслѣ. Тамъ же впервые устанавливается начало равноправія членовъ общины, — обстоятельство, которое должно было развитъ въ народномъ сознаніи цѣлый рядъ сложныхъ правовыхъ понятій, не извѣстныхъ родовой эпохѣ. Далѣе, въ семейной и территоріальной общинѣ устанавливается тѣсная связь членовъ съ землей; задруга, какъ уже замѣчено, является передовымъ нахаремъ и землевладѣльцемъ, вотчинникомъ; въ ней, естественно, должны были прежде всего выработаться основы *земельнаго права*, а съ нимъ и права *вещнаго* вообще. Въ юридическомъ быту общинъ постепенно выясняется сознаніе о своемъ и чужомъ, о владѣніи, собственности, наследованіи и пр., — постепенно словомъ, выясняется весь организмъ *гражданскаго права*. Но какъ личность въ эту эпоху еще не выдѣлялась въ самостоятельную сферу, носила квалифицированный характеръ, опредѣлявшійся семейно-общиннымъ ея положеніемъ, такъ и вообще весь составъ гражданского права являлся также съ опредѣленною квалификаціей, пропикался но преимуществу началами общиннаго быта. Далѣе, общинному паряду принадлежитъ созданіе первыхъ началъ *публичнаго права*, установленіемъ правомѣрныхъ отношеній внутри общинныхъ союзовъ и расширеніемъ идеи права въ сферу междусоюзныхъ отношеній, вмѣстѣ съ отмѣной мести — порожденія военно-кочеваго быта старшихъ родовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, появляются зародки сословнаго начала, путемъ фактическихъ обособленій лицъ по занятіямъ и положенію въ общинахъ (дружина, боярство, гости и пр.). Наконецъ, практика территоріальныхъ отношеній общинъ вліяетъ на возникновеніе первыхъ началъ *общественнаго суда*, въ видахъ необходимости умиротворенія споровъ и столкновеній союзовъ и отдѣльныхъ лицъ путемъ общиннаго паряда и управы.

Родъ и община имѣли свою культурно-историческую задачу организацію двухъ основныхъ элементовъ политической жизни: первый — элемента личнаго, фізіологическаго (народа), вторая — элемента мѣстнаго, территоріальнаго (мѣста народнои осѣдлости). Организаціи третьяго элемента — *связующаго, привязующаго* (верховой государственной власти) составляетъ культурную задачу новаго политическаго дѣятеля — *юсударства*, представляющаго высшую форму быта, какой только достигали цивилизованные народы. Государство застаетъ народъ организованнымъ на отдѣльныя самобытныя группы территорі-

альныхъ, осѣдлыхъ союзовъ — общинъ, земель и волостей. Государственная дѣятельность направляется на укорененіе въ народномъ сознаніи и въ самомъ бытѣ этихъ группъ элемента связующаго, путемъ выспенія принципа обще-національнаго и общечеловѣческаго. Дѣйстви въ этомъ направленіи, государство является органическою силою всего человѣчества и политически организуетъ самобытныя народности по всему земному территорію. Государственная культура не можетъ, какъ въ общинѣ, исчерпываться сепаратными, національными интересами; она имѣетъ своею конечною цѣлью — развитіе и укорененіе въ отдѣльныхъ народностяхъ общечеловѣческаго типа, — укорененіе на всемъ земномъ территоріи и у всѣхъ народовъ основныхъ началъ человѣческой цивилизаціи и общаго правоваго порядка. Какъ политическій организмъ, государство условливается существованіемъ въ народѣ вполне мотивированнаго сознанія идеи государственнаго единства и общаго правомѣрнаго порядка, ради достиженія высшихъ задачъ и потребностей человѣческой культуры, сознанныхъ и усвоенныхъ народами въ свою плоть и кровь. Государственное сознаніе народа формулируется путемъ организаціи единой государственной власти — представителя не волостнаго наряда общины, но общаго правомѣрнаго наряда цѣлаго государственнаго народа, въ формѣ ли личнаго представительства (монархія), или представительства коллективнаго (республика). Политическое народнаго развивается параллельно съ усвоеніемъ имъ государственной идеи, путемъ постепеннаго объединенія прежнихъ самобытныхъ частей въ одно политическое тѣло, въ одну политическую народность, сознающую себя личностію государственною. Въ этомъ отношеніи государство продолжаетъ колонизаціонный нарядъ старой общины; только нарядъ государства шире и по задачѣ, и по кругу дѣятельности: онъ не ограничивается тою или другою частью территоріи или народности, племени, но обнимаетъ одинаково все населеніе, всю государственную націю. Нарядъ государства преслѣдуетъ не одни мѣстные интересы, но и интересы и задачи общенаціональные и общечеловѣческіе, не ограничиваетъ личность и общество узкими рамками волостными, но открываетъ имъ широкую дорогу общечеловѣческаго развитія и культуры. Подъ вліяніемъ государства измѣняется самое понятіе народности. Она перестаетъ опредѣляться идеалами сепаратными — племенными и волостными, какъ было въ родѣ и общинѣ. Въ составъ народности, какъ государственной единицы, можетъ входить одна или нѣсколько частей другихъ территоріальныхъ

народностей, живших дотолѣ отдѣльною жизнію. Государство ассимилируетъ всѣ эти народныя части въ одинъ политическій организмъ. Государственная народность (нація) имѣетъ одинъ общій критерій—начала и идеалы общечеловѣческой цивилизаціи и культуры. Народность, сознавшая свою государственную роль, стремится выйдти изъ узкаго кругозора мѣстныхъ и областныхъ инстинктовъ, стремлений и интересовъ. Она претворяетъ общечеловѣческіе идеалы и порядки въ свои собственные идеалы, воспитывается въ нихъ, развивается на этой широкой почвѣ свою національную культуру. Характеръ народности, какъ личности государственной, высказывается не въ силѣ или слабости сепаратныхъ, областныхъ началъ, не въ военно-политическомъ и территориальномъ могуществѣ (какъ старыя роды и общины), но опредѣляется мѣрою дѣятельнаго и самостоятельнаго участія народа въ общемъ культурно - историческомъ движеніи человечества.

Таково значеніе государства, какъ органической силы человечества. Первоначально въ государствѣ еще проглядываетъ старая община, волость. Государственный строй складывается вполнѣ только послѣ долгой внутренней организаціи и государственнаго воспитанія народа. Большинство современныхъ государствъ еще слишкомъ національно, слишкомъ напоминаетъ территориальную общину, чѣмъ государство въ истинномъ смыслѣ этого слова. Къ остаткамъ отъ общиннаго быта несомнѣнно принадлежатъ господствующіе въ пѣкоторыхъ государствахъ сильныя инстинкты сепаратныя, волостныя, характеризующіе вообще народный бытъ общинной культуры. Сильная разнь, существующая въ современной международной практикѣ; шаткія основы международнаго права, получившаго самостоятельное значеніе только на этой послѣдней ступени политическаго быта; недостаточное сознание въ большинствѣ государствъ отношеніе ихъ къ дѣлу народнои цивилизаціи; антагонизмъ, внутренній разладъ въ устройствѣ почти всѣхъ современныхъ государствъ, — всѣ эти явленія служатъ несомнѣнными признаками того, что государство, въ теперешнемъ его видѣ, далеко не достигло полнаго своего развитія, скорѣе тянется къ старой волости, общинѣ, чѣмъ высматриваетъ государствомъ, какъ органическою силой человечества.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній объ органическомъ значеніи рода, общины и государства, чтобъ окончателно высказать нашу мысль.

Не всѣ народы одинаково прошли всѣ ступени политическихъ

формацій, да и тѣ, которые проходили ихъ, развивали ихъ не одинаковымъ образомъ. Самое нормальное политическое развитіе оказали народы романо-германскіе и славянскіе. У нихъ правильно и послѣдовательно развились политическія формы быта—родовая, общинно-волостная и государственная, хотя и у нихъ историческое значеніе имѣли, главнымъ образомъ, послѣднія двѣ формации. У Славянъ и отчасти у Германцевъ родовой бытъ развитъ еще въ доисторическое время и тогда же реорганизовался въ бытъ общинный; на глазахъ исторіи замѣчались лишь одни остатки отъ первичнаго порядка (у Германцевъ больше, у Славянъ меньше). Нѣкоторыя Славянскія племена, юзпши по преимуществу, доселѣ стоятъ на общинной ступени развитія, но не столько по національной неспособности къ усвоенію высшихъ общественныхъ формъ жизни, сколько въ силу вѣшняго гнета, задержавшаго дальнѣйшее развитіе этихъ племенъ. Другіе народы и племена, по видимому, окончательно остановились на низшихъ ступеняхъ развитія, родовыхъ или общинныхъ, и собственными силами не могутъ достигнуть государственной культуры. Таковы въ настоящее время роды и общины дикарей, какъ и родовыя и общинныя „государства“ всѣхъ восточныхъ народовъ. Они застыли на одной ступени развитія, представляютъ собой то же, что окаменѣлости въ физической природѣ. Застывшія общественныя формы принадлежатъ къ политической патологіи. Вѣковыя, болѣзненныя осложненія и паросты не даютъ возможности ставить эти формы въ параллель съ родами, общинами и государствами, органически возникавшими у народовъ Арійскихъ, съ ихъ широкимъ, историческимъ развитіемъ.

Слѣдуетъ также замѣтить, что родовыя, общинныя и государственныя формы, при органическомъ ихъ развитіи, никогда не смѣшиваются одна съ другою. Нѣтъ и не можетъ быть ни общиннаго или государственнаго рода, ни родовой или государственной общины, а тѣмъ менѣе — родоваго или общиннаго государства. Родовыя отношенія, на дальнѣйшихъ ступеняхъ политической культуры, вовсе утрачиваютъ старый характеръ и значеніе; въ эпоху общинную или государственную родъ остается при одномъ естественномъ своемъ значеніи, безъ прежней политической организаціи. То же нужно сказать и объ общинѣ: политическая ея роль не мыслима въ государствennomъ бытѣ; она остается лишь при одномъ административномъ, хозяйственномъ или просто географическомъ значеніи. Закопъ строгой преемственности и исключительности въ развитіи политическихъ организацій всегда нужно имѣть въ виду при всякихъ историческихъ из-

слѣдованіяхъ, прежде всего, конечно, ради избѣжанія путаницы и сбивчивости въ понятіяхъ. Нужно, наконецъ, условиться въ самыхъ терминахъ. Организациі родовая, общинная и государственная могутъ быть названы политическими, общественными или культурными формами народной жизни. Понятія же — „государство“ и „государственный“ приурочиваются только къ третьей, высшей формѣ политическаго быта.

Заключимъ указаніемъ на возможность скачковъ, или лучше сказать, быстрыхъ переходовъ одной политической формы въ другую. Такимъ образомъ, часть народности, жившей долгою государственною жизнію, можетъ отдѣлиться въ самостоятельное государство, если она обладаетъ для того достаточною силой. Возможна также колонизація части государственнаго населенія на новой территоріи. Такъ образовались новыя государства въ Америкѣ; они начали политической бытъ не съ родовой, а съ общинной ступени, и быстро затѣмъ перешли въ бытъ чисто государственный. Возможно подчиненіе кочеваго племени государственнымъ формамъ быта, безъ самостоятельной общинной культуры, путемъ ли завоеванія племени другимъ государствомъ (оно собственно силою укореняетъ въ немъ общинную, осѣдлую организацію), или путемъ добровольной колонизаціи племени на территоріи существующаго государства. Въ обоихъ случаяхъ общинная и государственная формаціи сливаются, или лучше сказать, быстро слѣдуютъ одна за другою.

О. Леоптовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ (Продолженіе).

Правительственныя распоряженія.

Успѣхи психологій за послѣднее время !. М. Владиславлева.

Древнія русскія сказанія въ лѣтописяхъ. И. Хруцова.

Задружно - общинный характеръ политическаго быта древней Россіи (Окончаніе). Ф. И. Леоптовича.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Изслѣдованіе Н. П. Барсова, бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго, университета. В. 1873. . . . . Л. Майкова.

Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приемовъ мышленія и историческіе очерки: Логикѣ Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной. М. Владиславлева. Спб. 1872 г. . . . . А. Свѣтлина.

Италіанскіе университеты (Продолженіе). . . А. Ф. Кистяковскаго.

Берлинская статистическая семинарія. . . . П. Пудовикова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія, б) гимназій.

О командировкѣ В. В. Вогишича въ Черногорію.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЗАДРУЖНО-ОБЩИННЫЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО БЫТА ДРЕВНЕЙ РОССІИ ¹⁾.

III.

Изложивъ общія замѣчанія о развитіи политическаго быта народовъ, мы считаемъ возможнымъ приступить къ ближайшему разсмотрѣнію господствующихъ въ наукѣ русской исторіи политическихъ теорій. Начнемъ съ государственной теоріи, къ послѣдователямъ которой принадлежатъ всѣ старыя исторіи (до г. Соловьева) и нѣкоторые изъ новѣйшихъ (въ особенности г. Самоквасовъ).

а) *Государственная теорія.* Формула этой теоріи слѣдующая: Славяне, сознавшіе необходимость „основанія государства“, призвали въ половинѣ IX столѣтія князей, которые затѣмъ приняли надъ ними верховную власть, какъ государи надъ своими подданными, за исключеніемъ сѣверныхъ областей — Новгорода и Пскова, гдѣ развился другой порядокъ — народоправство, съ верховною властію народа или вѣча.

Прежде всего замѣтимъ, что призваніе князей „княжить и владѣть“ еще не означало призванія принять верховную власть, управлять въ смыслѣ государственномъ. Путемъ призванія князей, безъ другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ условій, не создается еще государственная власть, не основывается государство. У Славянъ, насколько запомнить исторія, были постоянно въ общинахъ парядники, постоянно призывались старшины, владыки, жупаны и князья, которые также „владѣли“, княжили, вели парядъ „по праву“. Даже больше: княжили и владѣли вожди кочевыхъ родовъ и племенъ; но едва ли можно сказать, что они княжили во имя высшей государственной идеи. Не нужно забывать, что фактъ призванія парядни-

---

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за іюнь и іюль 1874 года.

ковъ, самъ по себѣ, безъ другихъ условій, еще не много значить. Исторія перѣдко представляетъ примѣры того, что государства создаются иногда безъ всякаго призванія князей, когда есть на лицо другія обстоятельства, понуждающія народъ силою вещей къ созданію государственнаго быта. Съ другой стороны, не смотря на постоянныя призывы княжить, тѣмъ не менѣе не возникаетъ государство; народъ продолжаетъ жить по старому, дробясь на автономическіе союзы, безъ всякаго сознанія необходимости въ государственномъ единствѣ. Нельзя считать исторически вѣрнымъ мысль о томъ, что, призывая князей, Славяне „отказались отъ всѣхъ притязаній на управленіе, предпочли безопасное подданство опасной свободѣ“ (Эверса Предварит. критич. изслѣдованія, 51). Исторія, напротивъ, ясно свидѣтельствуетъ, что Славяне вовсе не думали отказываться отъ своего внутренняго наряда и „опасной свободы“. Борьба изъ-за вольностей и пошлинъ наполняетъ всю нашу исторію вплоть до Московской эпохи, когда эта борьба въ корнѣ ослабила старую „волю“ общинъ, и когда поэтому пачала дѣйствительно крѣпнуть въ народномъ сознаніи мысль о государственномъ единствѣ, а съ нею и мысль объ „основаніи“ государства. Въ виду этого, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что Славянамъ не было никакой надобности призывать князей для внутренней управы и наряда, такъ какъ въ этомъ отношеніи на Руси были собственные посредники, изстари существовалъ прочный и сильный нарядъ, устройство, власть и управа, не нуждавшаяся въ помощи сторонняго посредника (Лесикова: Общинный бытъ,—въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. т. ХСІ, стр. 148 и слѣд.). Въ князьяхъ, дѣйствительно, нуждалась; но эта потребность вовсе не имѣла государственнаго характера, коренилась вообще въ условіяхъ стараго общиннаго быта.

Историки Карамзинской эпохи видятъ въ первыхъ же Рюриковичахъ „государей, монарховъ“, съ верховною властію надъ подданными,—возрѣніе, котораго, какъ мы видѣли, держатся и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ. Страшная политическая сила и неограниченная власть князей видна, по словамъ г. Самоквасова, во всѣхъ дѣйствіяхъ Олега, Игоря и другихъ властелиновъ, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ народа, какъ полные политическіе самовласты относительно своего земства: „Обладатель множества народовъ, Олегъ, самовластно распоряжается и внутри своихъ владѣній: назначаетъ въ города своихъ мужей-посадниковъ, устанавливаетъ дани, заключаетъ договоры съ сосѣдними государствами, надъ однимъ изъ

городовъ произносить свое повелительное: „се буди мати градомъ русскимъ“. Это ли не сильный князь? Возьмите послѣдующихъ князей: Владимира святаго и Ярослава I. Одинъ задумалъ перемѣнить государственную религію, другой — формулировать обычныя формы права въ положительный законъ, и „бысть тако“ (см. *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* т. CXLVI, стр. 100). Дѣло въ томъ, что страшная политическая сила князей, сама по себѣ, еще не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія князей, какъ государей, представителей „государственной“ власти. Политическимъ могуществомъ и силою, съ строгимъ военно-деспотическимъ характеромъ, владѣли и родовые вожди кочевниковъ; дикія орды связывались по преимуществу страшною политическою силою ихъ предводителей. Самая необузданность грубой, матеріальной силы, не умѣряемой никакимъ нравственнымъ началомъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія въ ней государственнаго элемента. Нужно знать, что въ условіяхъ стараго общиннаго быта заключались всевозможныя проявленія силы и власти общиннаго паряда. Еще у древнихъ Славянъ князь, который былъ „любъ“ землѣ, жилъ съ нею въ „одиночествѣ“, дѣйствительно пользовался неограниченною властію (см. *Вестужева-Рюмина*: Русск. Ист. I, 49); но эта власть была проявленіемъ политической силы и могущества не князя лично, а земли, которая его поддерживала и придавала ему, какъ своему вождю, страшную политическую силу и значеніе. Такъ пужно смотрѣть и на дѣйствія такихъ князей-властелиновъ, какъ Олегъ „вѣщій“, Владиміръ „красное солнышко“ или Мономахъ „добрый страдалецъ за Русскую землю“. Безъ поддержки и единенія съ землей, князь въ старое время ничего не значилъ, былъ такимъ же „изгоемъ“, какъ и всякій членъ общины, лишившійся ея довѣрія, изгнанный ею изъ своей среды. Изгойство князей нѣсколько не мирится со взглядомъ на нихъ, какъ на представителей верховной власти. Кромѣ политической силы князей, историки обращаютъ вниманіе также на другую сторону вопроса, на молчаніе лѣтописей о вѣчахъ въ Кіевѣ и другихъ южно-русскихъ земляхъ, и отсюда заключаютъ о томъ, что здѣсь вовсе не былъ развитъ вѣчевой бытъ. Но, по справедливому замѣчанію г. Костомарова (Начало единодерж. 21), лѣтописи, говоря по преимуществу о вѣщнихъ событіяхъ, выходившихъ изъ уровня обыденной жизни, не считали пужнымъ замѣчать такихъ незанимательныхъ для нихъ, простыхъ явленій, какъ сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Древнѣйшая Русская Правда также скупа на извѣстія о вѣчахъ, какъ и

о другихъ предметахъ, напримѣръ, хотъ о наследованіи; но историкъ-юристъ не считаетъ себя вправе заключать отсюда, что и въ жизни вовсе не было наследственнаго права,—онъ ищетъ его въ обычномъ правѣ. Тамъ же слѣдуетъ искать и почву вѣчеваго быта древнихъ русскихъ земель.

Утверждаютъ, что верховная власть могла принадлежать самому народу или же просто вѣчу, составившему „единую и государственную власть въ формѣ демократіи, народоправства“. Дѣйствительно, современники говорили о Новгородѣ: „кто противъ Бога и Великаго Новгорода“; сила и могущество его поражали умы; независимость и свободолюбіе всосались въ плоть и кровь Новгородца. Но опять-таки пужно сказать, что сама свобода, безъ другихъ условій (при которыхъ только она и можетъ имѣть не одинъ политическій, но и строго государственный характеръ), еще не составляетъ критерія государственнаго порядка. Свободолюбіе Новгородца XIII—XV вѣковъ граничитъ съ свободолюбіемъ стараго общинника первыхъ историческихъ эпохъ, еще вовсе не имѣвшаго понятія о верховности земли или князей. Народоправство Новгородское было дѣйствительною политическою силой; но оно можетъ подлежать мѣрѣ не государственной, а лишь волостной, территоріальной. Оно опредѣлялось и вытекало не изъ государственнаго сознанія народа, а изъ могучихъ матеріальныхъ условій быта—богатства народа, его военной силы и пр. Возникавшее отсюда политическое сознаніе Новгородца-общинника не имѣетъ ничего общаго съ чисто-государственнымъ сознаніемъ современнаго Европейца. У перваго вся забота только о себѣ, о своемъ гостинствѣ, объ интересахъ гостя-ушкуйника да дружинника-болопизатора, думавшаго только о добываніи территоріи и объ умноженіи гостинства и дани, — у втораго все національныя богатства и силы направлены прежде всего на разширеніе челоѣческой культуры и цивилизаціи.

Дѣло въ томъ, что ни старые князья, ни самыя волости и земли, не сознавали государственной идеи, не имѣли мотивированнаго сознанія ни о государственномъ единствѣ народа, ни о верховномъ, правительственномъ назначеніи князя или вѣча, какъ представителей государственнаго порядка. Власть ихъ существовала и сознавалась не въ принципѣ, а въ практикѣ; безъ власти, народа немисливо вѣдь никакое общезитіе людей. Не было сознанія о свойствахъ власти; она принадлежала князю или вѣчу не въ силу сувереннаго права, создаемаго лично (монархія) или коллективно (республика), но просто

потому, что кто-нибудь да долженъ вести нарядъ, не выходя только изъ сферы обычаевъ предковъ, установившихся съ незапамятныхъ временъ. Государственное сознание было совершенно немислимо у Русскихъ Славянъ эпохи Рюриковичей, какъ ихъ рисуютъ лѣтописи и другіе несомнѣнные историческіе источники. Предъ Византійскимъ императоромъ, окруженнымъ всѣми атрибутами верховной власти, былъ почти ничто Святославъ, Русскій князь, суровый дружинникъ-колопизаторъ, привыкшій проводить ночи подъ открытымъ небомъ, на конскомъ потникѣ, да ходить „въ путь“ для сбора дани и добычи. Предъ этимъ княземъ Греки могли смиряться, по такъ, какъ смирились предъ всякою несобузданною силой природы.

Были, правда, вліянія, которыя могли внести въ жизнь новыя пожитіи и воззрѣнія на князей съ высшимъ правительственнымъ характеромъ, развивать въ сознаніи народномъ понятіе о безусловномъ подданствѣ княжеской власти. Мы говоримъ о вліяніи христіанской вѣры и церкви, организовавшейся у насъ по типамъ византійскимъ и служившей, такъ-сказать, моделью и для политической организаціи. Но вліяніе церкви имѣло болѣе теоретическій характеръ и мало прививалось къ народной жизни. Церковь сама, какъ элементъ, внѣшно привзошедшій въ составъ древняго русскаго общества, должна была долго бороться за собственное существованіе; ей долго нельзя было думать о „господствѣ“ надъ умами и обществомъ. Монгольскій погромъ впервые оторвалъ народъ отъ земли, заставилъ его искать спасенія въ иномъ порядкѣ, и онъ обратился прежде всего къ помощи церкви. Съ этихъ поръ собственно начинается болѣе дѣятельное, политическое и нравственное вліяніе церкви и духовенства на народный бытъ.

Государственнаго сознанія не могли привить къ народной жизни и варяжскіе князья съ дружиной. Пришли ли они изъ Скандинавіи, или изъ Литвы, или отъ западныхъ Славянъ, — ни тамъ, ни здѣсь народъ не жилъ еще въ государствennomъ быту; бытъ Варяговъ былъ тотъ же, что и Славянъ. Да еслибы Варяги были дѣйствительно государственнымъ народомъ, то все-таки это мало пособило бы дѣлу, — государство можетъ колонизоваться сразу, но только не незначительнымъ родомъ или дружиной, а цѣлымъ народомъ, сознавшимъ потребность въ государственныхъ формахъ жизни.

Государственное сознание явилось въ Русскомъ народѣ не раньше конца княжеской эпохи, когда упрочилось вліяніе на народъ со стороны церкви, и когда общинно-волостной строй жизни былъ расша-

тань отчасти князьями, осѣвшими по волостямъ, отчасти Монгольскимъ погромомъ. Въ жизни Русскаго народа погромъ этотъ былъ своего рода *coup d'état*: онъ заставилъ сплотиться народъ, раздробленный дотолѣ на мелкія, самобытныя части, заставилъ его подумать о своемъ дальнѣйшемъ существованіи, воспиталъ мысль народную о необходимости государственнаго единства и могущества—не волостнаго, дробнаго, частичнаго, но могущества обще-національнаго.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что политическій бытъ древней Россіи начался не съ государства, какъ полагалъ Карамзинъ и его современники, но, какъ и у другихъ народовъ — съ родовой или общинной формы жизни. Въ пользу рѣшенія вопроса въ смыслѣ первой проблемы говоритъ теорія г. Соловьева; въ пользу второй — теорія славянофиловъ и большинства новѣйшихъ изслѣдователей, въ особенности гг. Костомарова, Градовскаго и Вестужева-Рюмина. Постараемся показать, на чьей сторонѣ больше правды, на сторонѣ ли родовой, или общинной теоріи.

б) *Родовая теорія*. Г. Соловьеву и его послѣдователямъ принадлежитъ заслуга перваго внесенія въ русскую историческую науку, если не органической теоріи, то органическаго метода. Г. Соловьевъ дѣйствительно открылъ первичную общественную клѣточку, изъ которой развилась и окрѣпла еще въ доисторическое время общественность Русскаго народа. Онъ и его послѣдователи старались выяснитъ подмѣченное ими начало во всѣхъ его проявленіяхъ, опредѣлить общій характеръ и значеніе открытой ими общественной клѣточки, моменты ея развитія и перерожденія въ другой, высшій организмъ. Въ этомъ отношеніи теорія г. Соловьева имѣетъ видъ довольно логически построенной научной системы, чѣмъ объясняется ея вліяніе и значеніе въ нашей исторической литературѣ. Но мало открыть закопъ; нужно еще его доказать, какъ непреложную аксіому. Родовая теорія, какъ всякая школа, опирающаяся на реальное явленіе, но не усвоившая себѣ достаточно-строгую теоретическую и историческую почву, упорно отстаиваетъ свое положеніе, не смотря ни на какіе доводы и опроверженія противниковъ. Вся бѣда въ томъ, что школа эта на первыхъ порахъ не подмѣтила, что родовая клѣточка и основавшая на ней общественная организація въ жизни Русскаго народа вполнѣ завершила свой кругъ, реорганизовалась въ иную клѣточку, съ другою, болѣе сложною организаціей, еще въ темную эпоху доисторическихъ временъ. На глазахъ исторіи, и то лишь на первыхъ порахъ, задержались едва замѣтные слѣды и остатки (похищеніе и сожженіе жель, патро-

нимическія имена и пр.) отъ старой родовой организаціи, въ видѣ окаменѣлостей, потерявшихъ всякую органическую связь съ народнымъ бытомъ. Новые, историческія формы быта школа г. Соловьева безразлично смѣшиваетъ съ такими доисторическими окаменѣлостями, съ дезорганизованными остатками отъ стараго родового порядка и не замѣчаетъ между ними глубокой пропасти, которую не въ силахъ наполнить и сгладить никакія усилія послѣдователей родовой теоріи.

Идея кровнаго (племеннаго, родового) единства—основное начало родового быта—исключительно господствуетъ, какъ мы видѣли, только у племенъ неосѣдлыхъ—у кочевниковъ, вѣдущихъ стадную, боевую жизнь въ формѣ бродячихъ, военныхъ дружинъ и цѣлыхъ ордъ. Такъ ли было у Славянъ въ историческое время, то-есть, явились ли они на сцену исторіи въ видѣ военно-кочевыхъ ордъ, и слѣдовательно, съ родовымъ типомъ всей ихъ общественной жизни?

Кочеваніе населенія, въ тѣхъ его видахъ и формахъ, въ какихъ оно являлось въ родовую эпоху, вовсе не имѣло мѣста въ историческомъ быту Славянъ. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ, Славяне стали раньше Германцевъ заниматься земледѣліемъ на нынѣшнихъ ихъ осѣдлостяхъ. Уже во время Геродота нѣкоторые Скиѣскіе племена, въ которыхъ видятъ предковъ Славянъ, знакомы были съ земледѣліемъ и даже съ городскимъ бытомъ; какъ кочевники, Славяне никогда не являлись въ исторіи. Точно также, по свидѣтельству историковъ, жизнь Славянъ никогда не отличалась воинственнымъ характеромъ,—обстоятельство, которое прямо указываетъ на то, что если Славяне и жили когда-то въ родовомъ быту, то тѣмъ не менѣе родовое сознаніе не могло у нихъ долго удерживаться, и слѣдовательно, не могло сдѣлаться прочною основою политической организаціи народнаго быта. Вина родовой теоріи состоитъ въ томъ, что она, съ одной стороны, не принимаетъ въ соображеніе военно-кочеваго устройства старыхъ родовъ, и потому, не вѣрно опредѣляетъ сущность и формы родового быта; а съ другой, не придаетъ никакого значенія осѣдлому, мирному характеру Славянъ въ историческое время и тѣмъ условіямъ ихъ быта, подъ вліяніемъ которыхъ развились у нихъ общественыя формы, не имѣющія ничего общаго съ родовыми порядками первичной эпохи.

Исторія застаётъ Славянъ въ пору полного развитія колонизаціоннаго движенія. Общины семейныя и территоріальныя—верви, задруги, села, грады, цѣлыя земли, волости и жуны, образовались у Славянъ еще въ доисторическую пору. Историческимъ народомъ они

являются уже на вторичной, общинной ступени культуры. На глазахъ исторіи они не кочуютъ ради военной добычи, хищничества. Историческій типъ Славянина—по преимуществу типъ мирнаго хлѣбопашца-колонизатора, уже освоившаго спокойное мѣсто осѣдлости. Колонизаціонное движеніе, начавшееся еще за предѣлами исторіи является на ея глазахъ фактомъ совершившимся, развивается затѣмъ дальше, сообразно съ мѣстными условіями жизни каждаго отдѣльнаго народца и племени. Послѣднія пріобрѣли уже территоріальную физономію, даже чисто мѣстные имена—Полянъ, Древянъ и пр. Колонизація движется быстрѣе или медленнѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ; отсюда и различія въ самомъ быту народцевъ, напримеръ, Полянъ, колонизовавшихъ болѣе прочнымъ образомъ, усвоившихъ „кроткіе и тихіе нравы“, и Древянъ, Радимичей и другихъ лѣсныхъ народцевъ, жившихъ, по выраженію Нестора, „звѣринымъ образомъ, свотьски, въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь“. Это уже не стадное кочеваніе родовъ и ордъ, по болѣе или менѣе прочнымъ ступени колонизаціонной дѣятельности народа. Вездѣ являются поселенія сельскія и городскія, стягивающіяся въ обширныя территоріальныя общины—волости, земли и пр. Словомъ, Славяне на первыхъ же историческихъ порахъ являются уже съ тѣми общественными формами, съ какими застааетъ ихъ позже, спустя нѣсколько вѣковъ, эпоха перехода въ государственный бытъ. Во времена Рюриковичей эти формы только окончательно выяснились, пріобрѣли законченный политическій характеръ. Весь этотъ рядъ крупныхъ фактовъ идетъ положительно въ разрѣзъ съ родовой теоріей, которая или вовсе игнорируетъ ихъ, или даетъ имъ произвольныя, натянутыя объясненія, нисколько не оправдываемыя дѣйствительнымъ смысломъ историческихъ явленій. Не уяснивъ сущности родоваго быта по типу военно-кочевому, родовая теорія пришла къ мысли о возможности родовъ осѣдлыхъ, такъ сказать, цивилизованныхъ, искусственныхъ, построенныхъ на различныхъ фиктивныхъ понятіяхъ и представленіяхъ, — даже къ мысли о родовомъ государствѣ или общинѣ, о борьбѣ между родовымъ и государственнымъ началами и пр.

Родовая теорія повинна также въ другой ошибкѣ, мѣшавшей ей составить болѣе вѣрный и правильный взглядъ на все дѣло. Ее справедливо упрекаютъ въ томъ, что она смѣшиваетъ два различныя понятія — родъ и семью, и потому, впадая въ постоянныя противорѣчія, не ясно представляетъ сущность родоваго быта. Семья и семейныя отношенія не одно и то же, что — родъ и родовыя отношенія.

У кочевниковъ собственно есть родъ, по нѣтъ семьи. Она впервые возникаетъ лишь въ эпоху общинной жизни. Справедливо говорятъ, что юридическій характеръ семьи славянской не подходитъ подъ строгое понятіе родового быта. Неограниченная власть главы рода надъ всѣми лицами, находящимися въ его власти, вовсе не извѣстна семейному быту Славянъ; у нихъ семья, на сколько запомнить исторія, всегда признавала равноправіе за взрослыми своими членами. Славянская задруга — не старый родъ; между ними нѣтъ ничего общаго, ни по составу, ни по организаціи власти, ни по отношеніямъ между членами союза.

Самое понятіе „родъ“ имѣло въ дѣйствительности не то значеніе, какое даетъ ему родовая теорія. Какъ уже доказано другими историками (К. Аксаковымъ, г. Сергѣевичемъ и др.), родъ означалъ обыкновенную семью или семейную общину, задругу. Въ Малороссіи простолюдинъ доселѣ говоритъ о своей семьѣ: „се мій рядъ“. Подобное же значеніе замѣчается въ словѣ „двоюродный“. Въ источникахъ родъ употребляется иногда въ значеніи народа, родныхъ, вообще происхожденія; иногда же общественнаго разряда, сословія (по сербскимъ грамотамъ стараго времени). Въ историческое время, какъ справедливо замѣчаютъ, у насъ вовсе не было рода, какъ юридическаго учрежденія, съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ. Родъ оставался у насъ, въ теченіе всей княжеской эпохи, при одномъ естественномъ значеніи, безъ всякой юридической, а еще менѣе политической организаціи. То же самое явленіе замѣчаемъ въ древнемъ правѣ другихъ славянскихъ народовъ.

Указываютъ, наконецъ, на родовыя начала, будто бы господствовавшія въ сферѣ междукняжескихъ отношеній и въ организаціи служилыхъ чиновъ (мѣстничество), какъ на особенно рѣзкіе факты, доказывающіе присутствіе родовыхъ началъ вообще въ народномъ быту древней Россіи. Но мы увидимъ, что значеніе старѣйшинства, опредѣлившаго отношенія княжескія и мѣстническія, объясняется гораздо проще и правдоподобнѣе—вліяніемъ началъ задружнаго быта, лежавшихъ въ основѣ какъ колонизаціонной іерархіи общинъ, такъ и іерархическихъ отношеній въ родахъ княжескихъ и боярскихъ, служилыхъ. Въ послѣднихъ задружное старѣйшинство особенно долго удерживалось; позже изъ него развилась искусственная „родовая“ система, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ установившагося въ Московскую эпоху возрѣнія о наслѣдственности, безсмѣнности служебныхъ обязанностей чиновныхъ „родовъ“.

Наука русской или славянской исторіи не можетъ рѣшить вопроса о томъ, — развился ли вполне родовой бытъ у доисторическихъ Славянъ, съ какими именно формами и подробностями, или онъ остановился въ зачаточномъ видѣ. Съ доисторическою эпохой историческая наука, естественно, не можетъ имѣть никакого дѣла; безъ достовѣрныхъ, историческихъ данныхъ, наука превратилась бы въ рядъ выводовъ болѣе или менѣе вѣролѣпныхъ, но все-таки лишешныхъ всякой исторической достовѣрности. Почва науки—историческія явленія народной жизни, засвидѣтельствованныя лѣтописями и другими, вполне достовѣрными источниками. Остатки родоваго быта (умычка и пр.), замѣчаемые на первыхъ порахъ русской исторіи, имѣютъ значеніе доисторическихъ окаменѣлостей, потерявшихъ всякую органическую связь съ историческимъ бытомъ народа. На основаніи такихъ окаменѣлостей нельзя реставрировать физиологію родоваго быта; онѣ, подобно геологическимъ окаменѣлостямъ, даютъ возможность, и то лишь въ общихъ чертахъ, опредѣлить нѣкоторыя явленія анатоміи рода, нѣкоторыя части его скелета, но и только; каковы были жизненные, внутреннія отправления этого скелета, — на этотъ вопросъ не даютъ никакого отвѣта сохранившіяся соціальныя окаменѣлости. Отсюда понятно, что какъ физиологія имѣетъ дѣло только съ живыми организмами, отводя изученіе физическихъ окаменѣлостей въ область геологіи, такъ и исторія (соціальная физиологія) должна и можетъ имѣти своимъ предметомъ анализъ лишь органическихъ явленій вполне достовѣрной, исторической жизни даннаго народа. Доисторическій бытъ, со всѣми его соціальными окаменѣлостями, открываемыми въ разновременныхъ наслоеніяхъ и формаціяхъ исторической жизни, входитъ въ область археологіи. Дѣло археолога изслѣдовать окаменѣлости и остатки доисторическаго родоваго быта; историкъ только принимаетъ въ соображенію выводы археологіи. Туда же, въ область археологіи, должна быть отнесена и пресловутая теорія родоваго быта Славянъ. Она должна быть вычеркнута изъ исторической науки, какъ непужный, фальшивый литературный паростъ, такъ долго и сильно тормозившій правильное развитіе науки русской и славянской исторіи.

с) *Общинная теорія.* Славянофильская школа, впервые заговорившая у насъ о древне-русской общинѣ и залившая этимъ первый протестъ противъ родовой теоріи, не формулировала своего ученія въ стройную, логическую, и можно-сказать, философскую систему, какъ это сдѣлалъ г. Соловьевъ и его послѣдователи, теорія которыхъ пользовалась чуть ли не до настоящаго времени почти неограничен-

нымъ кредитомъ въ нашей литературѣ. Теорія общинная до послѣдняго времени возбуждала сомнѣнія въ важномъ научномъ значеніи ея, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что она долго оставалась не разработанною во всѣхъ ея частяхъ, не давала по многимъ вопросамъ точныхъ выводовъ, вполнѣ мотивированныхъ достаточною суммой достовѣрныхъ историческихъ данныхъ. Только благодаря талантливымъ изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ, въ особенности г. Костомарова, Градовскаго и Бестужева-Рюмина, вопросъ о древнерусской общинѣ и вообще о политическомъ бытѣ древней Россіи поставленъ теперь на настоящую историческую почву, — хотя, какъ сейчасъ увидимъ, выводы и положенія этихъ ученыхъ отличаются значительными недомолвками и неточностію и вообще нуждаются въ болѣе или менѣе важныхъ поправкахъ, дополненіяхъ и повѣркѣ ихъ съ историческими данными.

Прежде всего замѣтимъ, что славянофильская школа впадетъ въ такую же крайность, какъ и послѣдователи родовой теоріи. Если г. Соловьевъ и другіе доводили родовой бытъ до XIII и даже позднѣйшихъ вѣковъ, то славянофилы вовсе отрицали родовой бытъ въ жизни Русскаго народа, утверждали, что его искони не было у Русскихъ. Погрѣшность эта, впрочемъ, имѣетъ скорѣе археологическій, нежели историческій характеръ: остатки родоваго быта, сохранившіеся у насъ на первыхъ порахъ исторіи, имѣли, какъ уже замѣчено, значеніе доисторическихъ окаменѣлостей, остававшихся внѣ всякой органической связи съ историческимъ бытомъ народа. Въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей эта погрѣшность не встрѣчается; но за то вкралась новая, помѣшавшая имъ взглянуть на дѣло, какъ слѣдуетъ. Г. Градовскій и въ особенности г. Бестужевъ-Рюминъ, соглашаясь вообще съ мыслию о древнерусской общинѣ, полагаютъ однакоже, что развитіе политическаго быта древней Россіи зависѣло не отъ одного движущаго начала, но отъ взаимодѣйствія и борьбы нѣсколькихъ. Такимъ образомъ, отрицая родовыя отношенія въ народной жизни эпохи Рюриковичей, они допускаютъ, рядомъ съ началами народными (вѣчевыми), также особое, княжеское начало—родовое, проявившееся въ жизни политической, въ особенности въ организаціи княжеской власти и въ между княжескихъ отношеніяхъ. Между такими началами идетъ борьба, антагонизмъ, не умѣряемый никакимъ высшимъ, сдерживающимъ и примиряющимъ закономъ. Очевидно, здѣсь кроется явное недоразумѣніе; иначе мы въ правѣ думать, что жизнь, создавая антагонистическія начала, безъ всякаго примиренія ихъ въ высшемъ законѣ

и порядкѣ, не имѣла органическаго характера, представляла механическое сведеніе разныхъ силъ и двигателей, взаимно борющихся и уничтожающихъ одинъ другого. На дѣлѣ, конечно, ничего подобнаго не было. Дѣло въ томъ, что гг. Градовскій и Бестужевъ-Рюминъ не видѣли никакой возможности обойти и отвергнуть фактъ старѣйшинства, опредѣлявшаго, рядомъ съ другими факторами, порядокъ преемства князей и влиявшаго на взаимныя ихъ отношенія, и не находя другаго, болѣе подходящаго объясненія, усматривали въ этомъ фактѣ лишь проявленіе родоваго быта князей. Дѣйствительно, фактъ старѣйшинства князей слишкомъ рельефно обрисовывается въ лѣтописяхъ, чтобъ его можно было вычеркнуть изъ исторіи. Старѣйшинство — фактъ исторически вѣрный; но въ немъ проявлялось не какое-то особое, княжеское (родовое) начало, а общій, органическій законъ древнерусскаго быта, одинаково проявлявшійся въ такихъ фактахъ, какъ призваніе, рядъ и пр. Всѣ такія явленія объясняются не борьбою будто бы особаго быта князей съ бытомъ народнымъ, по общимъ строемъ тогдашней жизни, проникавшею во всѣхъ своихъ подробностяхъ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ началомъ задружно-общиннымъ. Замѣтимъ при этомъ, что г. Градовскій признаетъ въ самой организаціи общинъ присутствіе старѣйшинства и іерархическихъ отношеній—явленій, во многомъ сходныхъ съ княжескою іерархіей и старѣйшинствомъ. Обстоятельство это, по видимому, могло бы скорѣе наводить изслѣдователя на мысль о соответствіи обоихъ явленій и тождественности ихъ происхожденія изъ одного корня, чѣмъ побуждать его искать объясненія въ такомъ законѣ, который, по признанію самого изслѣдователя, давно уже потерялъ всякую силу и значеніе въ народной жизни.

Есть много другихъ вопросовъ, требующихъ тщательной повѣрки и разработки на новыхъ основаніяхъ. Таковъ, на примѣръ, вопросъ о развитіи общинной колонизаціи. Онъ поставленъ на научную почву г. Костомаровымъ и особенно г. Градовскимъ (мы не касаемся специальныхъ изслѣдованій, на примѣръ, Неволина о плитахъ и пр.); но и у нихъ предметъ не обнятъ со всѣхъ сторонъ. Особенно не выяснена, какъ слѣдуетъ, постепенность въ развитіи колонизаціонной организаціи общинъ. Обыкновенно начинаютъ ее съ общины территориальной, что положительно не вѣрно. Въ другомъ мѣстѣ мы указали на неправильность установившагося въ наукѣ понятія о значеніи древнерусской верви (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867, т. 134). Ни одинъ изъ историковъ не обращалъ вниманія на важное историческое зна-

ченіе семейной общины (верви), какъ органической клѣточки, изъ которой развился и осложнился весь общественный бытъ русскаго народа. Только у г. Бестужева-Рюмина находимъ первую серьезную попытку установить органическую связь между общинной семейною и территориальною. Ему принадлежитъ весьма счастливая мысль о томъ, что основой общественнаго развитія Славянъ послужила семейная община, и что территориальныя общины могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ (Рус. Ист. I, 41, 43). Эта мысль, совершенно новая въ наукѣ и весьма важная по вытекающимъ изъ нея выводамъ, высказана авторомъ, къ сожалѣнію, почти только мимоходомъ и не развита во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности по вопросу о вліяніи задружнаго быта на внутреннюю организацію территориальной общины.

Г. Костомарову принадлежитъ первая научная постановка вопроса о федеративности древней Руси. Дѣло въ томъ, что условія федеративности древне-русскихъ земель, на которыя указываетъ г. Костомаровъ, могли поддерживать въ народѣ только, такъ-сказать, теоретическую мысль о его единствѣ. Единство было не государственное, но географическое, этнографическое и религіозное. О федеративности цѣлаго народа въ смыслѣ политическомъ не могло быть рѣчи въ древней Россіи, какъ по недостатку органовъ, свойственныхъ федеративному строю и по отсутствію въ народѣ вообще государственнаго сознанія, такъ и по недостаточному развитію рѣзкихъ, типическихъ особенностей народныхъ частей—этнографическихъ, почвенныхъ, бытовыхъ и пр., — особенностей, главнымъ образомъ условливающихъ федеративный строй жизни. Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что г. Костомаровъ нисколько не измыслилъ факта федеративности. Онъ подмѣтилъ реальное явленіе, существовавшее въ дѣйствительной жизни; но только придалъ этому явленію широкіе размѣры и не надлежащій смыслъ. Если мысль о федеративности народа въ государственномъ значеніи не можетъ быть принята строгою наукой, то наука можетъ легко и скоро помириться на мысли о федеративности болѣе узкой, не общенациональной, но болѣе дробной, частичной—федеративности общинно-волостной, земельной, несомнѣнно имѣвшей мѣсто въ устройствѣ отдѣльныхъ территориальныхъ союзовъ. Отсутствіе государственнаго единства нисколько нельзя вмѣнать въ вину древней Руси, нельзя считать признакомъ неправильности, хаотическаго состоянія народнаго быта. Въ старое время просто не было надобности въ такомъ единствѣ; оно не требовалось, не сознавалось народомъ; народъ

еще не понималъ жизни, основанной на этомъ началѣ. Начало это, реализованное въ жизни при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было бы дѣйствительно неправильностію, произвело бы въ народной жизни болѣзненные, ненормальные явленія, которыя были бы нарушеніемъ живой „пошлины“, шли бы въ разрѣзъ со всѣмъ народнымъ бытомъ. Мысль о національномъ единствѣ, а съ нею и о государствѣ, явилась позже, путемъ вѣковаго развитія, воспитанія и укорененія въ народной жизни всѣхъ органическихъ элементовъ государственнаго быта.

Характеристика общипнаго устройства менѣе всего разработана и выяснена въ существующихъ теоріяхъ, между прочимъ, вслѣдствіе принятаго почти всѣми изслѣдователями метода — объяснить старыя общественные порядки, не столько по внутренней ихъ сущности, сколько по аналогіи съ позднѣйшими порядками „государственнаго устройства и управленія“. Таковы возрѣнія о политическомъ значеніи общины и объ отношеніи ея къ государству. Одни признають у насъ политическую, „самоуправную“ общину только до первыхъ Рюриковичей; другіе допускають болѣе продолжительный срокъ ея политической дѣятельности. Въ особенноти г. Градовскій спутываетъ вопросъ своимъ ученіемъ о характерѣ и сущности политической общины. Онъ утверждаетъ, что государство было въ каждой общинѣ, приурочивалось къ ней, по потомъ приходитъ къ другому выводу, что политическій бытъ древней Руси былъ зародышемъ государства, а не государствомъ. Прямой смыслъ перваго положенія тотъ, что древняя Россія была разбита на мелкія государства; но это положеніе совершенно уничтожается вторымъ выводомъ о существованіи однихъ зародышей государства. Такая же путаница и невѣрность возрѣній замѣчается въ ученіи о существѣ власти князя и объ отношеніи его къ общинѣ. Славянофилы полагали, что „самоуправная“ община, послѣ призванія князей, уступила господство государству, и что въ лицѣ князя является верховный государь Русской земли. Почти то же возрѣніе, хоть и въ иной формѣ, высказываетъ г. Градовскій, по мнѣнію котораго князь, въ принципѣ, являлся представителемъ воплощавшейся въ немъ государственной власти,—представителемъ, замѣнявшимъ собою политическую общину, игравшимъ роль особой, самостоятельной силы, бывшей въ постоянномъ антагонизмѣ и борьбѣ съ общиной. На совершенно иной почвѣ построено ученіе г. Костомарова. У него стоитъ на первомъ планѣ не князь, а сама земля—„государь“, съ „верховною“ властію; выраженіемъ власти земли было вѣче, а органомъ ея — князь, бывший только правителемъ, господи-

номъ, но не государемъ, а еще менѣе вотчинникомъ-собственникомъ земли. Оба воззрѣнія мы считаемъ одинаково крайними, поскольку не уясняющими сущность дѣла. Г. Костомаровъ совершенно вѣрно утверждаетъ, что земля удерживала политическій характеръ вплоть до Монгольской эпохи, и что, съ другой стороны, князь не былъ ни государь, ни вотчинникъ. Но нельзя никоимъ образомъ согласиться и съ его положительнымъ взглядомъ на землю, какъ на „государя“, обладавшаго всѣми существенными атрибутами „государственного“ устройства, то-есть, верховною властію, ея органами и пр. Община и государство, какъ мы уже старались доказать прежде, представляютъ двѣ совершенно различныя по своей сущности политическія формаціи, съ совершенно различными внутренними отправленіями и порядками; какъ несоизмѣримыя величины, ихъ нельзя ставить рядомъ, примѣрять одну къ другой; нельзя, поэтому, и искать въ общинѣ государство, верховную власть и другіе атрибуты, свойственные только одному государственному быту. При такой неточности основныхъ опредѣленій, естественно должны были явиться и другія неточности и неясности. Для насъ, напримѣръ, кажется не совсѣмъ понятнымъ различіе, какое видитъ г. Костомаровъ между вѣчемъ и княземъ, первое—какъ *выраженіемъ*, второй—какъ *органомъ* верховной власти земли. Быть органомъ власти—не значить ли то же, что и быть ея выраженіемъ, быть представителемъ или орудіемъ, посредствомъ котораго проявляется, „выражается“ власть въ ея практическомъ примѣненіи и дѣйствіи. Намъ кажется наиболѣе приближающимся къ истинѣ воззрѣніе г. Бестужева-Рюмина. Онъ видитъ въ вѣчѣхъ и князѣхъ власти, которыя существовали и дѣйствовали *параллельно* одна другой (князь—въ обыкновенныхъ случаяхъ, вѣче—въ особенно важныхъ). Дѣйствительно, параллельность, или еще лучше, единеніе и солидарность между властію князя и властію вѣча, какъ нельзя больше соотвѣтствовали съ общимъ строемъ древне-русскаго быта. На дѣлѣ, конечно, могло быть фактическое преобладаніе, перевѣсъ силы на той или другой сторонѣ; но это не уничтожало самаго принципа солидарности князя съ вѣчемъ,—принципа, въ силу котораго въ лицѣ князя не могло заключаться никакого противообщиннаго пачала. Въ силу такого принципа, князь не только не замѣнялъ собой общину но, напротивъ, всею своею дѣятельностію *помогалъ* ей, преслѣдовалъ по преимуществу тѣ же интересы, что и община. Въ этомъ вся суть призванія князей и всей дальнѣйшей ихъ дѣятельности вплоть до поры осѣданія ихъ по волостямъ, когда дѣйстви-

тельно обозначилась новая политика князей, поставившая ихъ въ столкновение и борьбу съ общинами.

Невѣрно ставится и рѣшается также вопросъ о причинахъ политической несостоятельности общинъ и возникшей отсюда необходимости въ призваніи князей. Обыкновенно полагають, что политическая несостоятельность общинъ началась, сама собою, въ эпоху предъ призваніемъ князей,—что, по мѣрѣ развитія общественности у Славянъ, должны были сглаживаться всѣ характеристическія черты общиннаго быта—внѣшняя рознь между союзами и внутренняя ихъ крѣпость, солидарность между членами каждаго союза въ отдѣльности. Выраженіемъ ослабленія внѣшней розни и обособленности союзовъ были: во первыхъ, развитіе торговыхъ сношеній и союзовъ и возникшее отсюда, съ одной стороны, сближеніе и знакомство съ чужеземцами, а съ другой—обогащеніе общинъ, усиливавшееся также данью съ другихъ племенъ и общинъ; во вторыхъ, физическое паростаніе союзовъ, влекшее за собою расширеніе границъ общинной колонизаціи и болѣе частыя и близкія связи общинъ; въ третьихъ, враждебныя столкновения общинъ между собою и въ особенности съ иноплеменниками. Тѣ же самыя причины и обстоятельства ослабляли внутреннюю крѣпость союзовъ. Разнородность элементовъ въ общинѣ есть уже признакъ внутренняго ея разложенія, а такая разнородность должна была явиться, какъ слѣдствіе мирныхъ и враждебныхъ столкновений, розни между богатымъ и бѣднымъ, чужимъ и своимъ, побѣжденнымъ и побѣдителемъ,—столкновениямъ, вписавшихъ въ общины элементы разложенія и внутренней ихъ несостоятельности. Отсюда непрочность связей, борьба партій и цѣлыхъ общинъ,—отсюда неспособность ихъ выработать изъ себя прочную политическую силу, политическое единство. Несостоятельность общинъ, въ силу изложенныхъ причинъ, обнаруживалась въ эпоху предъ призваніемъ князей. Объ этомъ-то времени разложенія общинъ, какъ полагають, и говоритъ Несторъ, описывая смуту и усобицу родовъ. Общинные союзы не допускали возвышенія однихъ своихъ частей надъ другими, не могли выработать изъ себя объединяющей силы,—государственный смыслъ Новгородцевъ и высказался въ рѣшеніи ихъ, по общей думѣ съ другими народцами (Кривичами и Чудью) — призвать къ себѣ князя извнѣ. Словомъ, историки стараются оправдать мысль о внутренней несостоятельности общинныхъ порядковъ предъ призваніемъ князей, положившимъ начало новому направленію общественной жизни сперва въ Новгородѣ, а потомъ и въ другихъ русскихъ земляхъ. Но всѣ исто-

рики, впрочемъ, такъ рѣзко ставятъ вопросъ о политической несостоятельности общинъ. Г. Градовскій допускаетъ, хотя и ограниченное, политическое значеніе общины и послѣ призванія князей, а по ученію г. Костомарова, земля была самобытнымъ „государемъ“ вплоть до Монгольской эпохи.

Есть много основаній полагать, что изложенныя соображенія мало оправдываются при ближайшей повѣркѣ ихъ на фактахъ, и что, слѣдовательно, не можетъ быть принята и главная мысль, основанная на невѣрныхъ соображеніяхъ и доводахъ.

Нельзя отвергать того факта, что Русскіе Славяне, на сколько запомнить исторія, вели обширныя торговыя сношенія. Уже въ IX вѣкѣ они заключали формальные договоры съ сосѣдями, особенно съ Византіей (см. *Морошкина*: Прибавл. къ соч. *Рейца* — Опытъ ист. Рос. госуд. и гражд. зак., 378; *Поюдина*: Исслѣд. I, 126). Обширною торговлей изстари славились Сѣверяне, Кривичи, Пльменскіе Славяне и др. Но торговыя сношенія и союзы, сами по себѣ, ни у насъ, ни у другихъ народовъ, не вели къ ослабленію и разложенію общинъ, хотя дѣйствительно и способствовали къ взаимному ихъ сближенію. Какъ показываетъ исторія другихъ славянскихъ и романо-германскихъ народовъ, многія общины достигали цвѣтущаго состоянія, политической силы и могущества прежде всего благодаря своему торговому развитію. Достаточно указать на исторію Ганзейскаго союза и вообще средневѣковыхъ городскихъ общинъ германскихъ и славянскихъ (напримѣръ, Дубровника и др.), чтобъ убѣдиться, что торговыя сношенія и союзы не только не вели къ разложенію общинъ, но наоборотъ — поддерживали и придавали имъ большую политическую крѣпость и устойчивость. Новгородъ такъ долго и упорно отстаивалъ свои вольности въ то время, какъ другія земли уже стали подчиняться новымъ порядкамъ, также благодаря своему богатству и вообще торговому развитію.

То же самое нужно сказать о физическомъ и территориальномъ паростаніи союзовъ. вмѣстѣ съ нимъ только расширялся кругъ общинной жизни; путемъ колонизаціи пароставшаго населенія, выдѣлявшася въ новыя общины и волости, возникали новые союзы, не измѣнявшіе, однакожь, обычнаго хода общинной жизни. Черезъ наростаніе населенія, территориальную колонизацію и происходившее чрезъ то сближеніе между ними могъ только измѣняться, такъ сказать, количественный ихъ составъ; но отъ этого еще ни мало не терпѣла самая суть общинной жизни.

Подобнымъ образомъ и враждебныя столкновенія общинъ могли только усложнять ихъ составъ, не больше. Въ силу общиннаго уровня, побѣдители и побѣжденные, по замиреніи, становились на одну доску, относились другъ къ другу на равныхъ правахъ, какъ это показываетъ исторія колонизаціи и завоеваній, дѣлавшихся древнимъ Новгородомъ и другими русскими землями. Столкновенія вражескія съ сильными иноземными племенами могли побуждать общины ко вступленію въ оборонительные союзы и обращаться къ внѣшней помощи, призывать особыхъ вождей-дружинниковъ и нарядниковъ; но государственнаго значенія не могли имѣть ни нарядники, ни союзы, большею частію временные, заключавшіеся до минованія общей опасности. Призваніе такихъ вождей еще не означало политической несостоятельности и разложенія общинъ, не имѣвшихъ никакого повода и побужденія, изъ-за вражескихъ набѣговъ, измѣнить весь свой бытъ. Общая опасность возбуждаетъ только инстинктъ самосохраненія и самозащиты; она только заставляла общины крѣпче держаться своей „пошлины“, усиливать свою матеріальную силу и могущество. Только позже Монгольскій погромъ, вмѣстѣ съ другими причинами, повліялъ разрушительно на общину; но это было ужъ иное время, ни мало не похожее на эпоху призванія князей, — тогда и безъ погрома многое ужъ измѣнилось въ народномъ быту.

Вообще нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что старыя общины не терпѣли разнородныхъ элементовъ въ своемъ составѣ, — что лишь только въ общинѣ, вслѣдствіе войнъ, развитія богатства и пр., являлась рознь между своимъ и чужимъ, богатымъ и бѣднымъ, завоевателемъ и побѣжденнымъ, община оказывалась несостоятельною, клонилась къ паденію, теряла политическую состоятельность. Внутренняя устойчивость и прочность общины и проявлялась по преимуществу въ ея способности *ассимилировать* самыя разнородныя элементы, безъ важныхъ измѣненій въ самой сущности общинныхъ союзовъ. По наблюденіямъ историковъ (см. напримѣръ, г. *Костомарова*: Начало единой державы и др.), многія общины русскія колонизовались изъ самыхъ противоположныхъ и несходныхъ элементовъ; но эти элементы легко уживались одинъ съ другимъ, и съ теченіемъ времени изъ нихъ возникала перѣдко на столько сильная община, что она становилась иногда на степень старѣйшаго города (напримѣръ, Владиміръ). Съ другой стороны, если даже и возникала рознь между частями общины, по взаимному неудовольствію и другимъ причинамъ, то тѣмъ не менѣе, это не вело къ отмианію общинной жизни. Выдѣлявшіяся части стре-

жились опять къ образованію изъ себя новыхъ самостоятельныхъ общинъ, развивавшихъ всѣ типическія черты общинной жизни. Въ такомъ обособленіи и выдѣленіи новыхъ общинъ и заключалось колонизаціонное движеніе народа, упрочившее за нимъ территориальное значеніе и силу.

Внутренняя рознь и враждебность, сами по себѣ, никогда не были мотивомъ государственнаго сознанія въ народѣ. Рознь между союзами вела на дѣлѣ только къ ихъ обособленію, а не къ объединенію въ одно цѣлое. Изъ внутренней розни не возникаетъ единства; единство, особенно въ государственномъ смыслѣ, можетъ явиться сознательнымъ актомъ лишь при ослабленіи розни, когда въ союзахъ дѣйствительно выработались реальныя понятія о возможности и необходимости единенія. Вся исторія Славянъ Русскихъ нисколько не подтверждаетъ мысли о томъ, что предъ призваніемъ князей у нихъ дѣйствительно выработались такія понятія. Напротивъ, чѣмъ дальше движется исторія, тѣмъ сильнѣе разрастается старая рознь, бывшая, по мнѣнію многихъ историковъ, чуть ли не главною причиною раздробленія Руси на удѣлы. Мы видимъ, что призваніе князей нисколько не слотило народъ, а наоборотъ—только довершило народную разрозненность, обособило народныя части въ отдѣльныя политически-самобитныя области. Для ихъ объединенія потребовалась долгая историческая работа, тяжелыя, вѣковыя испытанія и бѣдствія народныя, въ родѣ Монгольскаго погрома и пр.

Изъ сказаннаго понятно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на ту смуту и усобицу, которыя, будто бы, предъ призваніемъ князей привели народъ къ сознанію несостоятельности общиннаго порядка. Дѣло объясняется гораздо проще. Смуты вообще составляютъ характерное явленіе общественной жизни каждаго народа, не достигшаго высшихъ ступеней культуры, когда въ его жизни еще многое не перебродилось, и идетъ дѣятельный обмѣнъ и развитіе внутреннихъ силъ и элементовъ. Подобное состояніе общественности, можно сказать, составляетъ совершенно нормальное явленіе, существенную принадлежность стараго общиннаго быта; оно никогда не могло влечь за собою глубокихъ потрясеній въ народной жизни. Вся исторія Новгорода наполнена борьбой и смутой партій и составныхъ частей общины—концовъ, улицъ и пр.; но именно путемъ такой борьбы и усобицы бытъ Новгородскій не слабѣлъ, не становился несостоятельнымъ, но наоборотъ—упрочивался, выработывалъ для себя ту внутреннюю устойчивость и крѣпость, которыя дали ему возможность такъ долго и съ

такимъ успѣхомъ противостоятъ внѣшнимъ врагамъ. Нужно притомъ знать, какъ относится самъ лѣтописецъ къ описываемымъ имъ смутамъ и усобицамъ. Основной характеръ нашей лѣтописи, особенно древнѣйшихъ эпохъ, выражается, по справедливому замѣчанію гг. Кавелина и Костомарова (см. *Кавелина*: Сочин. III, 473; *Костомарова*: Начало единодерж., 21), въ томъ, что въ нее заносились по преимуществу крупныя явленія внѣшняго міра, почему-либо выходящія изъ ряда обыденной жизни. Лѣтописецъ обращаетъ вниманіе на появленіе кометъ и на другія чрезвычайныя явленія и событія и вовсе умалчиваетъ о простыхъ, незанимательныхъ явленіяхъ будничной, повседневной жизни. Попятно отсюда, почему лѣтопись всегда упоминаетъ о малѣйшей усобицѣ, — это та же комета въ общественномъ быту. Такъ слѣдуетъ смотрѣть и на извѣстіе Нестора о смутѣ, за которою послѣдовало призваніе князей: это — фактъ случайный, временный; его нельзя обобщать, возводить въ общее явленіе, какъ это дѣлаетъ большинство историковъ, нерѣдко построющихъ всю картину обыденной жизни нашихъ предковъ на лѣтописныхъ извѣстіяхъ о чрезвычайныхъ явленіяхъ. На такихъ извѣстіяхъ г. Костомаровъ, между прочимъ, построилъ свой отзывъ о „разбойническомъ“ характерѣ отношеній первыхъ нашихъ князей (до Владиміра) къ населенію: какъ будто и въ самомъ дѣлѣ князья то и дѣлали что грабили народъ (припомнимъ названіе Олега „вѣщимъ“, — эпитетъ, указывающій на то, что этотъ князь былъ „любъ“ народу, а между тѣмъ, по лѣтописи, онъ „примучилъ“ Древланъ и пр.).

Съ другой стороны, можно гораздо проще смотрѣть и на самое призваніе князей. Призваніе ихъ нельзя разсматривать какъ отрицаніе политической общины; напротивъ, оно вытекаетъ изъ самаго существа общиннаго быта. Въ фактъ призванія, собственно говоря, нѣтъ ничего новаго, — у Славянъ вообще было въ обычаѣ избирать племенныхъ старшинъ изъ среди своихъ же союзовъ или призывать ихъ извнѣ (призванія князей извнѣ извѣстны исторіи болгарской, чешской и нашей). Самъ по себѣ, этотъ фактъ (ближайшая его причина — набѣги сосѣдей) не имѣетъ особеннаго значенія. Ему нужно давать смыслъ династическій, ставить его въ связь съ дальнѣйшею дѣятельностію князей — Рюриковичей, сдѣлавшихъ удержаться въ русскихъ земляхъ, и упрочить за собою положеніе постоянныхъ ихъ правителей и нарядниковъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ прочныхъ основаній думать, что древне-русскія общины, сами собою, оказались политически-несо-

стоятельными въ эпоху призванія князей. Такой моментъ наступилъ въ жизни общинъ гораздо позже, да и то, быть можетъ, не столько въ силу внутреннего процесса ихъ развитія, сколько подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отчасти завоевательной дѣятельности князей и стремленія ихъ къ пріобрѣтенію территориальнаго могущества, отчасти также подъ вліяніемъ церкви и духовенства, вмѣстѣ съ разрушительною силой Монгольскаго погрома. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что рано или поздно община должна была вполне исчерпать свое историческое назначеніе, уступить свое мѣсто другому, болѣе сильному и могучему дѣятелю, — должна была преклониться предъ государствомъ. Поворотъ къ новому порядку сталъ обозначаться у насъ въ теченіе XIII—XV вѣковъ, когда, съ полнымъ обособленіемъ земель, стали постепенно проникать въ народное сознаніе первыя, хотя и неясныя, зародыши государственныхъ понятій, которыя, по общему своему направленію, скорѣе могли складываться по типу политическаго федеративнаго строя, чѣмъ вести къ установленію единой государственной системы. Ходъ историческихъ событій, однакожь, склонилъ рѣшеніе вопроса въ смыслѣ послѣдней проблемы: къ XVI вѣку единое Московское государство установилось уже на прочныхъ основаніяхъ. Замѣтимъ при этомъ, что въ нашей литературѣ доселѣ не оценено по достоинству культурное значеніе двухъ одинаково важныхъ режимовъ древней Руси, общиннаго — княжеской эпохи и государственнаго — эпохи Московской. По большей части оба порядка выставляются односторонне, смотря по личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ самихъ изслѣдователей. Одни черезчуръ преувеличиваютъ недостатки общиннаго порядка, видятъ въ немъ скопленіе антисоціальныхъ элементовъ, несостоятельныхъ для широкой, политической жизни; другіе черезчуръ идеализируютъ общину, видятъ въ ней чуть не идеальную человѣческую жизнь. Были въ общинѣ, какъ и во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, свои достоинства и свои недостатки; но въ тѣхъ и другихъ неповинна община, — ихъ выработала сама жизнь по своимъ строгимъ, органическимъ законамъ. Разнѣ общинная едва ли представитъ особыя прелести, если смотрѣть на общину съ точки современныхъ воззрѣній. Въ ней не легко жилось бы человѣку съ теперешнимъ развитіемъ; его подавляла бы вся масса тяжелыхъ бытовыхъ условій и опредѣленій, квалифицировавшихъ всю внѣшнюю обстановку, весь внутренний міръ стараго общинника. Привычки и убѣжденія его, въ силу бытовыхъ опредѣленій, такъ слагались, что онъ не только не чувствовалъ всей тяжести и

неудобствъ общинной жизни, но и не могъ даже представить себѣ человѣческой жизни внѣ разъ очерченнаго и замкнутаго круга своей общины. Внѣ своей задруги, села или города онъ чувствовалъ себя изгоемъ — лицомъ совершенно безпомощнымъ, почти безправнымъ. Лучшій примѣръ подобнаго склада возрѣній видимъ въ теперешнемъ Сербѣ, усвоившемъ изстари глубокую привычку и привязанность къ жизни въ своей задругѣ. По словамъ г. Миличевича, дѣлжъ задруги, живущей въ согласіи, „сильно потрясаетъ человѣка, — тутъ приходится поскорбѣть человѣку даже и тогда, когда самое дѣло нимало не заслуживаетъ сожалѣнія“ (*Русск. Вѣсѣда*, III, 108). Корень общины лежитъ въ органическихъ законахъ человѣческаго общежитія, какъ необходимая ступень, чрезъ которую проходитъ всякій народъ, одаренный способностію къ историческому развитію и культурѣ. Община развила въ человѣкѣ привязанность къ мѣсту, — къ семьѣ, очагу, непосредственной его родинѣ, уничтожила въ немъ хищническіе инстинкты, унаслѣдованныя имъ отъ воспо-родоваго порядка доисторическаго быта, привила къ нему чувство мѣстнаго патріотизма и гражданской доблести, какъ члена своего города и земли. Община культивировала для государства пригодную почву, расчистила, распахала и удобрила ее, для принятія и укорененія въ народной жизни первыхъ зародышей и элементовъ культуры и цивилизаціи государственнаго быта.

а) *Личная теорія.* Основная мысль этой теоріи о господствѣ въ народномъ быту „произвола личности во всей ея случайности, свободы во всей ея необузданности“ не представляетъ чего-либо новаго въ наукѣ. Въ видѣ общаго, теоретическаго начала, идея о господствѣ личности до образованія государственнаго быта давно ужъ извѣстна въ политическихъ наукахъ. На западѣ ее проповѣдывали еще старые философы-публицисты XVII и XVIII вѣковъ. Развитыя ими возрѣнія и цѣлыя теоріи, опредѣлявшія всѣ отправления въ человѣческомъ общежитіи на основаніи однихъ чисто-механическихъ законовъ, господствовали въ наукѣ до начала нынѣшняго столѣтія, когда, вмѣстѣ съ появленіемъ въ ней органическихъ теорій и методовъ, стали устанавливаться болѣе правильныя и научныя возрѣнія на социальную природу и свойства человѣческихъ отношеній. Механическая школа старыхъ публицистовъ проповѣдывала ученіе о такъ-называемомъ естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ (*contrat social*)—началахъ, опредѣлявшихъ бытъ людей до образованія государствъ. Естественное состояніе представляетъ лишь случай-

ное, механическое скопленіе отдѣльныхъ лицъ, съ ихъ субъективнымъ произволомъ и правомъ сильного, безъ всякихъ органическихъ общественныхъ связей,—скопленіе лицъ, находившихся въ состояніи „войны всѣхъ противъ всѣхъ“, или бывшихъ въ случайныхъ, договорныхъ отношеніяхъ между собою. Отдѣльныя теоріи господства силы (порабощенія одного лица другимъ), вотчинно-патримоніальнаго начала (права собственности) и свободнаго договора представляютъ собою не больше, какъ развѣтвленія механической школы, выволившей все ученіе о человѣческомъ общежитіи изъ начала свободной личности, съ ея субъективною волей и частнымъ правомъ. Воззрѣнія механической школы въ сильной степени отражались на всемъ складѣ юридическихъ наукъ до новѣйшаго времени (въ наукѣ, напримѣръ, и доселѣ еще не совсѣмъ потеряло кредитъ воззрѣніе старыхъ юристовъ на сущность права, какъ продукта субъективной воли лица). То же самое нужно сказать и объ историко-юридическихъ наукахъ. Господствовавшее въ нихъ чуть ли не до послѣдняго времени ученіе о частно-правномъ типѣ всего политическаго быта средневѣковой Европы, о патримоніально-договорныхъ началахъ въ феодальномъ устройствѣ европейскихъ государствъ цѣликомъ коренится въ воззрѣніяхъ механической школы о естественномъ состояніи, договорѣ и пр. Замѣчательно, что вліяніе этой школы проглядываетъ даже въ историческихъ изслѣдованіяхъ новаго времени (напримѣръ, не только у Варнкёнига, Цёпфля, Вальтера, но и Гфререра, Маурера, Гирке и др.), слѣдующихъ новой, органической теоріи общественныхъ отношеній. Съ ученіемъ же механической школы о естественномъ состояніи находится въ тѣсной связи и ученіе г. Чичерина о „гражданскомъ обществѣ или союзѣ“—главной формѣ общественнаго быта княжеской Руси. По его словамъ, бытъ древней Россіи носитъ на себѣ частно-правный типъ; въ немъ господствуетъ хаотическій безпорядокъ, анархическое броженіе средневѣковыхъ буйныхъ силъ, произволъ личности во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности. То же самое господство личности, тотъ же органическій недостатокъ юридическихъ основъ видятъ въ политическомъ быту древней Россіи и г. Сергѣевичъ, признающій вездѣ и во всемъ лишь господство силы или договорнаго начала—главныхъ общественныхъ основъ древне-русской жизни.

Въ нашу задачу не входитъ подробный анализъ и оцѣнка теоретическаго понятія о личномъ началѣ, лежащемъ въ основѣ ученія гг. Чичерина и Сергѣевича. Анализъ этого понятія, какъ и вообще всѣхъ основныхъ положеній старой механической школы, можно найти те-

перь не только въ спеціальныхъ трактатахъ, но и въ любомъ учебникѣ по теоріи и исторіи государственнаго права (въ особенности гѣмцага). Мы замѣтимъ только, что изученіе социальныхъ явленій по органическому методу естественныхъ наукъ, усвоенному современными школами, господствующими въ политическихъ наукахъ, болѣе и болѣе приводитъ къ убѣжденію въ полной научной несостоятельности механическихъ теорій, съ ихъ ученіемъ о личности, договорѣ, патримоніальномъ или вотчинномъ началѣ и пр. Дѣйствительно, общежитіе людей, на какой бы ступени развитія оно ни находилось, никогда и нигдѣ не создается въ силу личнаго или договорнаго начала. Корни его лежатъ не въ субъективной волѣ отдѣльныхъ лицъ, вступающихъ между собою въ постоянно возобновляемые договоры (нельзя свазать, что люди *уговорились* жить въ обществѣ, точно такъ же, какъ нельзя утверждать, что они согласились по договору считать, наиримѣръ, убійство преступленіемъ), но въ условіяхъ, лежащихъ внѣ воли этихъ лицъ,—въ ихъ социальной природѣ, понуждающей ихъ къ совмѣстной жизни. Въ общежитіи всѣхъ народовъ, способныхъ къ нормальному историческому развитію, господствуютъ на всѣхъ степеняхъ народной культуры, вообще говоря, тѣ же общіе органическіе законы, какъ и въ жизни организмовъ физическихъ,—законы, рядомъ съ которыми положительно немислимо существованіе „естественнаго, хаотическаго состоянія“. Органическіе законы человѣческаго общежитія не только лежатъ внѣ воли отдѣльной личности, но и сами постоянно и неуклонно подчиняютъ ее своему вліянію и господству. Отсюда личность никогда и нигдѣ не является вполнѣ и безусловно самоопредѣляющимся дѣятелемъ, но всегда съ опредѣленною квалификаціей, взятою изъ такого или иного положенія ея во вѣпшней средѣ и обстановкѣ—семейной, социальной, климатической, почвенной и пр. На низшихъ степеняхъ общежитія квалификація личности отзывается чуть ли не безусловно-деспотическимъ гнетомъ на всемъ ея личномъ и общественномъ положеніи и дѣятельности; но квалификація не уничтожается вовсе, а только смягчается, и такъ-сказать, одухотворяется и утопается на высшихъ степеняхъ культуры, когда выясняется понятіе человѣческой личности, съ присущимъ ей самоопредѣленіемъ и свободой, правами и обязанностями въ опредѣленныхъ границахъ. Отсюда понятно само собою, что юридическій и социальный порядоки жизни всегда является не какъ продуктъ субъективной воли лица, вступающаго въ договоръ съ другими лицами, но какъ необходимый продуктъ и проявленіе органическихъ законовъ

соціальной природы людей. Личный элементъ въ правѣ положительно не мыслимъ, въ особенности на низшихъ ступеняхъ культуры. Родовое сознаніе въ сферѣ права, какъ мы видѣли, выражалось въ формѣ велѣнія, приказанія главы рода; но велѣніе такое не имѣло никакого личнаго субъективнаго характера: оно являлось какъ продуктъ и проявленіе родового (не личнаго) сознанія объективной власти вождя рода, — сознанія, коренившася на неподвижной, консервативной почвѣ изъ старинныхъ племенныхъ обычаевъ и преданій. Какъ, по остроумному замѣчанію г. Буслаева, въ области поэзіи первичныхъ народовъ было мало простора для отдѣльной личности, и все заведено было испоконъ вѣку, — такъ и въ сферѣ права все опиралось на преданіи, идущемъ отъ времени незапамятныхъ, ничего не могло быть случайнаго, не выходящаго изъ народнаго творчества (Историческіе очерки русск. народн. словесн. и искусства. 1861, I).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что теоретическая подкладка ученія гг. Чичерина и Сергѣевича шатка, стоитъ на почвѣ такихъ общихъ понятій и воззрѣній, которыя не выдерживаютъ критики, отвергаются строго-научною, органическою теоріей науки права и политики. Такою же шаткостію, псевдоложностью и односторонностью отличается и фактическая постановка основныхъ вопросовъ въ теоріяхъ гг. Чичерина и Сергѣевича. Нѣтъ никакой возможности признать научно-вѣрнымъ положеніе о томъ, что начала договора и собственности (послѣднее принадлежитъ, главнымъ образомъ, г. Чичерину), какъ отношеній съ *частно-правнымъ* характеромъ, были главными, руководящими началами всего общественнаго быта древней Руси, отличавшагося поэтому случайностію и хаотичностію всѣхъ завязывающихся въ немъ общественныхъ отношеній, безъ всякихъ прочныхъ, органическихъ связей между различными элементами древне-русскаго общества. Дѣло въ томъ, что „рядъ“ и „вотчина, вотчинникъ“ дѣйствительно принадлежатъ къ числу главныхъ явленій политическаго быта княжеской Руси. Въ этомъ отношеніи личная теорія дѣйствительно имѣла дѣло съ реальными явленіями, которыхъ нельзя вычеркнуть изъ исторіи. Вся бѣда въ томъ, что личная теорія, выходя изъ общей схемы, основанной на ложно-понятіи и невѣрно поставленномъ основномъ воззрѣніи (о господствѣ личности), естественно должна была объяснять въ смыслѣ принятой схемы и всѣ историческія явленія, тогда какъ на дѣлѣ даже такія явленія, какъ рядъ и вотчина, можно только внѣшне, а не по внутреннему ихъ понятію, подводить подъ общій смыслъ главной схемы этой теоріи.

Мы сначала рассмотримъ вопросъ о томъ, что именно разумѣлось въ старое время подъ именемъ *ряда*, о которомъ говорятъ лѣтописи и разные акты и памятники княжеской эпохи. Есть ли это въ самомъ дѣлѣ частный контрактъ, договоръ въ его обыкновенномъ, частно-правномъ смыслѣ и значеніи, или въ немъ нужно искать какой-то иной, спеціальный смыслъ? Сколько намъ извѣстно, въ нашей историко-юридической литературѣ доселѣ еще не вполне разъясненъ спеціальный смыслъ и значеніе древне-русскаго ряда. Въ немъ обыкновенно видятъ простой договоръ, не больше; но понятіе такое однакожь далеко не рѣшаетъ всего вопроса, даже, какъ увидимъ, весьма мало подходитъ подъ тотъ реальный смыслъ, какой давался ряду древне-русскою юридическою терминологіей.

Нужно прежде всего установить точное понятіе ряда, какъ *общей нормы, порядка, распоряженія, правила* или *закона*,—понятіе, которое несомнѣнно въ старину давалось слову „рядъ“. Первое упоминаніе о рядѣ, въ смыслѣ нормы, правила, находимъ въ лѣтописи Пестора и договорахъ Руссовъ съ Греками. Договоръ Олега прямо названъ *рядомъ* („посла Олегъ мужи свои построить миръ я положить рядъ“; см. Лавр. лѣт. 1872, 32); въ самомъ договорѣ употребленъ терминъ „урядиться“ въ смыслѣ постановить, принять правило, законъ („и о главахъ... урядимся аще“), и „уряженіе, обряженіе“—въ значеніи простаго распоряженія („аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнія“; „аще ли составитъ обряженіе“). Какъ послы Русскіе посылались „положить рядъ“, такъ позже князья собирались на съѣзды—„положити порядокъ, обрядъ, нарядъ“ (И. С. Р. Л. I, 98, 107, 186 и пр.), то-есть, установить порядокъ, правила или просто распоряженія. Въ такомъ же смыслѣ нужно понимать и рядъ или нарядъ, встрѣчающійся въ словахъ союзовъ, рѣшившихся призвать князей: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ и судилъ по праву“, или по другимъ спискамъ—„рядилъ по ряду и праву“; „земля наша велика и обильна, а наряда (нарядникъ) въ ней нѣтъ“ (ib. I, 8; V, 88).

Значеніе ряда, въ смыслѣ нормы, правила или просто закона, видно также изъ другихъ техническихъ терминовъ, имѣвшихъ одинаковое съ *рядомъ*, синонимическое понятіе. Сюда относятся, во-первыхъ, *свѣщание*. Греческіе договоры назывались *рядомъ* и вмѣстѣ свѣщаніемъ, что, по остроумному объясненію г. Лавровскаго, имѣетъ смыслъ греч. *συμβόλιον*—указа, манифеста, грамоты (О визант. элем. 48—52). Вовторыхъ, вмѣсто ряда употребляется иногда въ источни-

какъ *устава*. Въ смыслѣ „урядить“ договоровъ, или „положить рядъ“ и „нарядъ“ лѣтописей употребляется въ Русской Правдѣ и греческихъ договорахъ выраженіе — „устанавливать“ („яко же имъ уставлено есть“; Правда уставлена и проч.; см. Сборн. *Утина*, 5, 7 и пр.); къ своимъ источникамъ договоръ Игоря относитъ „уставъ русскій“ (Сборникъ *Утина*, 10). Въ такомъ смыслѣ Русская Правда—первый нашъ общій уставъ — можетъ быть названа рядомъ, который князья „полагали“ на своихъ сѣздахъ. Накопецъ, втретыхъ, слѣдуетъ указать еще на одно значеніе ряда, какъ *докончанья*, которое встрѣчается особенно въ грамотахъ и другихъ источникахъ XIII и слѣдующихъ столѣтій. Въ смыслѣ докончанья (отъ „конать, кончать, узаконять“) рядъ стоитъ въ связи съ „*покономъ* и *закономъ*“, о которыхъ греческіе ряды говорятъ, какъ о главныхъ источникахъ, если не цѣлаго ихъ состава, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ статей (Сборникъ *Утина*, 8, 10 и проч.).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что рядъ, по первоначальному его смыслу, означалъ вообще то же, что у насъ въ старое время разумѣлось подъ именемъ *закона*, *покона* или *устава*, то-есть, означалъ обычай, порму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно, въ рядахъ и докончаньяхъ. Давая такое значеніе древне-русскому ряду, мы считаемъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ рядѣ простой договоръ, опредѣлявшій лишь случайныя отношенія договаривающихся сторонъ (такъ, между прочимъ, смотритъ на греческіе ряды г. Никольскій, въ соч.—О началахъ послѣдов. по др. русск. праву, 209). Подобный взглядъ могъ установиться лишь вслѣдствіе неадекватнаго пониманія происхожденія и основнаго характера древне-русскаго ряда. Ряды X и позднѣйшихъ столѣтій не обозначали обыкновенныхъ договоровъ, въ которыхъ все зависитъ отъ воли сторонъ. Они, напротивъ, касались такихъ отношеній, которыя слагались, быть можетъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, развивались медленнымъ путемъ народныхъ обычаевъ, „пошлипъ и законовъ“,—ряды только служили внѣшнею ихъ формулой. Такъ нужно смотрѣть и на греческіе ряды X вѣка. Отношенія, которыхъ они касаются, не явились вдругъ, сложились не случайно, не „составлены“ рядившимися лицами по ихъ субъективному произволу и усмотрѣнію. Путемъ вѣковой практики установились въ сношеніяхъ Руссовъ съ Греками „поконы, законы и уставы“—обычай, которые въ X вѣкѣ и легли въ основу греко-русскихъ рядовъ. Дѣйствительно, сношенія Русскихъ

съ Греками завязались гораздо раньше времени Олега и Игоря; ряды между ними имѣли мѣсто уже въ IX вѣкѣ при Василиѣ Македонянинѣ (г. *Погодина*, Исслѣд. I, 126). Къ временамъ Олега могли дѣйствительно установиться „законы“, могли опредѣлиться прочныя права и обычаи, наблюдавшіеся въ сношеніяхъ Русскихъ съ Греками. Такіе же законы и пошлины могли лечь въ основаніе извѣстныхъ рядовъ Новгорода или Смоленска съ Ганзейскими торговыми общинами. Сношенія между ними завязались еще въ XI вѣкѣ, а можетъ быть, и раньше; къ XIII вѣку уже установились „Beliebungen“, которыя затѣмъ и формулировались въ рядахъ и скрахъ.

Подобныя же „законы и пошлины“ устанавливались путемъ вѣковой практики во взаимныхъ отношеніяхъ общинъ и князей, — пошлины, которыми несомнѣнно руководились позже князья и народъ, когда явилась потребность точно формулировать взаимныя отношенія ихъ между собою. Рядъ былъ только внѣшнимъ, формальнымъ выраженіемъ стародавнихъ пошлинъ. Въ такомъ смыслѣ его нужно ставить въ параллель собственно не съ договоромъ, а съ закономъ или уставомъ; подобно имъ, *рядъ формулировалъ прочную, неподвижную норму обычною права*. Случайность, фактической характеръ отношеній, опредѣлявшихся рядомъ, едва ли могли имѣть какое-нибудь значеніе. Таковъ характеръ всѣхъ докончаній и рядовъ общинъ, въ особенности Новгорода, съ князьями XIII и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неизвѣстныя прежнему времени. Въ основѣ ихъ лежали стародавнія пошлины; въ XIII и XIV вѣкахъ эти пошлины представлялись Новгородцами весьма реально, въ видѣ „грамотъ Ярославихъ“. Охрана установленной ими „вольности“ стала составлять особенную заботу Новгорода, въ эпоху осѣданія и территориальнаго усиленія волостныхъ князей. Право призванія князей и другія вольности, признанныя въ это время за Новгородомъ, въ существѣ дѣла были незапамятною пошлиною; Новгородъ только старался, путемъ рядовъ съ князьями, упрочить и обезпечить эту пошлину отъ нарушенія со стороны князей, начавшихъ вторгаться въ общинныя вольности, въ видахъ усиленія своей собственной власти.

Отсюда понятно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на „судъ Божій“, который, по г. Сергѣевичу, стоялъ рядомъ съ княжескими и общинными договорами. Судъ Божій, въ существѣ дѣла, былъ выраженіемъ того же

общаго начала, которое высказывалось въ установленіи потока, виръ и продажъ. Онъ каралъ не столько за нарушеніе ряда, сколько за оскорбленіе выраженной въ немъ пошлины, народнаго обычая. Нарушеніе ряда было нарушеніемъ общаго правоваго порядка, — послѣдній возстановлялся новымъ рядомъ или судомъ Божиимъ. Ряды и суды Божіи не даютъ еще права заключать, что самыя отношенія между князьями имѣли только фактическій, случайный характеръ. Нарушеніе порядка и обычая вездѣ возможно, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ съ его свободой и страстями; но всегда, на каждой ступени человѣческаго общежитія, существуетъ болѣе или менѣе прочный и сильный нарядъ, — начало сдерживающее, карающее кривду и возстановляющее правду житейскихъ отношеній. Въ древней Руси народная „пошлина“ была однимъ изъ такихъ сдерживающихъ началъ; она строго чтилась и уважалась народомъ и князьями; она была „правдою“, нарушеніе которой не могло оставаться безнаказаннымъ въ отношеніяхъ между лицами и цѣлыми союзами.

Такимъ образомъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, лишенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычай; обычное право служило, если можно такъ выразиться, общею вапвой, на которой развились ряды и докончанья князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлинъ, регулировавшихъ весь народный бытъ.

Въ понятіи древне-русскаго ряда есть еще другая сторона, которой мы доселѣ не касались. Кромѣ понятія о рядѣ, какъ о внѣшней нормѣ или формулѣ обычнаго права, рядъ означалъ въ старину также самый способъ *примѣненія* *обычно-правовой формулы къ данному жизненному случаю или отношенію*. Какъ видно изъ лѣтописей, Русской Правды, грамотъ и другихъ памятниковъ, рядъ имѣлъ также значеніе взаимнаго соглашенія и уговора, совѣта, иногда и соизволенія, согласія; въ такомъ же смыслѣ употреблялись — *дума*, *единенье* (*единанье* литовско-русскихъ памятниковъ, *одиначество* и пр.). Это опять не договоръ съ частно-правнымъ характеромъ, въ которомъ все зависитъ отъ произвола сторонъ. Въ задругѣ все опредѣ-

ляется по ряду, уговору ея членовъ ¹⁾; но это не значитъ, что отношенія между ними зависѣли отъ ихъ свободной воли, а не отъ обычая. Путемъ уговора обычай примѣнялся къ данному случаю, смотря по его специальнымъ условіямъ и обстановкѣ; даже больше: уговоръ констатировалъ не столько самый обычай (онъ держался въ общемъ сознаниі), сколько *данный случай въ его отношеніи и примѣненіи къ общему обычаю*. Въ этомъ же смыслѣ рядъ былъ главнымъ явленіемъ общественности древней Россіи; пословица: „уговоръ паче денегъ“ ²⁾, и могла образоваться лишь на почвѣ стараго общиннаго быта, съ его нарядомъ и жизнію по общей думѣ и уговору. Начало общиннаго уговора наглядно констатируется еще въ первомъ актѣ призванія князей, пришедшихъ „володѣть и рядить по ряду, судить по праву“, то-есть, по уговору и думѣ съ землей, по обычаямъ и пошлинѣ (на всей волѣ Новгородской, какъ выражаются позднѣйшіе лѣтописи и ряды Новгорода съ князьями). Единеніе князя съ общиной составляло, какъ мы видѣли, главное начало общиннаго устройства. Княжескіе сѣзды и думы, съ одной стороны, вѣча съ другой—были выраженіемъ одного и того же наряда общинъ по уговору и соглашенію, опредѣлявшему всѣ отношенія князей между собою, къ дружинамъ и народу. Всѣ эти порядки—лишь различныя проявленія одного начала; всѣ имѣютъ одинъ корень—общинный бытъ народа, солидарность и крѣпость связей общинъ. Право „мужа“ на долю въ общемъ рядѣ и уговорѣ имѣло не частно-правный, а общественный характеръ, — условливалось не началомъ личной свободы, по наобо-

¹⁾ По словамъ г. Миличевича, въ сербской задругѣ все дѣлается по взаимному уговору. По уговору избираютъ старѣйшину; по уговору же устроено все управленіе задруги. Въ домашнемъ уговорѣ имѣютъ долю участія всѣ задругари. Сербы до того склонны все начинать договоромъ, что часто господинъ со слугою договаривается о каждомъ дѣлѣ точно также, какъ будто съ товарищемъ артели или задругаремъ. Склонность къ договору они переносятъ далѣе и въ гражданскую жизнь; села имѣютъ свой рядъ и уговоръ на сходкахъ. Всякому дѣлу предшествуетъ «слошнн уговоръ» (мирный, согласный уговоръ), который кладется тамъ, гдѣ прежде соберутся задругари, на работѣ ли, или въ другомъ мѣстѣ, и притомъ кто прежде соберется, тѣ и договариваются. См. *Русск. Бес.* 1858, III, 99 и слѣд.

²⁾ Есть и другія пословицы въ такомъ же родѣ: уговорецъ—родной братецъ всѣмъ дѣламъ; уговоръ не споръ; переговоры не уговоръ; чѣ слово, то и дѣло; слово законъ, держись за него какъ за колъ; быть по сказанному, что по праву; кто измѣнитъ слову, тому да будетъ стыдно и пр.

ротъ—принадлежностію и зависимостію его отъ своей семьи, задруги, общины и пр.

Такое понятіе ряда, очевидно, нисколько не подходитъ подъ частно-правный типъ договора. Ряды стараго времени не имѣли вообще того случайнаго, произвольнаго характера, какой придаетъ имъ личная теорія гг. Чичерина и Сергѣевича. Элементъ случайности начинается вкрадываться прежде всего въ междукняжескіе ряды съ тѣхъ поръ, какъ князья, освѣщеніе по полостямъ, стали обособляться, стремиться къ господству одинъ надъ другимъ. Въ это время, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солидарности между князьями и общинами, долженъ былъ потерять прежнюю силу и значеніе нарядъ по общей думѣ и уговору. Между самостоятельными князьями, съ одной стороны, и общинами, съ другой, дѣйствительно появляются формальные договоры, но опять-таки нисколько не съ частно-правнымъ характеромъ. Въ рядахъ и докончаньяхъ Татарской эпохи (особенно второй половины) прежде всего должны были высказаться тѣ зародыши государственныхъ понятій, которые, какъ мы видѣли, подъ конецъ княжеской эпохи, стали у насъ проявляться и болѣе и болѣе укореняться въ народномъ сознаніи, что не могло не отразиться и на всемъ политическомъ бытѣ того времени.

Перейдемъ теперь къ ученію о *вотчинномъ началѣ* древней Руси. По мнѣнію основателей этого ученія (гг. Кавелина и Чичерина), князья, послѣ освѣданія ихъ по волостямъ, обращаются въ вотчинниковъ, владѣвшихъ своими удѣлами—„отчинами“ на частномъ правѣ помѣщичьихъ, землевладѣльцевъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему какъ собственность, но праву частному, а не государственному. Князья дѣлятъ свои отчины между дѣтьми по частному праву наследованія, продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ земли на томъ же основаніи, какъ и всякое частное имущество (г. Чичеринъ считаетъ „большимъ вотчинникомъ“ даже Новгородъ, въ противорѣчіе съ своимъ основнымъ воззрѣніемъ на него, какъ на вольную общину, основанную на началѣ свободнаго договора, а не собственности—принципа княжеской вотчины). Отсюда и все управленіе, и судъ носили частно-правный типъ, разсматривались какъ частная собственность князя, которую онъ уступалъ въ частное пользованіе, кормленіе, своимъ мужамъ, наместникамъ и волостелямъ. Господство вотчинныхъ началъ въ татарскую эпоху допускаетъ также г. Костомаровъ; но онъ, въ отличіе отъ гг. Кавелина и Чичерина, видящихъ корень этихъ началъ въ условіяхъ пародной жизни, придаетъ имъ татарское происхожденіе, выводитъ

ихъ изъ власти хана—верховнаго собственника Руси, раздававшаго князьямъ земли въ вотчины, на правахъ частной собственности.

Ученіе о вотчинномъ началѣ основано на повѣрномъ толкованіи источниковъ (въ особенности княжескихъ грамотъ — докончальныхъ и духовныхъ) и на произвольно понятомъ значеніи „отчины“ и „отчина“, вотчинника. Главный доводъ г. Чичерина о томъ, что въ грамотахъ не дѣлается различія въ сущности княжескихъ правъ на волости и на предметъ частной собственности (села и пр.), не можетъ быть признанъ исторически-вѣрнымъ послѣ изслѣдованій г. Градовскаго (Исторія мѣстн. управл., 16 и слѣд.) и г. Бестужева-Рюмина (Русск. Ист. I, 436), открывшихъ замѣтные слѣды и зародыши государственныхъ понятій тамъ, гдѣ г. Чичеринъ видитъ господство частно-правныхъ возрѣній и началъ. „Отчина“ никогда не означала наследственнаго владѣнія по *частному праву*: великіе князья называли вѣдь своею отчиной и Новгородъ въ то время, когда онъ, по выраженію г. Костомарова, былъ самъ себѣ государь, — когда политическіи его вольности и пошлины еще не были разрушены. Лучшее объясненіе значенія, въ какомъ „отчина“ употребляется въ источникахъ, дано г. Сергѣевичемъ: „отчина“, по его словамъ, „есть ничто иное, какъ столъ отца, то-есть, столъ, который прежде занималъ отецъ извѣстнаго князя. Названіе волости отчиной выражаетъ *не существо власти князя-правителя* (какъ думаютъ гг. Кавелинъ, Чичеринъ и Костомаровъ), а только одно указаніе на то, что такой-то столъ былъ нѣкогда занятъ отцомъ таковаго-то князя. Князья, называя извѣстную волость отчиной, и такимъ образомъ, указывая на ея принадлежность отцу, заявляютъ этимъ самымъ свои притязанія на обладаніе этою волостію и именно въ силу того, что она—столъ отца, отчина“ (Вѣче и князь, 318—319). Князь имѣлъ значеніе вотчинника не въ отношеніи къ самой волости, не по существу княжеской власти надъ населеніемъ, но главнымъ образомъ въ отношеніи къ другимъ князьямъ, не имѣвшимъ „отчинныхъ“ правъ на его волость. Князь-отчичъ управлялъ волостію независимо отъ другихъ князей, имѣлъ право на занятіе „отчиннаго“ стола и на нарядъ въ „отчинѣ“, съ устраненіемъ князей другихъ родовъ и другихъ отчинъ.

Итакъ, названіе князя вотчинникомъ, какъ и его волости — отчиною, не дастъ никакого права заключать, что князь когда-либо былъ частнымъ собственникомъ волости, относился къ ней на томъ же основаніи, какъ помѣщикъ къ своему помѣстью. Ничего подобнаго не было у насъ ни въ теченіе первой половины княжеской эпохи, когда,

по выраженію г. Костомарова, каждая земля была сама себѣ власть, сама себѣ государь,—ни въ эпоху Татарскаго завоеванія, когда дѣйствительно стали являться переменны въ отношеніяхъ князей къ волостямъ, но только не въ томъ направленіи, на какое указываютъ гг. Чичеринъ и Костомаровъ. Дѣло въ томъ, что характеръ наряда и власти князей, самъ по себѣ, не могъ въ корнѣ измѣниться послѣ осѣданія ихъ по „отчинамъ“. Разницу противъ прежняго можно видѣть лишь въ томъ, что князь первой половины княжеской эпохи рѣдко сидѣлъ продолжительное время въ одной волости и потому относился къ ней какъ элементъ, въ нѣкоторомъ отношеніи чуждый, по крайней мѣрѣ мало заинтересованный въ ея мѣстныхъ интересахъ. Напротивъ, сдѣлавшись позже „отчичемъ“, постояннымъ нарядникомъ волости, князь, по самой силѣ вещей, долженъ былъ стать въ болѣе тѣсныя и постоянныя связи съ своею волостью, проникнуться ея областными интересами, явиться ближайшимъ и главнымъ представителемъ этихъ интересовъ и вообще въ большей или меньшей степени оказывать вліяніе на все внутреннее управленіе и нарядъ общинъ. Еще больше должно было явиться переменъ въ отношеніяхъ князей къ волостямъ послѣ завоеванія Руси Татарами. Князья Татарской эпохи очутились, волей-неволей, въ прямой зависимости отъ посторонней власти хановъ. Въ виду поддержки послѣднихъ, князья естественно приобрѣтали болшую возможность самовластныхъ дѣлствій, шедшихъ въ разрѣзъ съ волей вѣча или народнымъ обычаемъ, безъ опасности потерять изъ-за этого волость, сдѣлаться изгоемъ. Солидарность князя съ общиной должна была, такимъ образомъ, рушиться; единеніе ихъ перестало быть главнымъ условіемъ проявленія власти князя. Назначеніе и удаленіе князя стало зависеть не столько отъ вѣча, сколько отъ воли ханской; воля ханская, а не вѣчевая, опредѣляла и всю дѣятельность князя по волостному наряду,—сдерживающее начало было теперь не въ самой волости (какъ этого требовалъ старый, волостной нарядъ), но внѣ ея—въ ордѣ ханской. Поставленный такимъ образомъ внѣ прежняго вліянія и связи съ вѣчевымъ нарядомъ волости, князь тѣмъ самымъ уже выдѣлялся изъ состава общинъ, являлся особою, мало и наконецъ вовсе не зависѣвшею отъ нихъ властью. Все это, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами и вліяніями, особенно со стороны духовенства, должно было повести къ окончательной отмѣнѣ вѣчеваго наряда и къ видоизмѣненію въ князьяхъ стараго типа волостныхъ нарядниковъ,—повести къ постепенному установленію новаго, государственнаго поряд-

ка. Московскіе князья являются главными проводниками и представителями этого порядка, въ корнѣ измѣнившаго весь политическій бытъ древней Россіи.

Еще меньше можно согласиться съ воззрѣніемъ г. Чичерина о частно-правномъ типѣ управленія и суда древней Россіи. Старая административная система кормленій не можетъ служить указаніемъ на то, что будто бы судъ и управленіе составляли когда-то у насъ частную собственность князя, — что намѣстникъ служилъ лишь на себя, былъ кормленщикъ, въ отличіе отъ воеводы XVII вѣка—правителя, завѣдывавшаго дѣлами на царя (Чичерина Области. управл. 54). Кормленіе было не частно-правною формою отправленія суда и управленія, но лишь однимъ изъ способовъ *служебно-общественнаго* (не частнаго) содержанія мужей и дружины, позже служилыхъ, чиновныхъ людей. Намѣстникъ и волостель не были только кормленщиками, не завѣдывали дѣлами только на себя, но были въ своемъ округѣ такими же правителями—нарядниками, какъ и князь въ цѣлой волости. Съ правомъ кормленія всегда соединялись и обязанности по управленію и суду—представительство князя, береженіе населенія отъ внѣшнихъ непріятелей (воеводство) и вообще отправленіе суда и порядка на общемъ основаніи съ княземъ. Съ другой стороны, воевода XVII вѣка, будучи правителемъ, тѣмъ не менѣе кормился съ своего воеводства (оно и давалось обыкновенно по челобитью „отпустить покормиться“); элементъ кормленія удерживался и въ администраціи Московской эпохи, хотя, конечно, не въ такой степени, какъ это было прежде. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что различіе между намѣстникомъ и воеводой высказывалось въ томъ, что воевода былъ правитель, а намѣстникъ нѣтъ. Оба являлись правителями; но весь вопросъ въ томъ, какъ, на какихъ основаніяхъ и при какой обстановкѣ они управляли. Различіе между старою (намѣстническою) и новою (воеводскою) системою администраціи нужно искать не въ кормленіи и службѣ правителей, но въ различной сферѣ ихъ дѣятельности, въ различныхъ отношеніяхъ ихъ къ земству. Подобно тому, какъ старшій князь былъ властію, параллельною съ властію вѣчевою, его контролировавшею, — властію, проявленіе которой всегда предполагало автономію земли, условливалось единеніемъ и солидарностію князя съ вѣчемъ, — такъ и намѣстникъ дѣйствовалъ точно также параллельно и подъ контролемъ органовъ общинныхъ, всегда предполагалъ самостоятельную дѣятельность и контроль автономическихъ общинъ своего округа. Иной порядокъ устанавливается въ Московскую эпоху, въ силу раз-

витія новаго, государственнаго начала. Въмѣстѣ съ тѣмъ какъ исчезла прежняя параллельность, единеніе и контрольныя отношенія власти вѣчевой къ княжеской, послѣдняя явилась единственнымъ представителемъ наряда, развившагося до идеи единой державы верховной государственной власти. Отсюда и въ администраціи должно было исчезнуть прежнее начало раздвоенія и параллельности органовъ власти княжеской и вѣчевой. Если намѣстникъ есть продуктъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель мѣстной розни и обособленности автономическихъ общинъ и волостей, если онъ всегда предполагалъ совмѣстное существованіе и контроль общинныхъ органовъ (это и понималъ очень хорошо Грозный, предпринявшій было попытку реставрировать старую систему самоуправленія общинъ), то воевода — чистый плодъ Московской централизаціи — сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю администрацію, уже не терпитъ рядомъ съ собою параллельно дѣйствующихъ и контролируемыхъ его органовъ автономическихъ общинъ. Въ этомъ, какъ кажется, заключается коренное различіе между системой управленія намѣстническаго и воеводскаго. Старая система основана была на началѣ параллельности и контроля органовъ вѣчевыхъ и княжескихъ и потому не нуждалась въ установленіи особаго контроля князя за дѣятельностію намѣстника и волостеля; отсюда — отсутствіе въ старой системѣ управленія начала апелляціоннаго и учрежденія судебныхъ инстанцій. Они явились необходимостію въ Московскую эпоху, когда мѣстный, общинный контроль исчезъ, — на смѣну его явилось учрежденіе доклада и цѣлаго ряда апелляціонныхъ инстанцій.

Сдѣлаемъ въ заключеніе нѣсколько замѣчаній по поводу воззрѣнія г. Сергѣевича о значеніи древне-русскаго *омча* и объ отношеніи его къ князю. Послѣ всего сказаннаго нами выше, для насъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не личное начало, какъ думаетъ г. Сергѣевичъ, вызвало къ жизни вѣчевыя порядки, и не слабость князей поддерживала дальнѣйшее ихъ существованіе и обусловила необходимость и всеобщность вѣчаго устройства древней Россіи.

Корни вѣчевыхъ порядковъ, какъ мы видѣли, г. Сергѣевичъ ищетъ въ началѣ личной свободы, въ присущемъ каждому мужу правѣ устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своею самостоятельною жизнью. Нельзя считать исторически вѣрнымъ положеніе о томъ, что будто бы у насъ въ княжескую эпоху дѣла общественныя не выдѣлились

изъ сферы личныхъ, подчинились и проникались лишь интересами личности. Пужно вопросъ поставить на выворотъ,—тогда будетъ больше правды. Какъ уже замѣчено, въ эпоху Рюриковичей было весьма мало развито понятіе личности, стоящей внѣ всякихъ бытовыхъ опредѣленій, а тѣмъ менѣе подчиняющей своей волѣ и господству общественные интересы и порядки. Личность зависѣла тогда почти во всемъ отъ окружающей среды—семьи, общины, обычая и проч. Если смѣшивались понятія о частныхъ и общественныхъ дѣлахъ, то не потому, что частное преобладало надъ общимъ, или общее не выдѣлялось изъ частнаго, а именно на оборотъ—потому, что частное дѣло подчинялось общему, еще не строго выдѣлялось изъ общественнаго въ свою особую, самостоятельную сферу (дѣло позднѣйшей государственности). Членъ общины смотрѣлъ на себя и на все окружающее, какъ на неотъемлемую принадлежность общины, и потому принималъ дѣятельное участіе въ ея дѣлахъ, имѣлъ свою долю въ общемъ ея уговорѣ и думѣ. Дѣла общественныя онъ считалъ своими, потому что самъ былъ составною частію общины,—ея дѣла и интересы были для него дороже всего; бѣда и радость общины были его личною бѣдой и радостью; безъ своей общины, безъ своего кружка, человѣкъ тогда считалъ немыслимымъ собственное существованіе. Это—толидарность, внутренняя крѣпость и связь общины съ ея членами—главные корни вѣчеваго быта. Личное начало было тутъ ни при чемъ.

Выводя такимъ образомъ вѣчевые порядки изъ личнаго начала, г. Сергѣевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что вѣче продолжало существовать и впослѣдствіи—но не въ силу собственного права, какъ одно изъ главныхъ проявленій общиннаго быта народа, а только какъ дополненіе къ органамъ княжескаго управленія, еще не бывшимъ на столько развитыми и самостоятельными, чтобы князья могли обходиться безъ народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Словомъ, авторъ выводитъ лишь изъ слабаго развитія княжескихъ органовъ необходимость и всеобщность вѣчеваго порядка въ древней Руси. Такая постановка вопроса ясно показываетъ, что авторъ остается вполне вѣрнымъ своему личному началу. Теоретическая подкладка изложеннаго вывода автора несомнѣнно имѣетъ тотъ смыслъ, что вѣче, какъ продуктъ личной свободы отдѣльныхъ лицъ, до тѣхъ только поръ имѣло право на независимое существованіе, пока не образовалась въ „сословіи“ князей-Рюриковичей высшая воля *личностей*, стоящихъ особо, какъ „порода людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призван-

паго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности, какъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, замкнутое и потомственное сословіе князей* (Вѣче и князь, 69), устраняющее этимъ самымъ совокупную волю (вѣче) подвластныхъ имъ лицъ. Это сословіе должно было устранить вѣче, сдѣлать его не нужнымъ и только до времени *терпѣло* его, въ виду недостаточнаго развитія собственныхъ органовъ управленія. Таково, какъ кажется, принципиальное понятіе автора о власти князей и о необходимости, стоящей рядомъ съ нею, власти вѣчевой. Здѣсь опять, чтобъ открыть истину, нужно поставить вопросъ въ обратномъ смыслѣ. И при первыхъ Рюриковичахъ, и затѣмъ въ теченіе всей первой половины княжеской эпохи, не князь терпѣлъ вѣче, а съ нимъ и общину, но именно самобытная община терпѣла князя: князья вѣдь не изгоняли общинъ, тогда какъ общины часто указывали путь своимъ князьямъ, сдѣлавшимся имъ „нелюбими“. Не князь условливалъ необходимость въ вѣчевомъ нарядѣ, но именно въ условіяхъ послѣдняго лежало призваніе самыхъ князей. Князь зависѣлъ отъ общины, какъ лицо, призванное для „володѣнья“ не въ силу собственнаго, личнаго права, но въ силу права общины—устроить свои дѣла по своему самостоятельному, внутреннему наряду. Князья, наконецъ, не составляли особой породы или сословія, съ независимымъ правительственнымъ назначеніемъ, но входили въ составъ общиннаго наряда, были органами своей общины или волости. Значеніе князей, какъ особой породы людей, начинается не раньше эпохи осѣданія ихъ по волостямъ; тогда дѣйствительно князья начинаютъ только терпѣть вѣча, пока послѣднія вовсе не выходятъ изъ народнаго обычая. Авторъ вообще легко могъ бы избѣжать всей этой путаницы понятій, и въ виду замѣчательнаго обилія собранныхъ и изученныхъ имъ фактовъ, уяснить вполне сущность дѣла, еслибъ онъ обратилъ больше вниманія на изслѣдованіе общиннаго быта, а также на значеніе обычнаго права въ исторіи древней Россіи. Слѣдуетъ, кромѣ того, поставить автору въ упрекъ, что онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ призванія князей, — какъ будто до того времени не существовало никакого общественнаго порядка, и вѣча съ князьями упали къ намъ съ неба вмѣстѣ съ призваніемъ Рюриковичей. Княжеское и вѣчевое начала одинаково присущи древне-славянскому быту. Изученіе послѣдняго (а этого не сдѣлано авторомъ, въ чемъ его упрекалъ еще г. Градовскій) помогло бы ему выиспать дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ и со всѣхъ сторонъ.

Считаемъ не лишнимъ закончить нашъ обзоръ политическихъ теорій нѣсколькими замѣчаніями о *методѣ изслѣдованій*. Вопросъ о методѣ принадлежитъ къ существеннымъ вопросамъ въ наукѣ: отъ примѣненія болѣе или менѣе правильнаго метода зависитъ успѣхъ научныхъ изслѣдованій, а слѣдовательно, и развитіе самой науки.

Старые историки держались метода *схематическаго*, состоящаго въ произвольномъ построении общаго взгляда, ученія или цѣлой теоріи, съ механическимъ подведеніемъ подъ данную схему историческихъ явленій, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному, внутреннему (а не одному виѣшнему) ихъ соответствію съ схемою, вообще безъ строго научной критики и анализа данныхъ, подвергасмыхъ произвольнымъ объясненіямъ и толкованіямъ или вовсе отбрасываемыхъ, какъ ненужный хламъ, если они не подходятъ подъ принятую схему. Схематическій методъ не остался безъ значительнаго вліянія и на нѣкоторыя изъ современныхъ теорій. Таковы въ особенности личная теорія гг. Чичерина и Сергѣевича, и государственная теорія г. Самовасова.

При разработкѣ вопросовъ фактическихъ долго господствовали въ историческихъ изслѣдованіяхъ два главные метода: *филологическій*, ограничивавшійся разборомъ виѣшняго состава терминовъ и выраженій, которые встрѣчаются въ источникахъ, — и *логическій*, состоявшій въ разборѣ внутренняго смысла и содержанія понятій, заключающихся въ данномъ мѣстѣ источника (логическое толкованіе источниковъ изъ самихъ себя). При дознанной произвольности и шаткости всякихъ филологическихъ и логическихъ наведеній и соображеній, оба метода не могутъ быть признаны научными. Они ведутъ не къ формулированію и постановкѣ точныхъ научныхъ законовъ, а лишь къ гадательнымъ и произвольнымъ построеніямъ и выводамъ, рѣшительно бесполезнымъ въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій.

Г. Погодинъ, какъ извѣстно, создалъ *математическій* методъ, представляющій такую же крайность, какъ и методъ схематическій. Одно сведеніе и констатированіе фактовъ, при всей ихъ математической точности, еще не создаетъ науки. Это только чернорабочій трудъ, но еще не научный методъ, путемъ котораго наука создаетъ свои выводы и законы. Притомъ, г. Погодинъ ограничивается лишь констатированіемъ лѣтописныхъ фактовъ и этимъ самымъ, въ ущербъ своей прямой задачѣ, сильно ограничиваетъ кругъ своихъ „розысканій“. Г. Погодинъ, вообще говоря, повиненъ въ нанесеніи наукѣ большаго вреда своимъ возрѣніемъ на лѣтопись, какъ на какой-то непогрѣши-

мый сводъ законовъ, изъ котораго будто бы можно черпать разрѣшеніе какихъ угодно научно-историческихъ вопросовъ. Не смотря на всю краткость, отрывочность и другіе недостатки нашихъ лѣтописей, особенно древнѣйшихъ эпохъ, г. Погодинъ, а за нимъ и другіе историки, ограничиваются въ своихъ изслѣдованіяхъ прежде всего и по преимуществу лѣтописными извѣстіями и — что самое главное — затѣмъ, если въ нихъ не оказывается никакихъ слѣдовъ изучаемаго ими явленія, заключаютъ отсюда, не задумываясь, что и въ самой жизни не было искомаго явленія. Подобный приѣмъ, на примѣръ, мы подмѣтили выше въ теоріи г. Самоквасова, отрицающаго вѣчевой бытъ древней Руси (кромя Новгорода) на томъ лишь основаніи, что лѣтопись не даетъ на него подробныхъ указаній. Этотъ ученый предлагаетъ даже особый, *компилятивный* методъ изученія лѣтописей, по составленному имъ рецепту, научающему, какъ слѣдуетъ пользоваться лѣтописями (на примѣръ, авторъ ркомендуетъ сличать однородныя свидѣтельства, сопоставлять различныя упоминанія одного и того же слова, считать дѣйствительнымъ *только* то, въ чемъ противорѣчія сходятся, отдавать предпочтеніе тому извѣстію, которое подтверждается достаточнымъ количествомъ свидѣтельствъ, — при невозможности соглашенія противорѣчій, считать самое мѣсто лѣтописи *потерявшимъ для науки значеніе источника* и пр.) Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ наука можетъ двигаться впередъ, прочно создавая свои начала и законы только путемъ такихъ нехитрыхъ рецептовъ и методовъ, на дѣлѣ приводящихъ лишь къ результатамъ и выводамъ, лишеннымъ всякаго научнаго значенія, въ родѣ тѣхъ выводовъ, къ какимъ, на основаніи своего же метода, пришелъ г. Самоквасовъ въ своемъ изслѣдованіи монархіи Кіевской и демократіи Новгородской X и XI вѣковъ.

Важное научное значеніе имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, методъ *догматическаго анализа* правовыхъ нормъ по источникамъ, — методъ, лишь въ недавнее время начавшій примѣняться у насъ въ дѣлѣ историко-юридическихъ изслѣдованій. Но при этомъ не нужно забывать, что едва ли можно считать достаточно-научнымъ приѣмомъ одно догматическое изложеніе началъ съ точки зрѣнія покоя, безъ уясненія ихъ *историческаго* движенія, — недостатковъ, очень хорошо подмѣченный, на примѣръ, г. Градовскимъ въ изслѣдованіи г. Сергѣевича. Мы думаемъ также, что, въ интересахъ научной полноты изслѣдованій, догматическій анализъ требуетъ, кромѣ того, *сравнительнаго* изученія историческихъ явленій у различныхъ народовъ, въ особенности одноплеменныхъ или стоящихъ на одинаковыхъ ступеняхъ развитія. За-

мѣтитъ наконецъ, что въ настоящее время болѣе и болѣе привѣщается въ историко-юридической наукѣ *индуктивный* методъ естественныхъ наукъ; хотя, съ другой стороны, несомнѣнно, что этотъ методъ, самъ по себѣ, не совсѣмъ достаточно при изученіи явлений социальнихъ, требующемъ болѣе сложныхъ пріемовъ и методовъ. Отъ историка въ особенности требуется не только индуктивность изслѣдованія, но и *дедуктивная* повѣрка выводовъ и положеній общими теоретическими законами науки. Неудовлетворительность современныхъ историко-политическихъ теорій объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нихъ, какъ мы уже замѣтили выше, недостаточно усвоены или вовсе не приняты во вниманіе общія начала и законы политическихъ и юридическихъ наукъ. Историкъ имѣетъ дѣло съ массой явленій народнаго быта въ историческомъ ихъ развитіи; его задача въ особенности осложняется при изученіи политическаго и юридическаго быта народа данной эпохи. Отъ него требуется основательное знакомство не только съ исторіей права, но и съ основными теоретическими понятіями и методами науки права и политики. Безъ этого условія историкъ, имѣя дѣло съ явленіями политической и юридической жизни, будетъ по неволѣ самъ *изобрѣтать* понятія и опредѣленія, не имѣющія ничего общаго съ понятіями и опредѣленіями точной науки. Такимъ субъективнымъ творчествомъ и изобрѣтательностію отличается большинство теорій, господствующихъ въ наукѣ русской исторіи, прежде всего благодаря тому обстоятельству, что историки наши, по большей части, не обладаютъ достаточною юридическою эрудиціей. Въ виду этого, намъ кажется весьма полезнымъ и цѣлесообразнымъ въ научныхъ и педагогическихъ интересахъ введеніе въ кругъ факультетскаго преподаванія историко-филологическихъ наукъ (по историческому отдѣлу) также исторіи отечественнаго права, вмѣстѣ съ общими началами энциклопедіи политическихъ и юридическихъ наукъ.

Ө. Леонтовичъ.